

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Никитина Вероника Владимировна

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТА
В КОНСТРУКЦИЯХ ТИПА *X SHUDDERS TO THINK***

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Сулейманова Ольга Аркадьевна

МОСКВА 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	17
1.1. Метаязык описания семантической структуры языкового знака	17
1.2. Проблема разграничения метатерминов: <i>концепт vs значение vs понятие vs смысл</i>	24
1.3. Дифференциация эмоции, экспрессивности и оценки как семантического компонента языкового знака	35
1.3.1. Оценочность как семантический компонент языкового знака	36
1.3.2. Эмоция и экспрессия как семантические компоненты языкового знака	40
1.4. Семантические признаки модели <i>X shudders to V</i>	46
1.4.1. Категория контролируемости события	56
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	65
ГЛАВА 2. ТРИАНГУЛЯЦИОННЫЙ ПОДХОД В СЕМАНТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: ОПРОС ИНФОРМАНТОВ VS <i>BIG DATA</i> ЭКСПЕРИМЕНТ	70
2.1. Методы исследования языкового значения	72
2.1.1. Компонентный анализ	72
2.1.2. Гипотетико-дедуктивный метод	77
2.1.3. Эксперимент в лингвистических исследованиях	84
2.2. Алгоритм поиска эмпирического материала: экспериментальные и поисковые сетевые технологии (Search Engine и Research Engine)	87

2.3. Апробация методов математической статистики в лингвокогнитивном исследовании	93
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	103
ГЛАВА 3 СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ТИПА <i>SHUDDER</i>, ОПИСЫВАЮЩИХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ	108
3.1. Анализ значений глагола <i>shudder</i> в лексикографических источниках	108
3.1.1. Эмпирическое обоснование выбора материала исследования	113
3.1.2. Критический анализ существующих описаний исследуемой группы синонимов	114
3.2. Семантика исследуемой группы глаголов	121
3.2.1. Семантика коллокации <i>shudder with</i>	122
3.2.2. Семантика коллокации <i>tremble with</i>	125
3.2.3. Семантика коллокации <i>shiver with</i>	128
3.2.4. Семантика коллокации <i>quake with</i>	130
3.2.5. Семантика коллокации <i>quiver with</i>	132
3.2.6. Семантика коллокации <i>shake with</i>	134
3.3. Семантика синтаксической структуры <i>X shudders to V</i>	138
3.3.1. Развитие семантической структуры семантически сходных глаголов, используемых в модели <i>X shudders to V</i>	145
3.4. Анализ семантической структуры глаголов <i>дрожать / вздрагивать / трястись / содрогаться</i>	158
3.4.1. Анализ лексикографического описания глаголов группы <i>дрожать</i>	159
3.4.2. Дистрибутивный анализ группы глаголов <i>дрожать</i>	166
3.4.3. Глаголы, заполняющие позицию предиката в структурах типа <i>X</i>	170

<i>дрожит от (ужаса), X содрогается от (стыда)</i>	
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	186
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	212
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	216

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование представляет собой работу по синтаксической семантике и посвящено проблеме концептуализации психофизиологической реакции протагониста, вызванной его собственными действиями, что реализуется в синтаксической структуре типа *X shudders to V*.

Предметом исследования является концептуализация психофизиологической реакции протагониста, сопровождающей его собственные действия в связи с некоторым событием *P* и представленной в конструкции типа *X does to V*, в составе которой используются глаголы *shudder / tremble / shake / quiver / shiver / quake*.

Объектом исследования служит семантическая структура синтаксических конструкций типа *X shudders / trembles / shakes / quiver / shiver / quake to think* (*X содрогается / дрожит при мысли*) и в связи с этим семантика глаголов *shudder / tremble / shake / quiver / shiver / quake*, используемых в данной конструкции.

Методологическую основу настоящего исследования определяют положения когнитивной лингвистики, связанные с:

1) определением места лингвистической семантики и метаязыка описания семантической структуры языкового знака в общей системе лингвистических представлений, которые позволяют интерпретировать процессы языковой категоризации и концептуализации внеязыковой действительности языковыми средствами [Арутюнова 2003; Селиверстова 1975; 1976; Апресян 1995а; Сулейманова 1999; Болдырев 2007; Фомина 2009; Иванова 2011)];

2) представлением о структуре значения языкового знака как формирующегося из семантических компонентов [Селиверстова 2002; 2004; Щерба 1974; Прохоров 2009; Болдырев 2007; Сулейманова 2000; Лукошус 2015];

3) представлением о лингвокогнитивных аспектах значения языкового знака как информации, вносимой об объекте внеязыковой действительности и имеющей языковую релевантность; в частности, представлением о характере

взаимодействия когнитивных и языковых структур в процессе функционирования языка [Селиверстова 1975; Шабанова 1998; Сулейманова 1999; Болдырев 2007];

4) обоснованием выбора экспериментальной методики исследования и принципов организации семантико-синтаксических экспериментальных исследований в рамках общего гипотетико-дедуктивного метода и определением специфики семантического эксперимента [Апресян 1966; Селиверстова 1982; Сулейманова 1999; Фомина 2009];

5) мотивированием применения методов математической статистики при реализации контент-анализа в семантическом исследовании [Левицкий 2007];

6) введением поисковых сетевых технологий Big Data в семантический эксперимент и оценкой их потенциала применительно к экспериментальным исследованиям [Suleimanova 2020; Петрова 2018; 2019; Сулейманова, Фомина 2018; Демченко 2018; Никитина 2020а; Nikitina 2020].

Методика настоящего исследования базируется на комплексном триангуляционном подходе: *контекстном* и *дистрибутивном анализе*, которые позволяют сформировать гипотезу о значениях изучаемых явлений, наряду с *компонентным анализом* и *гипотетико-дедуктивным методом*, в основе которого лежит *эксперимент* [Апресян 1973; Щерба 1974; Селиверстова 1975; Сулейманова 1986; Апресян 2010]. Одновременно с базовыми методиками в ходе исследования применяются *методы математической статистики* [Левицкий 2007], *контент-анализ*, который реализуется в количественном анализе текстовых массивов и выявлении частотности употребления исследуемых единиц; используется потенциал поисковых сетевых технологий *Big Data – Search и Research engines* [Suleimanova 2020; Петрова 2018; 2019; Сулейманова, Фомина 2017; 2018; Никитина 2018 2020а].

Актуальность диссертационной работы определяется рядом факторов.

Во-первых, отмечается повышенный интерес современной лингвистики к анализу когнитивных явлений, их языковой категоризации и исследованию концептуализации внеязыковой действительности языковыми средствами

(в частности, исследуются языковые средства на уровне лексики и синтаксиса) [Лось 2018; 2019; 2020; Чалей 2017; Петрова 2020].

Во-вторых, несмотря на то, что в классических грамматических изданиях подобные грамматические структуры исследованы [Есперсен 1958; Curme 1925; Kruisinga 1931; Худяков 2005] – в частности, отмечается, что логическая формула выражения мнения, которая выражает эпистемическую модальность: *I think that S is P*, вносит информацию о субъективно-модальных отношениях, при этом подчеркивается градуированный характер выражения описываемого мнения (*Мне кажется... Совершенно уверен*) [Худяков 2005: 61], – однако содержательные, в частности, когнитивные параметры исследуемых структур не находят исчерпывающего теоретического обоснования и тем более экспериментальной верификации, следовательно, не получены адекватные описания исследуемых структур.

Кроме того, семантика глаголов, заполняющих данные конструкции (*shudder / tremble / shake / quiver / shiver / quake*), до настоящего времени не становилась предметом специального исследования. Изучались сходные структуры на материале различных языков – например, в работе Г.Е. Крейдлина исследование особенностей семантической структуры русского глагола *коробить* выявило существенные семантические признаки его значения, в частности, были соотнесены прямое значение, вносящее информацию о физическом действии (*Доски **коробит** от сырости*), а также производное метафорическое, вносящее информацию о психофизиологической реакции протагониста (*Аркадия **покоробило** от цинизма Базарова*). Исследователем установлено, что появление чувств, каузируемых действием, описываемым глаголом *коробить*, выражается различными телесными манифестациями – физическим проявлением чувств, коррелирующим с глаголом *передергивать*, и мимикой, коррелирующей с глаголом *раздражать*, в то время как при реализации английских коррелятов исследуемого глагола задействованы иные механизмы [Крейдлин, Семенова 2016: 128-146]. Английская коррелирующая структура с глаголом типа *shudder* не

получила соответствующего описания. Более того, в лексикографических описаниях данных глаголов содержатся неточности (см. анализ лексикографических описаний в главе III), как это часто имеет место в лексикографии [Шабанова 1998; Крейдлин, Семенова 2016; Ильчук 2004; Евтеева 2014; Фомина 2009].

Таким образом, отсутствие точных лексикографических описаний выбранных глаголов, а также синтаксических структур типа *X shudders / trembles / shakes / quiver / shiver / quiver / quake to think* в лингвистической литературе делает исследование актуальным.

Актуальность работы обусловлена также активным интересом лингвистов к когнитивным процессам и ментальным структурам [Есперсен 1958; Кацнельсон 1945; Бондарко 2004; Сулейманова 1999; Болдырев 2010; Попова 2005; Фомина 2009].

В частности, исследование Е.В. Ильчук, посвященное когнитивным процессам и анализу ментальных структур, репрезентируемых глаголами мнения типа *think, consider...* и восприятия *perceive, feel*, выявило, что большинство когнитивных глаголов отображают многокомпонентную структуру познавательной деятельности субъекта, которая направлена на выражение не столько рационального сознания (*I think, I suppose*), когда субъект когнитивного процесса описывается как использующий не чисто логические приемы, а сколько свои собственные критерии [Ильчук 2004].

В исследовании семантической модели английских глаголов зрения Т.Д. Шабанова сформулировала адекватный семантический метаязык для описания английских глаголов зрения, что позволило типизировать исследуемые предикаты согласно их ролевой семантике [Шабанова 1998].

Исследование О.Е. Фроловой посвящено концептуализации эмоциональной перегрузки индивида на материале русских предикатных выражений с глаголами типа *доводить* [Фролова 2018].

В работе Т.И. Семеновой в диахроническом аспекте анализировалась семантика предикатов, описывающих эмоциональное состояние *страха* на примере сочетаний *to be afraid of / that / of doing* [Семенова 1993].

Исследование предложений с модусными предикатами направлено на анализ структурно-семантической организации модусной ситуации с глаголами психической деятельности [Камшилова 1984].

В работе А.А. Зализняк предложено выделение семантической типологии как области исследования языковых значений и всех возможных связей между ними, определяющих характер языковой концептуализации, на примере глагола *бояться* [Зализняк 2013].

Исследование В. Ю. Апресян о механизмах образования и взаимодействия сложных значений в языке посвящено изучению системообразующих смыслов в языке, а также выявлению роли семантики и языковой прагматики в сочетаемости лексем и синтаксических моделей. В частности, при сравнительном корпусном исследовании прагматики эмоций в русском и английском языках на основе сравнения частотностей употребления лексем со значением эмоций данная методика подтверждает свою эффективность. При этом, помимо анализа корпусов текстов лингвистика XXI в. позволяет внедрить триангуляционную верификацию *корпусное исследование* → *информант-носитель языка* → *коллективный информант*, что обеспечивает более высокую точность и надежность полученных эмпирических данных. Автор также предлагает семантическое сравнение основных эмоциональных кластеров. В частности, представлен инвариант кластера «страх» и его подтипов: *X думает, что от Y-а может произойти что-то плохое*; *X думает, что от контакта с Y-от может произойти что-то плохое*; *X хочет избежать Y-а*; *X чувствует что-то плохое*. При этом описание синтаксических моделей типа *X shudders to V* автором не предлагается [Апресян 2015].

Таким образом, концептуализация ментальных и эмоциональных действий и состояний неизменно находится в центре внимания лингвистов. Однако выбранные глаголы не служили предметом специального исследования, и,

несмотря на интерес к сопряженным структурам, приходится признать, что ряд аспектов, значимых для семантического исследования, остаются открытыми и нуждаются в дополнительном исследовании, главным образом в связи с развитием динамично развивающихся методов семантического исследования – комбинаторных триангуляционных подходов, что непосредственно влияет на повышение верификационного потенциала семантических исследований.

В-третьих, зафиксированные в лексикографических источниках определения семантики исследуемой группы глаголов типа *shudder* не представляются исчерпывающими, поскольку интерпретируют один глагол через другой. Ср.:

– *shudder* – to **shake** because you are cold or frightened, or because of a strong feeling;

– *tremble* – to **shake** in a way that you cannot control, especially because you are very nervous, excited, frightened, etc;

– *shake* – to move or make somebody/something move with short quick movements from side to side or up and down; to **tremble** with emotion, cold, etc.;

– *quiver* – to **shake** slightly; to make a slight movement;

– *shiver* – to **shake** to shake slightly because you are cold, frightened, excited, etc;

– *quake* (of person) – to **shake** because you are very frightened or nervous: [<http://OALD; dictionary.reference.com>].

Таким образом, рассматриваемые глаголы получают перекрещивающиеся и даже совпадающие дефиниции, при этом актуальные описания не позволяют однозначно выявить признаки, разграничивающие значения рассматриваемых глаголов: глаголы *shudder*, *tremble*, *quiver*, *shiver*, *quake* определяются через глагол *shake*; глагол *shake* детерминируется через глагол *tremble*. Следовательно, сложившаяся тенденция, безусловно, свидетельствует в пользу *актуальности* настоящего исследования.

Более того, при исследовании аутентичных текстов (корпусы BNC, COCA, поисковые сетевые технологии Big Data) выяснилось, что глагол *shudder*

используется для описания более обширного набора обстоятельств и состояний, нежели это представлено в толковых словарях, что требует более точного описания его семантической структуры.

Цель предлагаемого исследования состоит в том, чтобы изучить семантику глаголов типа *shudder / tremble / shake / quiver / shiver / quake*, а также семантику синтаксической структуры *X shudders / trembles / shakes / quivers / shivers / quakes to V*. Поставленная цель определяет необходимость последовательного решения ряда конкретных **задач исследования**: 1) выработка принципов семантического описания и метаязыка описания исследуемых инфинитивных конструкций; 2) разработка триангуляционного подхода для анализа и описания семантики глаголов *shudder / tremble / shake / quiver / shiver / quake* и особенностей употребления исследуемых языковых единиц; проведение дистрибутивного анализа, корпусного анализа и выдвижение гипотезы относительно употребления исследуемых единиц; 3) проведение семантического эксперимента по выявлению семантики глаголов *shudder / tremble / shake / quiver / shiver / quake* и верификация гипотезы и описание их семантики; 4) выявление особенностей употребления исследуемых единиц исходя из их уточненного семантического описания; 5) описание семантики исследуемой модели *X shudders / trembles / shakes / quiver / shiver / quake to V* на основе проведения экспериментального исследования при обращении к большим массивам данных (обращения к коллективному информанту); 6) анализ семантической структуры глаголов *дрожать / вздрагивать / трястись / содрогаться*; 7) описание семантики моделей *X вздрогнул от (ужаса), X дрожит от (страха)* при обращении к большим массивам данных.

Материалом исследования послужили высказывания из английских и русских лексикографических источников и из статей английской и американской периодики XX–XXI вв.; корпусов текстов (Британский национальный корпус BNC, корпус современного американского варианта английского языка COCA, корпус текстов из журналов американского английского языка TMC, корпус Википедии американского английского языка WC, корпус текстов из

американских сериалов CASO, НКРЯ), содержащие в своем составе конструкции *X shudders / trembles / shakes / quivers / shivers / quakes to think* в количестве 1208; и высказывания, содержащие конструкции *X shudders / trembles / shakes / quivers / shivers / quakes*, в количестве 6029 языковых единиц; а также примеры из поисковых сетевых систем Big Data на русском и английском языках.

Положения, выносимые на защиту:

1. Развитие поисковых сетевых технологий Big Data, включающих данные разнообразных поисковых систем, и развитие корпусных технологий открывают новые возможности и позволяют ставить и решать семантические исследовательские задачи оптимальным образом. Использование цифровых технологий и методов математической статистики значительно повышает верификационный потенциал семантического исследования. В частности, представляется обоснование и перспективы применения триангуляционной модели семантического эксперимента Big Data; алгоритмов проведения корпусного исследования; потенциала поисковых сетевых технологий Big Data и методов количественного анализа в семантическом исследовании.

2. Применение триангуляционной методики, которая представляет собой синтез гипотетико-дедуктивного метода исследования, сформированного на основании семантического эксперимента, корпусного эксперимента и обращение к ведущим поисковым системам, позволяет получать результаты с высокой доказательной базой.

3. Семантическое описание исследуемых глаголов позволило вывести закономерность: из группы сходных, но не тождественных глаголов метафоризации подвергается самый частотный, то есть сведения о частотности языковой единицы в группе синонимов позволяют спрогнозировать, какой из семантически сходных глаголов разовьет метафорическое значение.

4. Конструкция *shudder to V* (редко *tremble to V*) + глагол когнитивной деятельности вносит информацию о неконтролируемой психофизиологической реакции протагониста на его собственные действия (*I shudder to think what kind of life I should have had with him*);

конструкция *shudder to, tremble to* + глагол физического восприятия вносит информацию о психофизиологическом восприятии, выраженном в виде телесной манифестации, казулируемой внешними обстоятельствами (*Would I shudder to hear your words?*);

конструкция *tremble to* + глагол физического действия вносит информацию о физиологическом восприятии, выраженном в виде телесной манифестации (*I tremble to type the words*).

Научная новизна исследования состоит, во-первых, в разработке комплексных экспериментальных типов анализа, основанных на триангуляционной верификации эмпирических данных (*корпусные данные, информанты (носители языка), данные поисковых сетевых технологий Big Data, методы математической статистики*), которая позволяет приблизить лингвистику к точным наукам и представить достоверное обоснование данных лингвистического исследования; во-вторых – в выявлении возможностей современного лингвистического инструментария (поисковые системы Google и Яндекс) для изучения языковой действительности. Поисковые системы (Search Engine) служат эффективным инструментом для обоснования результатов исследования (Research Engine). В-третьих – в представлении уточненных семантических описаний группы глаголов типа *shudder* и семантических структур синтаксических конструкций.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии положений, связанных с интерпретацией семантики конструкций; полученные экспериментальные результаты и сформированные на основе их анализа выводы позволяют уточнить теоретические представления об интерпретации значения языкового знака и взаимодействии значений на разных уровнях языка, в том числе о корреляции значений синтаксических моделей и заполняющих их лексем; проведенное исследование расширяет представления о методологии семантического исследования за счет использования усовершенствованных верификационных исследовательских технологий.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов в практике преподавания теоретических курсов: лексикологии, общего языкознания, лингвистической семантики, стилистики; при подготовке занятий по практическому курсу английского языка, стилистическим аспектам перевода; при разработке курсов по выбору по когнитивной лингвистике, методологии научного исследования, лингвокультурологии, когнитологии, количественной лингвистике; при проведении лингвистических и междисциплинарных исследований, разработке пособий и методических рекомендаций. Кроме того, материалы диссертации могут найти применение в лексикографической практике для составления словарей, а также при написании выпускных квалификационных работ по смежной проблематике.

Структура диссертационного исследования

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 243 наименования (в том числе 35 – на иностранных языках), двух приложений (содержащих экспериментальные анкеты и результаты верификационного потенциала коллективного информанта). Общий объем работы составляет 230 страниц.

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются его цель, задачи, методологические принципы и теоретические основы, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов, выдвигается гипотеза, излагаются основные положения, выносимые на защиту, дается качественно-количественная характеристика апробированных материалов и опубликованных работ.

Первая глава «Теоретические предпосылки и методы исследования» посвящена обоснованию теоретических предпосылок и метода исследования, описанию метаязыка исследования, уточнению интерпретации основных используемых в работе метатерминов.

Вторая глава «Триангуляционный подход в семантическом исследовании: опрос информантов vs *Big Data* эксперимент» посвящена описанию применения триангуляционной методики, обзору алгоритмов проведения корпусного

исследования, анализу потенциала поисковых сетевых технологий *Big Data*, обоснованию и применению метода количественного анализа в семантическом исследовании.

В третьей главе «Семантика глаголов типа *shudder*, описывающих психофизиологические реакции» представлено уточненное описание семантики глаголов типа *shudder / tremble / shake / quiver / shiver / quake*, а также семантики синтаксической структуры *X shudders / trembles / shakes / quivers / shivers / quakes to V*: компонентный и дистрибутивный анализ группы глаголов типа *shudder*; анализ синтаксической структуры *X shudders to V*. Развитие семантической структуры семантически сходных глаголов, используемых в модели *X shudders to V*, анализ семантической структуры глаголов *дрожать / вздрагивать / трястись / содрогаться* и анализ синтаксических структур *X дрожит от (ужаса), X содрогается от (стыда)* позволили концептуализировать психофизиологическую реакцию протагониста, которая сопровождает его собственные действия в связи с некоторым событием *P*, представленной в конструкции типа *X does to V*, в составе которой используются глаголы *shudder / tremble / shake / quiver / shiver / quake*.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования и определяются перспективы дальнейшего изучения данной проблематики.

В приложения включены экспериментальные анкеты.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования представлены на научно-практических и международных научных конференциях:

1) аспирантской научно-практической конференции «Наука в современной культуре» (г. Москва, ГАОУ ВО МГПУ, 14 марта 2017 г.);

2) Всероссийской научной конференции с международным участием «Когнитивные исследования в гуманитарных науках» (г. Тамбов, 17-18 мая 2018 г.);

3) 54-м Лингвистическом коллоквиуме «Кодирование / декодирование информации инструментами языков мира» (54th Linguistics colloquium MCU) (г. Москва, 29-22 сентября 2019 г.);

4) II Международной научно-практической конференции «Диалог культур. Культура диалога: от конфликта к взаимопониманию» (г. Москва, 24 апреля 2020 г.);

5) X Международном конгрессе по когнитивной лингвистике «Когнитивные исследования в гуманитарных науках» (г. Екатеринбург, 17-18 сентября 2020 г.);

6) Юбилейной научной конференции (международной молодежной проектной сессии) «Фестиваль науки – 2020» (г. Москва, ФГБОУ ВО МГЛУ, 8 октября 2020 г.);

7) Международной научной конференции по когнитивной лингвистике «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (г. Нижний Новгород, 2-4 июня 2021).

Основные положения диссертационной работы отражены в 9 публикациях общим объемом 3,69 п.л., (из них 6 работ (2.18 п.л.) опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Метаязык описания семантической структуры языкового знака

В силу того, что первостепенной задачей лингвистической семантики является описание семантического содержания языкового знака – его *значения*, возникает необходимость создания метаязыка исследования.

В лингвистической семантике существуют практики составления различных метаязыковых систем, позволяющих решать различные исследовательские задачи семантического описания.

Важность толкования в описании организации языка отмечает А. Вежбицкая: «...сформулированный смысл по природе не может быть равен смутно понимаемому исходному» [Вежбицкая 1996: 17]. В силу этого обстоятельства исследование метаязыка описания значений языковых единиц занимает весомое место в лингвистике: разработке данной проблематики посвящены публикации Ю.Д. Апресяна [Апресян 1974], А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996], О.Н. Селиверстовой [Селиверстова 1975; 1976; 2004], О.А. Сулеймановой [Сулейманова 1999]. В силу этого интерпретация основных метатерминов, связанных с семантикой моделей предложения типа *X shudders to V* и заполняющих ее предикатов, является первоочередной *задачей* при проведении настоящего семантического исследования. Рассмотренные в лингвистической семантике метаязыки описания.

Семантические примитивы

Концепция, основанная на выделении семантических примитивов, А. Вежбицкой разработана для выстраивания общей семантической теории естественного языка. Задача семантики, согласно представлениям А. Вежбицкой, «состоит в том, чтобы выявить структуру мысли, скрытую за внешней формой языка» [Вежбицка 1983: 225]. Иными словами, в основе теории лежит

представление о наличии в сознании каждого человека некой «семантической системы», включающей совокупность элементарных понятий, а также правил, по которым из этих понятий конструируются сложные концепты, которые А. Вежбицкая характеризует как «ментальные предложения или мысли». Особенность данной системы заключается в том, что выявление ограниченного количества элементарных смыслов – примитивов, основанных на принципе неразложимости, позволило А. Вежбицкой получить описание множества как лексических, так и грамматических значений и выявить типологические связи между элементами разных единиц языка.

Методика, основанная на критерии разложимости на далее неразложимые компоненты (о компонентном анализе – см. подробнее главу II), широко разрабатывалась лингвистами в разные времена. В частности, В.В. Богданов указывал, что «значение слова – это упорядоченная структура множества элементарных частиц» [Богданов 1977: 17]. В отличие от других исследователей, А. Вежбицкая сократила число элементарных частиц до минимума, при этом, по мнению автора, выделенные примитивы универсальны и составляют основу значения любой лексической единицы.

Аналогичным образом подход применяется для интерпретации терминов, представленных в работах Ю.Д. Апресяна: метатермины *метаязык* и *семантические примитивы* описываются у исследователя как неопределяемые слова, не допускающие последующего семантического разложения; при этом семантически более сложные слова должны сводятся к примитивам в несколько этапов: «...слова естественного языка, которые выбираются на роль примитивов, – это всегда слова “первого плана”, наиболее укорененные в языке и культуре. Они обслуживают наибольшее число прагматических ситуаций» [Апресян 1995: 486-481]. При этом примитивами автор называет реально существующие смыслы, не материализуемые в словах естественных языков, например: «1) физическое восприятие (*зрение, слух* и др.) – «воспринимать»; 2) физиологические состояния (*голод, жажда* и др.) – «ощущать»; 3) физические действия и деятельность (*работать, отдыхать* и др.) – «делать» и т.д.» [Апресян 1995: 468-481].

Тем не менее универсальность и неразложимость семантического языка примитивов А. Вежбицкой, по мнению ряда лингвистов, нередко вызывает сомнения: например, слово *весь*, которое выделено А. Вежбицкой как примитив, разложимо на несколько компонентов [Сулейманова 1985]; интерпретация концепта «*мы*» позволила опровергнуть неразложимость местоимений *мы, ты, это, этот* [Селиверстова 1988: 33-37; Бенвенист 1974; Падучева 1985]. Более того, пересмотр широко известных в лингвистике описаний слов типа *холостяк* позволил добавить к уже выделенным компонентам ряд неэлементарных компонентов, обозначив, таким образом, вариации условий неразложимости [Сулейманова 2000]. Иными словами, методика А. Вежбицкой применительно к семантическим исследованиям может быть недостаточной.

Кроме того, ряд лингвистов полагает, что главными критериями при выделении семантических признаков должны быть *адекватность, полнота и точность*, но не сложность или простота [Селиверстова 1980; Щерба 1974; Сулейманова 2000].

Ролевая грамматика

Рассмотрим возможности метаязыка в рамках еще одного направления.

В ролевой (падежной) грамматике, представляющей собой метод описания семантики предложения (за исключением модальных и перформативных элементов) как системы семантических валентностей, значение вершинного глагола диктует роли («падежи»), исполняемые именными составляющими. Процедура описания синтаксиса осуществляется путем определения валентности языковых единиц. Однако отмечается отсутствие единых принципов определения падежей: например, может вноситься информация о двух падежах с интегральными признаками или об одном, который реализуется различно [Fillmore 1977]. Ср. бытийные конструкции с глаголом *быть X* (в эксплицитной или нулевой форме), «при котором субъектом выступает некоторое предикатное существительное *Y* и которому подчиняется по крайней мере одна группа *P*, выражающая валентность *Y*, как в примерах: *Вам [P1] нет [X] нужды [Y] искать [P2] правду, потому что она вам дана с самого начала* (Д. Быков); *Прощения [Y]*

мне [P] нет [X], да я и не прошу его (М. Шишкин); Всему [P] есть [X] предел [Y]; И по-прежнему всем [P] есть [X] дело [Y] до так и не найденных сокровищ царя Соломона (Д. Рубина); Радости [P] не было [X] конца [Y]; Не было [X] пощады [Y] ни бедным земледельцам [P], ни женщинам (Н. Эйдельман); И ночью при луне мне [P] нет [X] покоя [Y], зачем потревожили меня? (М. Булгаков); к вам [P1] у меня [P2] больше нет [X] никаких претензий [Y]; Во мне [P] нет [X] страха [Y]» [Июмдин 2014: 221].

Представляется, что в рамках продемонстрированного подхода – представление синтаксических структур согласно падежным ролям – описание различий таких структур не представляется возможным или полным.

Для разработки метаязыка описания особый интерес представляет теория валентности. Понятие валентности ввел в лингвистику Л. Теньер в 1934 г., фиксируя возможность глагола управлять несколькими актантами – подлежащим и дополнением (прямым и косвенным) [Теньер 1988: 15]. Под валентностью мы, вслед за С.Д. Кацнельсоном, понимаем «свойство слова определенным образом реализовываться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами» [Кацнельсон 1948, 35]. Например, глагол *shudder* реализует валентность на действие и в одном из своих значений (*shudder 2*) и является двухвалентным. Предикатное выражение состоит из предиката и набора его актантов, и для адекватности понимания высказывания его минимальное окружение заполняется двумя актантами: **I** (кто? субъект) *shudder to think* (от чего? объект) / *Я содрогаюсь при мысли*. В данном случае *shudder 2* открывает правую валентность на указание на некую ментальную деятельность. Выявление закономерностей формирования семантико-синтаксической организации предложения во многом определяется входящими в него компонентами. Следовательно, для каждого актанта необходимо определить роли при исследуемом предикате [Вежбицкая 1996: 13]. По этому принципу А. Вежбицкая выделяет условие построения правильного предложения: «1) каждая лексема заполняет какую-то валентность, 2) заполнены валентности всех лексем и 3) как минимум одна лексема предикатная» [Вежбицкая 1996: 14].

Следовательно, для того чтобы определить и проанализировать (грамматическую) структуру предложения, необходимо иметь четкое представление о семантической структуре самого глагола.

Проблему семантической организации предложения исследовали многие отечественные и зарубежные лингвисты. Так, было предложено описание ключевых положений для интерпретации семантики синтаксиса: семантика синтаксиса может быть описана исходя из интерпретации мыслительной деятельности объекта при восприятии им действительности [Есперсен 1958; Кацнельсон 1948; Арутюнова 1976]; семантика синтаксиса может быть описана с опорой на структурные схемы [Шведова 1980]; описание семантики синтаксиса с опорой на понятие пропозиции [1981]; интерпретация предложения как языкового знака [Бенвенист 2010; Арутюнова 2003; Вежбицкая 1999; 1996; Гак 1969]; понятие синтаксического концепта [Попова 2009; Булыгина 2004; Кузьмина 2012] способы выражения «субъективности» [Балли 1955]; определение понятия валентности [Теньер 1988], необходимость применения эксперимента для исследования «живых языков» в синхроническом аспекте [Щерба 1974]; вариативность плана выражения и плана содержания [Ельмслев 2006]; классификационное обоснование исследуемых моделей [Селиверстова 1966]; структурная схема и организация предложения, понятие имбрикации [Степанов 1985; Сулейманова 1999].

Таким образом, данные представления, в частности представления о структурных схемах, представление о языковом знаке, необходимость применения эксперимента, оказываются релевантными для настоящего исследования.

Семантика синтаксиса изучает семантическую составляющую предложения, поскольку смысл проецируется как на семантику (содержание), так и на грамматику (форму) языковых единиц. При этом для семантико-синтаксических исследований свойственно описывать не только семантическую составляющую синтаксических моделей, но и дискурсивную составляющую, отражающую экстралингвистическую.

Как отмечают многие лингвисты, для исчерпывающего описания синтаксических моделей необходимо прежде всего представить классификационное обоснование исследуемых моделей, которое должно строиться в соответствии с определенной типологией:

– типология должна включать лингвистические признаки, которые «соотнесены с семантическими компонентами, обладающими грамматической релевантностью, которые могли бы быть применимы как для отдельных единиц, так и для целых классов единиц» [Селиверстова 1966: 11];

– необходимость согласования типологии с семантическими и синтаксическими терминами – иными словами, выделение определенного набора семантических признаков, способных заполнять определенные синтаксические модели [Lakoff 1968];

– построение моделей семантики является «неотъемлемой частью полного описания языка». Согласно типологии Ю.Д. Апресяна, модель, построенная по однозначно интерпретируемым параметрам (правилам образования или выделения новых объектов и утверждений), может считаться формальной [Апресян 1966: 88-89]. Следовательно, выявление всех релевантных формальных признаков модели позволяет составить полное ее описание.

Для описания семантики синтаксической конструкции многие лингвисты указывают на недостаточность описания конкретного значения лексемы, поскольку исходя из значения единичного слова не представляется возможным интерпретировать целую структуру (Ю.Д. Апресян, Л. Блумфилд).

При этом отмечается, что именно принцип *совместимости* является определяющим для выведения дифференцирующих и интегрирующих семантических признаков при различной реализации глагола в высказывании: «...две управляемые формы совместимы при данном глаголе, если имеется хотя бы одна фраза с этим глаголом, в которой они реализуются одновременно... Совместимость управляемых форм при данном глаголе свидетельствует о тождестве его значения, а несовместимость форм является показателем семантического различия» [Апресян 1966: 138-139]. Например, в синтаксической

модели типа *X shudders to V* контекстная реализация соответствует формальным признакам модели *I shudder to imagine – shudder 2* (*Я с содроганием представляю*), а контекстная реализация модели *I shudder to a halt shudder 1* (*Я замираю на месте*) – нет, поскольку, несмотря на видимое соблюдение формы, лексема *halt* является существительным, следовательно, речь идет о другой модели, не говоря уже об очевидно нетождественных моделях *I shudder with fear* (*Я дрожу от страха*), *I still shudder at the memory* (*Я вздрагиваю при воспоминании*). Таким образом, указанный принцип позволяет разграничивать значения глагола в контекстах и выделять структурные схемы.

Далее представляется значимым выделить принципы семантической организации предложения: во-первых, обязательное соединение в предложении объективного (диктум) и субъективного (модус) [Балли 1955]. Субъективные значения (модус) включают в себя совокупность интеллектуальных, эмоциональных суждений говорящего или влияние речевой ситуации [Там же]. Как отмечает автор, в эмотивных высказываниях наиболее тесно взаимосвязаны перцептивный (модус восприятия), ментальный (эпистемическая и аксиологическая оценка) и эмотивный модусы. Во-вторых, значимо представление о двух возможностях присутствия смысла в семантике предложения – эксплицитном и имплицитном. В-третьих, представление о пропозиции, которое связано с необходимостью выделения и разграничения модуса и диктума, поскольку отражением денотативного, объективного и инвариантного содержания в синтаксической единице является пропозиция. В настоящем исследовании данное разграничение представляется актуальным в силу того, что это различие разграничивает две модели.

Так, например, при внешней совместимости форм, в конструкциях с глаголом (*shudder 1*) вносимая информация объективна (диктум): *He shudders from fever* (*Он дрожит от лихорадки*), тогда как в конструкциях с глаголом *shudder 2* вносимая информация включает и коннотативный, и эмоциональный компоненты значения (модус): *I shudder to think what I might have seen if I'd arrived*

a few minutes later (Я содрогаюсь при мысли о том, что бы я увидела, если бы приехала на несколько минут позже) (см. подробнее параграф 1.4).

«Соизмеримы должны быть не только слова... но и грамматические модели» [Вежбицкая 1991: 14]; «Сочетаемость – как морфологическая, так и синтаксическая – может быть предсказана из семантики слов и синтаксических конструкций» [Вежбицкая 1996: 17]. Иными словами, через анализ сочетаемости, лексического наполнения модели исследователь приходит к экспликации семантики моделей. В английском языке это, например, может быть конструкция *to + инфинитив*, герундий и т.д. (*I shudder to imagine*).

Следовательно, для лингвистического обоснования языковых структур необходимо выявить максимально возможное число компонентов содержания синтаксической конструкции, поскольку предложение также является знаком языка [Бенвенист 1974; Вежбицкая 1996].

Естественный язык как метаязык описания языковых единиц

Топосом современной семантики стал подход, когда в основе описания значения языковых единиц лежит естественный язык [Арутюнова 1976, 1982; Селиверстова 1975; 1976; 1982; Сулейманова 2000; Фомина 2009; Иванова 2011; Чалей 2018], лексические единицы которого составляют корпус метапонятий. В настоящей работе для определения метатерминов также будет использоваться естественный язык.

1.2. Проблема разграничения: *концепт vs значение vs понятие vs смысл*

В лингвистике сохраняется тенденция отождествлять категории *значения* и *понятия*, как показывает исследование лингвистической литературы (см. [Апресян 1974; Арнольд 1966]), *значения* и *смысла* (см. [Carnap 1988]), *значения* и *концепта* (см. [Селиверстова 2002]). В ряде случаев для описания метатерминов предлагаются даже взаимоисключающие параметры Выготский 1998; Соссюр 1999; Фреге 1977; Carnap 1988; Бондарко 2003; Звегинцев 1957; Кубрякова 1996;

Степанов 1997; Прохоров 2009 и др.]. Такая же тенденция отмечается в логике и философии (античные стоики, Дж. Локк, Ф. Бэкон, Гоббс, Р. Декарт, Г. Гегель, А.Ф. Лосев и др.). В связи с этим дифференциация данных представлений и исследование дефиниций *значения* языкового знака, корреляции между *значением* и *понятием*, *значением* и *смыслом*, *значением* и *концептом* представляются релевантными.

Проанализируем общераспространенную в лингвистике интерпретацию *значения* через *понятие*, когда *лексическое значение слова* определяют как «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нём представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.» [Гак: [http](#)]. Такое определение представляется слишком широким, поскольку включает в себя, в том числе, энциклопедическую информацию и ассоциативные индивидуальные смыслы. *Понятие* интерпретируют как «мысль, отражающую в обобщённой форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений; последние (свойства и отношения) выступают в понятии как общие и специфические признаки, соотнесённые с классами предметов и явлений» [Степанов: [http](#)]. Данное определение коррелирует с определением понятия в логике, поскольку в логике *понятия* выражаются посредством дескриптивных терминов типа «объект из универсума (рода) X, обладающий признаком Y» [Маркин: [http](#)].

Тенденция интерпретировать *значение* через *понятие* в лингвистике достаточно распространена: «...значение слова есть понятие» [Carnap 1988: 6]. Вместе с тем существует точка зрения, разграничивающая категории *значение* и *понятие*. Неконгруэнтность *значения* и *понятия* мотивирована тем, что *значение* присуще языковой системе, в то время как *понятие* исследуется в системе отношений и форм и изучается различными науками: «...понятие и лексическое значение, относясь к однопорядковым категориям мышления, не совпадают» [Гак: [http](#)].

Как представляется, категория *значения* шире категории *понятия*, поскольку у всех лексических единиц есть *значение*, в то время как не все

лексические единицы обозначают *понятия* (например, междометия, союзы) [Сулейманова, Лукошус 2015: 80]. Следует также отметить, что *понятия* соотносятся с терминами (хотя и не идентичны им). Суть *понятия* составляет обобщение релевантных свойств объекта, при этом *понятие* получает однозначное, стилистически нейтральное определение. Ср., например, лексическую единицу *ускорение*, которая в строго терминологическом смысле обозначает, во-первых, «векторную величину, характеризующую быстроту изменения скорости точки по её численному значению и по направлению при прямолинейном движении точки, когда её скорость v возрастает (или убывает) равномерно, численно U » [БСЭ: [http](http://)]. Во-вторых, данное слово может выступать как метатермин в литературоведении, введенный в теорию русского стихосложения А. Белым («Символизм») для обозначения «пропуска в стихе одного из предусмотренных данным размером ударений, т.е. ипостасы, пиррихией в двусложных размерах и трибрахией в трехсложных» [Литературная энциклопедия: [http](http://)]. В-третьих, за лексемой *ускорение* стоит экономическая реалья, сформулированная А. Афталыоном как «экономическое явление, отражающее тот факт, что спрос на средства производства меняется в пределах большей амплитуды, чем порождающий его спрос на конечные продукты» [Глобальная экономика. Энциклопедия: [http](http://)]. Нетерминологическое значение обозначается как «процесс действия по значению глаг.: *ускорять, ускорить, ускоряться, ускориться*» или «величина изменения скорости движения в единицу времени» [ТССЕРЯ]. Ср., например: *необходимо ускорение доставки телеграмм; Ускорение хода поезда* [БТСРЯ Ушаков Д.Н.].

Следует отметить, что лексическая единица *ускорение* стилистически нейтральна и в терминологическом смысле, и как единица литературного языка. При этом способы определения литературных единиц и понятий различны. Иными словами, определения *понятий* включают релевантные характеристики описываемого явления, в отличие от описания единиц естественного языка, которые представляются интуитивно очевидными и значения которых часто не отражают существенных свойств денотата.

Далее следует подчеркнуть, что термин *значение* часто коррелирует с категорией *концепта* и существует несколько точек зрения на их соотношение. Термины *значение* и *концепт* редко рассматриваются как эквиваленты. Действительно, несмотря на то что категории *значение* и *концепт* являются результатом когнитивной деятельности, данные феномены являются следствиями функционирования различных видов сознания. З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют *концепт* как «продукт когнитивного сознания человека», *значение* – как «продукт языкового сознания» [Попова, Стернин 2007, 239]. *Концепт* и *значение* в равной мере представляют собой явления когнитивной природы. *Значение* есть «часть *концепта* как мыслительной единицы, закреплённая языковым знаком» [Попова, Стернин 2005: 8]. Следует также отметить, что *концепт* и *значение* являются терминами разных наук и парадигм. Термин *концепт* выступает как базовый для когнитивной лингвистики и отражает процесс концептуализации, *значение* – термин семантики, определяющий языковое выражение концепта.

Проблема описания сущности *концепта* в современной когнитивной лингвистике остается актуальной. Система концептов формирует картину мира, в которой отражается понимание индивидом реальности. Считается, что индивид существует скорее в мире концептов, которые он реализует в соответствии со своими базовыми потребностями, нежели в мире предметов и вещей. Содержательная сторона *концепта* несоизмеримо шире *значения*, ввиду возможной вербализации и невербализации *концепта* языковыми средствами (наличие или отсутствие вербализации концепта не влияет на реальность его существования в сознании как единицы мышления), поскольку в речевом акте вербализуется только коммуникативно релевантная часть *концепта* [Прохоров 2009].

«По мнению Д.Ф. Рахимовой, *значение* рассматривается как составляющая *концепта*, репрезентируя его коммуникативную часть, то есть то *значение*, которое в рамках одного сообщества употребляется и интерпретируется идентично. Анализ лингвистических работ показывает, что многие лингвисты

(Д. Круз, М.В. Пименова, В.И. Карасик) полагают, что структура *концепта* сложнее и шире, чем лексическое значение слова» [Прохоров 2009 цит. по Никитина 2020в: 85]. Следовательно, исследование семантики языковых единиц можно интерпретировать как способ выявления *вербализованной части концепта* [Прохоров 2009]. При исследовании *вербальной составляющей концепта* выявление многослойности его *информационного содержания*, которое представлено отдельными *значениями* разной интенсивности, позволяет представить исчерпывающую интерпретацию *содержания концепта*. Семантико-когнитивный метаанализ позволяет в процессе исследования содержания *значения*, посредством *когнитивной интерпретации*, исследовать и классифицировать *содержание концепта*. Таким образом, выявление максимально исчерпывающего состава языковых средств, эксплицирующих исследуемый *концепт*, является значимым, поскольку оно позволяет смоделировать и концептуализировать описываемый *концепт* путем когнитивной интерпретации. Следовательно, данные, полученные в процессе анализа концептуализации явлений, позволяют представить исчерпывающее описание лексической и грамматической семантики языка, осуществить моделирование национальной культуры [Там же: 9-30]. Именно поэтому *значение* определяется как семантическое явление, вносящее информацию об относительном количестве семантических признаков, которые являются общепризнанными для определенного социума, в то время как *концепт* – единица концептосферы, содержащая все ментальные признаки любого явления, отраженного сознанием [Попова, Стернин 2005: 8-9].

Однако следует отметить, что если предметом анализа является *значение языковой единицы*, то в таком случае допустимо говорить о значительной тождественности *значения* и *концепта*, допуская при этом наличие экстралингвистических приращений у категории *концепт* [Селиверстова 2002: 2004]. Подобным образом Р. Лангакер отождествляет категории *значение*, *концепт* и *процесс концептуализации*, поскольку семантическое содержание, категоризация и определение смысловых связей индивидуумом языкового

выражения формируется контекстуально, то есть способом их выражения: «...значение отождествляется с концептуализацией, которая должна быть эксплицирована в терминах когнитивной обработки» [Langacker 1988: 5]. Л.В. Щерба сопоставляет *значение* с «наивным понятием» или семантикой знака. Для Ф. де Соссюра природа языкового знака синергична: «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ» [Соссюр 1999: 69], – речь идет о двухкомпонентной психологической составляющей языкового знака: единстве *означаемого* (план содержания) и *означающего* (план выражения), поскольку *означающее* является «естественной репрезентацией слова... вне какой-либо реализации его в речи», а *означаемое* является «обобщенным, схематичный образ предмета в нашем сознании» [Там же: 70]. Следовательно, представляется возможным заключить, что *концепт* и *языковой знак* неотделимы друг от друга.

Такое видение взаимосвязи *значения* и *концепта* предполагает, что результатом интерпретации семантики отдельной языковой единицы является концептуализация внеязыковой действительности. Данное понимание позволяет получить представление о модели мышления индивида, его представлении об окружающей действительности, реализуемом в процессе коммуникации. В силу того что данные сведения недоступны прямому наблюдению, поскольку мышление относится к области бессознательного, данная задача реализуется через описание значений репрезентирующих их лексических единиц [Иванова 2017: 99].

Крайне важным аспектом семантического анализа является дифференциация *значения* (*означаемого*) и *денотата*. Условия введения языкового знака в речевое высказывание (*денотативная ситуация*) и *значение языкового знака* могут не совпадать [Селиверстова 200: 15], как, например, в известном четверостишии А.С. Пушкина: «Я вас любил: любовь еще, быть может, / В душе моей угасла не совсем; / Но пусть она вас больше не тревожит; / Я не хочу печалить вас ничем». В данном случае можно предположить, что, сообщая объекту обожания о своих чувствах, говорящий (скорее всего)

испытывает боль, разочарование, отчаяние (и другие негативные эмоции), поскольку его *любовь* является неразделенной. Несмотря на это, представляется, что нельзя говорить об изменении значения слова *любовь* в сторону негативного представления об обозначаемом явлении: значение слова *любовь* трактуется лексикографическими источниками как «высокая степень эмоционально положительного отношения, выделяющего его объект среди других и помещающего его в центр жизненных потребностей и интересов субъекта: любовь к родине, к матери, к детям, к музыке и пр.» [КПС 1998]. При этом весь спектр негативных эмоций, переживаемых говорящим, дает представление непосредственно о денотативной ситуации, а не о «приращении» нового (отрицательного) компонента в *значении* слова *любовь*. Другими словами, при логическом разграничении *значения* и *денотативной ситуации* вышеперечисленные когнитивные принципы находят отражение в денотативной ситуации, предшествующей выбору языкового знака, а не в *значении языкового знака*. Именно поэтому можно утверждать, что прагматические (когнитивные) установки только косвенно могут влиять на *смысл знаков* и что они «воздействуют скорее на когнитивную “обработку” самой денотативной ситуации» [Селиверстова 2002: 16]. Следовательно, представляется возможным сделать вывод о том, что *значение языковой единицы* существенно отличается от *денотативной соотнесенности*. Более того, если методология исследования предполагает исключительно описание свойств денотативной ситуации (денотата), то в таком случае представляется возможным выделить только те концепты, которые отражают исключительно наблюдаемые свойства денотата, в то время как «семантическое описание должно устанавливать все особенности употребления» [Там же: 23].

В настоящем исследовании также значимо понимание понятия «синтаксического концепта» [Попова 2009; Булынина 2004; Богоявленская 2013; Кузьмина 2012; Цыганская, Борисова 2019], согласно которому, признается возможность выражения концептов синтаксическими структурами (у которых есть план выражения – определенная последовательность элементов, и план

содержания – смысловое целое), следовательно, слово реализует свои значения в составе высказывания, когда вступает в предикативные отношения.

В рамках *лингвокультурного* подхода *концепт* является базовой единицей культуры, а не сознания: «...в структуру концепта входит все то, что делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» [Степанов 2007: 63]. Следовательно, когда речь идет о концептах, равных языковой единице, когда семантика *концепта* устанавливается посредством *значения* входящих в него слов, концептуализация языковых явлений реализуется путем описания их семантики. При этом базовая единица – культура (научная картина мира, философские понятия *истина, судьба, добро*) – представляется не совсем применимой к концептуализации слова при направленности вектора исследования от культуры к индивидуальному сознанию.

Рассмотрим интерпретацию *значения* через *смысл*. Под *смыслом*, в отличие от *значения*, подразумевается «индивидуальное» понимание языкового знака. Приращение индивидуальности определяется тем, что такое понимание (*значение*) является ситуативно-контекстуальным. В таком случае условия реализации языкового знака определяются контекстуально относительно определенной сложившейся ситуации (прагматический компонент), из чего можно заключить, что *значение* лексической единицы является объективным отражением действительности, тогда как *смысл* – это приращение субъективных компонентов *значения*, определяемых прагматической составляющей. Впервые различие между понятиями *смысл* и *значение* было отмечено немецким логиком Г. Фреге. Приводя два словосочетания, *вечерняя звезда* и *утренняя звезда*, Г. Фреге обращает внимание на то, что в обоих случаях имеется в виду одно и то же (*денотат, референт*) – планета Венера [Фреге 1977: 359]. Тем не менее, при тождественности денотата данных словосочетаний, они дифференцируются по *смыслу*, поскольку отмечают, фиксируют разные, не совпадающие обстоятельства и условия толкования. При интерпретации предложения в реальном акте, согласно концепции Г. Фреге, распознаются *смыслы*, которые не обязательно

тождественны значению, ср.: семантика наречия *высоко* / *низко* вносит информацию о том, что: 1) объект X имеет большую / меньшую протяжённость снизу вверх, по сравнению с объектом Y: *Окна были **высоко** от земли. Чтобы заглянуть в них, нужно было встать на завалинку.* Седых, Даурия [МАС: <https>]; 2) объект (субъект) X имеет положительную / отрицательную характеристику, данную неким субъектом: *«Гамлет» представляет собою целый отдельный мир действительной жизни, и посмотрите, как прост, обыкновенен и естественен этот мир при всей своей необыкновенности и высокости.* Белинский [МАС: <https>]. Таким образом, при восприятии означающего *высоко* / *низко* в сознании носителя русского языка всплывет, по крайней мере, либо первое, либо второе значение, которые выделяют лексикографические источники: «Значение есть информация, которую получит слушатель через означающее языкового знака, и только через него: дополнительные сведения, возникающие в сознании слушателя на основании общего смысла высказывания или имеющегося представления о денотате языковой единицы, не принадлежат значению языковой единицы» [Селиверстова 2004: 35-36]; «...единство языковой системы обеспечивает единство реакций на языковое содержание. Все подлинно индивидуальное, не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не находя себе отклика и даже понимания, безвозвратно гибнет» [Щерба 1974: 30]. Ср.: *«Ты можешь прыгнуть **выше**, чем дом?» – спросил щенок у котенка. – «Нет, так **высоко** я не умею». – «А я умею», – ответил щенок. – «Ты? Не может этого быть, – не поверил котенок. – А ну, прыгни». Щенок подпрыгнул! «И это называется **выше**, чем дом? – засмеялся котенок. – Это **ниже** скамеечки». – «Не важно, – сказал щенок. – Дом даже **выше** скамеечки не может, потому что он вообще никогда не прыгает. Вот получается, что я прыгаю **выше**, чем дом» (Г. Остер) [Остер: <https>].*

Очевидно, что процессы говорения и понимания, под которыми мы вслед за Л.В. Щербой понимаем *речевую деятельность* (первый аспект языковых явлений), являются активными [Щерба 1974: 24], что позволяет нам интерпретировать их значение и определить, происходит ли приращение к

языковому *значению* контекстуальных сведений (*смыслов*) или имеет место изменение самого *значения* [Селиверстова 2002: 21]. В первом высказывании *значение* наречия *выше* вносит информацию о возможности совершения действия *X* (прыжка) на расстояние, большее протяженности дома *Y* снизу вверх. Контекстуально описываемая денотативная ситуация и семантика языкового знака очевидны. Однако в продолжение диалога реплика протагониста (*щенка*) «*Я умею*» убедительно свидетельствует о приращении в сознании протагониста к значению языкового знака *выше* на индивидуальности в значении фразы «*Ты можешь прыгнуть выше, чем дом?*», то есть индивидуального *смысла*. Дополнительные сведения, возникающие в сознании протагониста (*щенка*), приписывают денотату иное обозначение – способность неодушевленного объекта *дом* совершать / не совершать какое-либо действие – *прыжок*, которые выводятся в процессе говорения: «У речевой деятельности (*langage*) есть две стороны: индивидуальная и социальная» [Соссюр 1999: 16].

Адекватная интерпретация *значения*, основанная на апперцепции, позволяет получить представление о знаковой природе языка и дифференцировать категории *концепта*, *значения*, *смысла* и *денотата*, поскольку под *значением* понимается информация, которую языковой знак сообщает о своем денотате, а не о его обозначении [Селиверстова 200: 37].

Рассмотренные интерпретации центральных метатерминов лингвистической семантики позволяют уточнить метаязык описания семантической структуры языкового знака – разграничить категории *значения*, *смысла*, *понятия* и *концепта*. Обзор работ лингвистов позволяет сделать *вывод*, что понимание и интерпретация метатерминов классической семантики дают возможность концептуализировать и категоризировать языковые явления оптимальным образом [Сулейманова 1999: 61-101].

Таким образом, сущность вышеизложенного сводится к следующему: система *концептов* формирует картину мира, в которой отражается понимание индивидом реальности. В свою очередь концептуализация внеязыковой действительности осуществляется языковыми средствами. Ввиду этого

исследование языкового знака – *вербальной составляющей концепта*, который представлен отдельными *значениями*, – позволяет дать исчерпывающую интерпретацию *содержания концепта*. Следовательно, выявление максимально исчерпывающего состава языковых средств делает возможным моделирование и концептуализацию описываемого *концепта* путем когнитивной интерпретации.

На основании вышеизложенного можно заключить, что однозначное понимание лингвокогнитивных метатерминов является определяющим для достоверного описания семантической структуры языкового знака. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что *значение* языкового знака отражено устойчивой трехкомпонентной структурой: *означающее, означаемое и денотат (референт)*. При этом приращение новых значений связано с усложнением семантической структуры языковой единицы (метафора, метонимия), но не с индивидуальным пониманием *значения*. «Фиксируемые» изменения *значения* могут вносить информацию, во-первых, о денотативной ситуации; во-вторых, о приращении субъективных компонентов (смыслов) *значения*, определяемых прагматической составляющей, которые являются исключительно ситуативно-контекстуальными; в-третьих, дифференциация семантически близких компонентов *значения* и *понятия* определяется различием систем функционирования – языковой системой *значения* и системой отношений *понятия*. При этом нетождественность *значения* и *понятия* языковых единиц определяется тем, что не все языковые единицы могут обозначать *понятия*.

Таким образом, вслед за О.Н. Селиверстовой мы резюмируем, что семантическое описание языкового знака позволяет:

- 1) выдвинуть гипотезу о его *значении* и степени его экстраполяции на денотат даже вне контекста при обозначении денотата непосредственно описываемым языковым знаком;
- 2) выявить критерии категории *значение*, которые детерминируют условия употребления языкового знака и его денотативную соотнесенность;
- 3) установить, какие факторы, кроме *значения*, влияют на возможности функционирования языкового знака непосредственно в речи и его понимание, то

есть степень обстоятельности представляемого семантического описания [Селиверстова 2002].

Именно поэтому надежные общенаучные и лингвистические методы исследования, применяемые для анализа концептуализации внеязыковой действительности и вербализации ее процесса / результата, такие как корпусный, контекстный, дистрибутивный и компонентный анализ, позволяют сформировать гипотезу о значениях изучаемых языковых единиц, наряду с гипотетико-дедуктивным методом, в основе которого лежит эксперимент, что и позволяет в итоге получить достоверное семантическое описание языкового знака.

1.3. Дифференциация эмоции, экспрессивности и оценки как семантического компонента языкового знака

Когнитивные исследования языка позволяют эксплицитно представить функционирование языка путем анализа процессов языковой категоризации и концептуализации. Систематизация категорий языковой системы является комплексной процедурой, включающей исследование функционирования значений лексических групп, синтаксических и экспрессивно-оценочных категорий. Следовательно, можно говорить о триангуляционной категоризации значения языковых единиц: лексической, грамматической и модусной [Болдырев 2007]. Модусная категоризация позволяет реализовать полисемантическую интерпретацию говорящим того или иного концептуального содержания языкового явления. К числу таких категорий можно отнести аксиологические (оценочные) категории, категории эмоции и экспрессивности.

Для этой цели представляется значимым разграничить такие семантические компоненты языкового знака, как эмоция, экспрессия и оценка, поскольку в исследуемую синтаксическую структуру (*X shudders to think*) входит оценка состояния субъекта *X*, каузируемая мыслительной деятельностью на некое нетривиальное внешнее событие *P*. Иными словами, имеет место интерференция

категорий в результате возможности комплексного чувственного восприятия события, основанного на предшествующем / гипотетическом опыте.

1.3.1. Оценочность как семантический компонент языкового знака

Говоря об оценочном компоненте языкового знака, в первую очередь дадим определение понятию *оценка*. Под оценкой в лингвистике понимается «универсальная языковая категория, сущность которой заключается в отражении в языке ценностного отношения познающего субъекта к объектам действительности» [Вольф 2002: 6]. Оценочность как лингвистическая категория исследуется многими лингвистами, поскольку оценочные суждения понимаются, с одной стороны, как языковое явление, с другой стороны, как отражение в речи процесса познания индивидом явлений окружающей действительности (Н.Д. Арутюнова [2003]; В.В. Виноградов [Виноградов 1995]; Е.М. Вольф [Вольф 2002]; Ю.С. Степанов [Степанов 1985]; В.Н. Телия [Телия 1996]; П. Фабер [Faber 1999]; А. Фелисес Лаго [Felices Lago 2003]).

Опираясь на определение Е.М. Вольф, «Оценка понимается как как такое семантическое понятие, которое «подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, которая может интерпретироваться как А (субъект оценки) полагает, что Б (объект оценки) *хороший / плохой*» [Вольф 2002: 2], для когнитивного обоснования оценки представляется возможным понимать оценочную категоризацию как «мысленное соотнесение объекта или явления с определенной оценочной категорией» и, соответственно, определять классы на основании выделенных признаков исследуемого явления [Болдырев 2010: 26]. Иными словами, определение структуры и содержания оценочных значений позволяет выделить оценочные концепты и категории.

Н.Н. Болдырев указывает на антропоцентричность категории оценки, поскольку способность к интерпретации реалий окружающей действительности

либо индивидуально (субъективно) обусловлена, либо продиктована тем или иным сообществом: «...интерпретация полученных знаний, вторичная концептуализация и вторичная категоризация в рамках другой системы координат: системы мнений, оценок, ценностей, стереотипов» [Болдырев 2010: 27]. Значимой характерной чертой категории оценки считается в таком случае то, что субъективный фактор в ней является перманентным, который, тем не менее, непосредственно связан с объективным фактором. Ценностное отношение между субъектом и объектом оценки имеет место независимо от того, субъект оценки выражен имплицитно или эксплицитно: «Всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения, т.е. то лицо, от которого исходит оценка, и его объект, т.е. тот предмет или явление, к которому оценка относится» [Вольф 2002: 22]. Следовательно, оценочная категоризация является результатом переосмысления окружающей действительности с точки зрения ценностных категорий субъекта или общества.

При этом оценка как ценностный аспект значения реализуется по-разному: на морфологическом уровне – посредством аффиксального словообразования (*мужчина-мужчинка*); на уровне слова – например, антонимами (*горе* и *радость*); на уровне словосочетания оценочный компонент реализуется с помощью интенсификаторов (*хорошо, плохо, превосходно, ужасно / превосходный, ужасный*). Под интенсификаторами, вслед за В. Лабовым, мы понимаем класс наречий / прилагательных, функция которых состоит в усилении интенсивности семантики единиц языка, с которыми они связаны синтаксически; в пропозициональных структурах глаголов *страшиться* (актант каузирует *страх*), *содрогаться от* (актант каузирует *дрожь*); на уровне высказываний, основная функция которых – усиление семантики целого высказывания.

Оценка как категория, включающая в себя ценностный аспект значения, реализуется в различных языковых выражениях. Ценностный аспект значения может реализоваться целым высказыванием или группой слов, как например: *он содрогается от отвращения; моветон*, при этом оценка может быть сведена к

языковым единицам меньшим, чем слово, как например: междометие *фи*. Существуют также пласты лексики, специально предназначенные для выражения оценки.

Оценка содержится в наименованиях предметов и действий, в пропозициональных структурах [Lakoff 1993]. Как отмечает Н.Н. Болдырев, оценочный смысл основывается на концептуальной интеграции. Появление этого особого смысла верифицируется невозможностью его сохранения в результате предикативных преобразований [Болдырев 2010], ср.: *красивый закат – закат красивый; пламенный закат – *закат пламенный*.

Многокомпонентность структуры категории оценки отражается в ее элементах: эксплицитном или имплицитном субъекте оценки: (*Он содрогался от страха, вспоминая тот страшный день*). Субъектом оценки является индивид или социум, с позиции которого выражается оценка (*он*). Объектом оценки является *субъект / предмет / событие / положение вещей*, на которые направлена оценка (*тот страшный день*). Кроме того, в высказывании могут присутствовать аксиологические предикаты *мнения*, которые, однако, не являются обязательными для реализации оценочности: *think (считать), believe (полагать), seem (казаться)*. Аксиологический предикат вводит в высказывание эксплицитную субъективность, а также обозначает ментальный процесс. Принимая определение Е.М. Вольф, под аксиологическим предикатом мы понимаем «класс предикатов, которые входят в структуру оценки, объединяя ее субъект и объект. Также важно подчеркнуть, что аксиологический предикат служит основным средством экспликации модальной рамки оценки» [Вольф 2002: 115] (*I shudder to think what might happen on their way home / Я содрогаюсь при мысли о том, что может с ними случиться по дороге домой*). Субъект (*Я*) и объект (*они*) являются элементами оценочной модальной рамки связанные оценочным предикатом (*think*). Кроме того, в модальную рамку входят (главным образом имплицитно) шкала оценок (*меня это пугает; я боюсь; я содрогаюсь от страха*) и стереотипы, на которые ориентирована оценка: «...мнение субъекта оценки о положительной или отрицательной ценности обозначаемого в целом или какого-либо его

свойства, основанное на не писанных, но узуальных нормах ценностной картины мира» [Телия 1999: 167].

Ю.С. Степанов отмечает, что «язык как система знаков не включает в себя человека, но устроен “по мере человека”», поскольку именно субъект называет и оценивает предметы и явления [Степанов 1975]. Точнее, означаемое каждого слова содержит очевидные признаки предмета и предположительные коннотативные, которые представляют собой возможность метафорического и метонимического развития значения слова, отражая субъективно-эмоциональные признаки. Из этого следует, что оценочное значение не связывается с непосредственными характеристиками предмета, то есть по отношению к означаемому, однако относится к денотативной ситуации, в которой реализуется значение слова (см. параграф 1.2.).

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**: во-первых, при интерпретации оценки как семантического метатермина вносится информация о ценностном аспекте значения языковых высказываний: «*X* (субъект оценки) считает, что *Y* (объект оценки) *хороший / плохой*» [Вольф 2002: 2]. При выражении оценки в той или иной форме присутствует ее субъект и объект. Оценочный предикат включает такие категории, как «эмотивность» и «экспрессивность» (см. подробнее в параграфе 1.3.2.)

Во-вторых, оценка, так же, как и эмоция, является ментальной категорией. С точки зрения психологии оценка – это субъективное мнение одного индивида о другом. Каждый индивид будет замечать в другом индивиде то, что является значимым для него самого. Следовательно, у каждого индивида существует своя собственная картина мира, представляющая его личный индивидуальный опыт (навыки, воспитание, опыт и пр.); основываясь на собственной индивидуальной картине мира, индивид проецирует ее на других индивидов. Например, моя субъективная реальность *X*, и мне из нее представляется, что индивид *Y* такой-то, но в действительности (де-факто) индивид *X* склонен будет фиксировать в других индивидах лишь то, что не хочет замечать в себе, следовательно, то, что не признает в себе (тенивая сторона), или то, что просто является его сущностью.

Другими словами, при апперцепции реальной действительности (см. подробнее [Холодова 2015]) или гипотетического события (*I shudder to imagine*) при раздражении органов чувств объектами окружающей действительности в сознании индивида актуализируется предметное содержание денотативной ситуации, проявляющееся в виде психических образов: «Индивид воспринимает не объективные воздействия внешнего мира, а лишь свои собственные субъективные состояния, отражающие деятельность его органов чувств» [Леонтьев 2005: 58].

Исходя из на лингвистического представления категории оценочности можно заключить, что оценка представляет собой комплексный концепт, при этом в настоящем исследовании понятие оценки в значении *хорошо / плохо* несущественно. Понятие оценки с точки зрения соответствия данных объектов классу объектов, например, *I shudder to think*, где говорящий оценивает свое психофизиологическое состояние, вызванное переосмыслением (воспоминанием) некоторого события *P*, значимо в данной работе, поскольку под оценкой в данном исследовании понимается логическая операция соотнесения уровня соотношения объекта с характеристиками, которым должен соответствовать член класса [Вольф 2009].

1.3.2. Эмоция и экспрессия как семантические компоненты языкового знака

Для проведения исследования представляется значимым выделить информацию о наличии *эмоции* как семантического компонента языкового знака, поскольку предполагается, что в концепт исследуемой синтаксической конструкции (*X shudder to think*) входят различные представления, включая указание на эмоции, при оценке состояния индивида. Например, Е.М. Вольф рассматривает понятия эмоциональности и оценочности как часть и целое [Вольф

2002], мотивируя это тем, что эмоция является переживанием, тогда как оценка – это способность человека сопоставить переживаемую эмоцию с моральными и эстетическими ценностями; вместе с тем объект оценки каузирует переживаемую эмоцию (*If this happens when we claim to love trees, I shudder to think what would happen if we were ambivalent about them? / Если такое происходит, когда мы любим деревья, я содрогаюсь / меня трясет при мысли о том, что бы произошло, если бы мы были к ним безразличны или полагали, что можем обойтись без них?*) [Ted.com: [http](http://)].

Вслед за Д.Н. Шмелёвым, в настоящем исследовании мы опираемся на положение, что «при помощи слов говорящие не только называют предметы и явления, но и выражают отношение к ним» [Шмелёв 1977: 245]. При описании, желтого индонезийского цветка франжипани, как например, индивид может описать его различными эпитетами, выражая свое субъективное отношение к нему, употребляя эмоционально окрашенные прилагательные, в которых заключена положительная оценка: *янтарный, азиатский, золотой, желтенький* (ср. с нейтрально окрашенным прилагательным *желтый*), и эмоционально окрашенные прилагательные, в которых заключена отрицательная оценка: *дурно пахнущий, продажный, поносный*. На этом основании эмоциональную лексику называют оценочной или эмоционально-оценочной.

Для семантического анализа, по мнению Д.Н. Шмелёва, необходимо, во-первых, различать слой лексики, связанный с эмоциями человека: *любовь, радость, ненависть, страх, удивление*. Д.Н. Шмелев отмечает, что к категории эмоционально окрашенной лексики нельзя отнести лексические единицы, которые непосредственно обозначают конкретные эмоции и переживания, поскольку они не окрашены этими эмоциями, а эмоции заложены непосредственно в их семантику [Шмелев 1977: 335]. Во-вторых, выделяется слой лексических единиц, в семантике которых заключена определенная оценка обозначаемых ими явлений, – это стилистически маркированная лексика, которую называют эмоциональной, экспрессивной или эмоционально-окрашенной. В-третьих, имеется слой лексики, эмоциональная значимость единиц которой

создается при помощи словообразовательных средств: «...не страх, а страшище» [Cosmo.ru: <http>], оценочность значения заложена не в семантическую структуру слова, а непосредственно, реализуется словообразованием (аффиксальное словообразование).

В энциклопедиях и словарях по психологии *эмоции* определяются как «особый вид психологических состояний человека, которые проявляются в виде переживаний, ощущений, настроения, чувств. Практически все психические состояния и процессы сопровождаются эмоциями, выраженными в той или иной мере и форме» [БПЭ 1998]. Из вышеприведенного следует, что вышеотмеченные лексические единицы являются стилистически нейтральными, могут употребляться в любой ситуации, в любом типе речи, имеют применение во всех стилях языка и представляют собой слой лексики, в котором эмоционально-оценочная коннотация не отражена.

Описание такой лексики приведено в работе О.Г. Лукошус на примере анализа слова *любовь*, описание значения которого в лексикографическом источнике определяется как «высокая степень эмоционально-положительного отношения, выделяющего его объект среди других и помещающего его в центр жизненных потребностей и интересов субъекта: любовь к родине, к матери, к детям, к музыке и пр.» [КПС 1998]. В исследовании убедительно показано, что лексическая единица *любовь* является стилистически нейтральной, иными словами, не содержит эмоционально-оценочного компонента и вносит информацию о наличии определённого чувства как, например: *Тогда она засмеялась и говорит: «У вас тут прямо Первая любовь», как у Ивана Тургенева* [В. М. Белоусова. *Второй выстрел*]; *Народ Русский и все Народы Русские явили всему миру нерушимую любовь к Родине.* [Н. К. Рерих. *Листы дневника*]; *Княгиня Вера, у которой прежняя страстная любовь к мужу давно уже перешла в чувство прочной, верной, истинной дружбы, всеми силами старалась помочь князю удержаться от полного разорения.* [А. И. Куприн. *Гранатовый браслет*]. Диапазон эмоциональных проявлений, в связи с которыми реализуется значение лексической единицы *любовь*, достаточно обширен и дифференцируется ее

степенью, соответствии норме или избыточностью и объектом внимания, на который направленно чувство: «...слово *любовь* определяет отношения от слабо выраженных одобрительных до всепоглощающих и целиком захватывающих человека эмоций и переживаний» [Лукошус 2015: 95-96].

Таким образом, эмотивной и нейтральной лексикой вносится объективная информация «об определённых *признаках / качествах / свойствах объекта* и эту информацию адресат получит через означающее языкового знака, и только через него: все дополнительные сведения, возникающие в сознании адресата, могут быть основаны на общем смысле высказывания или возникать в результате имеющегося у адресата представления о денотате языковой единицы, но они не принадлежат значению языковой единицы» [Селиверстова 2004: 35-36]. Следовательно, лексика в семантической структуре которой непосредственно заложены переживания и эмоции, не является эмоционально-оценочной. Например, эмоция (чувство) может получить как положительную интерпретацию – *чарующий трепет*, так и отрицательную – *постыдный трепет*.

В лингвистике при классификации лексических единиц принято разделять их на нейтральные, стилистически маркированные и промежуточные единицы. Следует подчеркнуть, что нейтральные единицы (*дом, река, белый*) могут употребляться как в нейтральных, так и в стилистически окрашенных контекстах: например, *Он весь чёрный, а на груди **белый** треугольник, как салфетка* [Г. Я. Снегирев. *Медведь*] / *Природная рента – одно из самых больших наших несчастий*, – *огорошил весь **белый** свет советник Президента экономист Андрей Илларионов* [В. Ф. Попов. *Страсти по «черному золоту»*].

Также представляется значимым разграничивать лексические единицы, которые описывают эмоциональное состояние, и проявляющие это состояние междометия [Шаронов 2004; 2009].

Во-первых, эмоционально-экспрессивная окраска слов проявляется при сопоставлении синонимов и стилистически нейтральных лексических единиц. Например, нейтральному слову *лицо* противостоят вульгарное *морда* и высокое *лик*; нейтральному слову *умереть* противостоят разговорное *помереть* и

вульгарное *загнуться* [Шмелев 1977; 335]. Или, например, выражение *дрожать от холода* возможно интерпретировать как стилистически нейтральное, тогда как *содрогаться от холода* имеет эмоционально-экспрессивную окраску.

Во-вторых, эмоционально-экспрессивная окраска слов в «промежуточном» слое лексики проявляется при метафорическом, переносном употреблении многозначного слова. Например, слова *лопух, тряпка, змея, трястись над кем-чем., трястись перед кем-чем.* употребляемые в переносном значении, в словарях снабжены пометами о наличии у них экспрессивного стилистического плана, следовательно, они являются стилистически маркированными.

В-третьих, окраска слов проявляется в однозначных словах-характеристиках: *лентяй, жмот, ботан, простофиля*. Д.Н. Шмелев обращает внимание на то обстоятельство, что в словах, в которых экспрессивная оценка выражена неспециальными суффиксальными средствами, проявляется главным образом отрицательная экспрессия.

В-четвертых, эмоционально-экспрессивная окраска слов, выражающая субъективную оценку, может проявляться аффиксальным словообразованием, передавая как положительные эмоции – *сыночек, солнышко, бабуся, лапушка, так* и отрицательные – *звереныш, капитанчик, винишко, старушонка, купчишка, лягушонка в коробчке*.

Эмоции являются неотъемлемой составляющей экспрессии. Выражение чувства в речи предполагает применение соответствующей экспрессивной стилистически маркированной стратификации на разных уровнях (морфологическом, лексическом, синтаксическом). С точки зрения лингвистики представляет интерес то, что психологические энциклопедии и словари определяют экспрессивность следующим образом: «...характеристика языковых единиц и речевых актов, как средств выражения субъективного (личного) оценочного отношения говорящего к содержанию или адресату речи; экспрессивность усиливается паралингвистическими средствами общения (*громкость, темп, тембр речи, мимика, позы, жесты*)» [БПС 2003].

А.А. Худяков отмечает, что эмоции есть форма чувственного отражения действительности, данная человеку в переживаниях. Эмоции являются неотъемлемым свойством психофизической деятельности человека, природа эмоций психофизиологическая. Эмоции могут быть выражены паралингвистически. Предложение-высказывание может быть эмоционально нейтрально. Эмоции могут быть эксплицированы и описаны. Способность испытывать эмоции не опирается на знание и мнение. Эмоции не выходят на категориальный уровень, они выражаются лексически [Худяков 2005: 29-32].

С точки зрения психологии эмоция – это отражение нашего субъективного отношения к определенной ситуации или же к ситуации возможной. Также важно подчеркнуть, что в современной психологии отмечается высокая взаимосвязь организации поведения человека, его эмоций и оценки. Вполне очевидно, что средства выражения негативной оценки очень многообразны, поскольку, стремясь эмоционально разгрузиться, коммуникант скорее склонен к резкой критике, нежели к щедрой похвале [Гак 1997]. Следовательно, пласт лексики, которая выражает негативную оценку, достаточно обширен.

Экспрессия на лексическом уровне реализуется путем приращения к номинативному значению слова особой стилистической окраски, (экспрессии): например, при замещении лексической единицы *старый* на *древний, столетний, допотопный, обшарпанный, затрапезный*; или можно употребить лексему *любить*, наряду со стилистически маркированными лексическими единицами *обожать, сохнуть, боготворить*. Во приведенных примерах к лексическому значению слова добавляется экспрессия. Экспрессивная составляющая значения в слове наслаивается на его эмоционально-оценочное значение, причем у одних слов преобладает экспрессия (*несчастье – горе – бедствие – катастрофа, буйный – безудержный – неукротимый – неистовый – яростный*), у других – эмоциональная окраска (*патриархальщина, уголовщина, кружковщина*). Следовательно, имеет место комбинирование эмоциональной и экспрессивной информации. Например, при замене выражения *Земля дрожит под ногами*

выражением *Земля содрогается под ногами* вносится эмоционально-экспрессивная окраска.

Таким образом, объединяя близкие по экспрессии лексические единицы в лексические группы, можно выделить:

1) слова, выражающие положительную оценку называемых явлений, (высокие, ласкательные, шутливые).

2) слова, выражающие их отрицательную оценку (иронические, неодобрительные, бранные).

Кроме того, следует отметить, что метафоризация также является одним из способов репрезентации эмоционально-экспрессивных компонентов в слове, когда, стилистически нейтральные слова, употребленные как тропы, привносят экспрессию в высказывание: *падать (от усталости), задыхаться (в неблагоприятных условиях), красноречивый (взгляд), дрожать (от страха), трястись (перед начальником)*. при этом экспрессивная окраска в полной мере реализуется в контексте: нейтральные слова могут восприниматься как высокие и торжественные; высокая лексика в иных условиях приобретает насмешливо-ироническую окраску (*Идти в Макдоналдс нерелевантно (диалог тинейджеров)*); табуированная лексика может прозвучать ласково, тогда как ласковое – презрительно (*За него я двоих таких, как ты, отдал бы, негодник!* [А. И. Красницкий. *На закате любви*]).

Следовательно, разграничение компонентов значения языковой единицы позволяет эксплицитно представить функционирование языка путем языковой категоризации и концептуализации.

1.4. Семантические признаки модели *X shudders to V*

В настоящем исследовании мы опираемся на положение о том, что «семантическая роль» как метаязыковая категория служит средством для

описания лексического значения глаголов и актантных отношений синтаксиса» [Шабанова 1998: 7]. Рассмотрим семантические интерпретации предикативных отношений.

В семантической теории синтаксиса различаются актанты как субстантивные члены предложения (*подлежащее, дополнение* и др.) и семантическое отображение участников ситуации (*субъект, объект, адресат* и др.). Адекватное семантическое описание предикативных выражений предполагает построение их типологии согласно принятой методике и методологии. Опираясь на положения Т.Д. Шабановой, мы разграничиваем два вектора акцентуации исследования предикативных выражений: во-первых, в основе типологии может лежать соотношение с осью времени (по форме локализации, видовым отношениям), которая уточняет параметры функционирования глагольной лексики и определяет условия ее употребления; во-вторых – ролевая типология Дж. Лайонса [Lyons 1977], У. Чейфа [Чейф 1975], С. Дика [Dik 1989], когда исследование предикативных выражений основано на разграничении ролевых функций *субъекта* и *объекта, адресата* как участников ситуации, вносимых предикатом; данная типология позволяет фиксировать «определенные лексико-грамматические подкатегории в рамках глагола как части речи со своим набором грамматических категорий» [Шабанова 1998: 6].

В основу классификации Ю.С. Маслова положен грамматический признак, связанный с характером протекания действия во времени (видовременной признак), корреляцией видовременной формы глагола и лексической семантики глагола: *непарные глаголы несовершенного вида; непарные глаголы совершенного вида; глаголы, которые входят в видовые пары*. Глаголы совершенного вида и несовершенного вида образуют видовую пару, если глагол несовершенного вида может быть заменён глаголом совершенного вида в контексте настоящего исторического и в контексте многократности [Маслов 1948]. Например, глаголы *содрогаться – содрогнуться* являются видовой парой, поскольку выделенное автором условие реализуется в контексте: *Я каждый раз содрогаюсь – и сейчас*

содрогнулся. Следовательно, представляется значимым исследовать грамматический признак на материале рассматриваемых конструкций.

Согласно классификации З. Вендлера выделяется четыре класса английских глаголов: *states* (стативы); *activities* (деятельности), *accomplishments* (совершения); *achievements* (достижения) [Vendler 1967] (русские эквиваленты выделены в работе Е.В. Падучевой [Падучева 2010]), где основным дифференцирующим фактором между *activities*, *accomplishments* и *states*, *achievements* является способность глаголов заполнять синтаксические модели в длительной форме:

It was boiling [activities]; *I wrote a letter* [accomplishment];

*It was existing [state]; **I was finding a book* [achievement].

Критический анализ классификации З. Вендлера показывает, что его теория не позволяет описать группу исследуемых глаголов. Ср.: *I was shuddering with cold* (*Я дрожал от холода*) – не представляется возможным интерпретировать высказывание как деятельность, так же как и высказывание **I was shuddering to think* (*Я дрожал от страха*) сложно назвать стативом или достижением (см. подробнее ниже).

Типология предикатов может строиться на формальных признаках, как, например, классификация Л.В. Щербы, где автор выделяет три типа предикатов на материале русского языка: *предикаты со значением действия, процесса, состояния, качества* [Щерба 1974]. При этом, как отмечает О.Н. Селиверстова, метатермины *действие* и *процесс* интерпретируются лингвистами различно и, как представляется, требуют уточнения. При разграничении предикатов *действия* и *процесса* в настоящем исследовании значимо представление о стативных / нестативных предикатах, дифференцирующий признак которых находит применение в возможности / невозможности образования формы Continuous [Lyons 1977: 483], они реализуют признак активности / неактивности [Селиверстова 1982: 110]. Например, в предложении *I shudder – I was shuddering* употребление предиката в форме Continuous вполне допустимо, тогда как в предложении с формально идентичным глаголом *shudder: I shudder to think –*

**I was shuddering to think* такая конструкция неупотребима. Следовательно, представляется, что за формальным различием стоит различие в семантике. Рассмотрим более подробно семантические характеристики предикатов.

Дж. Лакофф предлагает серию тестов для определения возможности отождествления предиката с признаком активности / неактивности. Предикат считается стативным (неактивным), если реализуются следующие условия: во-первых, он не употребляется в моделях предложений с глаголом *do*; во-вторых, не формирует повелительное наклонение; в-третьих, не сочетается с модальным глаголом *may* в значении разрешения; в-четвертых, не подчиняется сказуемому, выраженному глаголами *tell to* (*сказать, сделать что-то*), *order* (*приказывать*), *permit* (*разрешить*), *persuade* (*уговорить*), *force* (*заставить*); в-пятых, не сочетается с наречиями *enthusiastically* (*с энтузиазмом*), *reluctantly* (*неохотно*) [Postal 1970 цит. по Селиверстова 1982: 110]. Таким образом, представляется значимым рассмотреть ряд обстоятельств, которые разграничивают признаки активности / неактивности и статичности / нестатичности. Как справедливо отмечает О.Н. Селиверстова, сложность дифференциации заключается в методологии исследования, в основу которой могут быть положены различные классификационные основания. Ряд лингвистов интерпретирует различия через залоговые противопоставления (П. Валезио), другие, напротив, не разграничивают состояния и произвольные действия (*вздрыгнул, вскрикнул*) (Т.В. Алисова) [Там же]. Далее представляется значимым выделить дополнительные семантические признаки рассматриваемых языковых явлений, принятые О.Н. Селиверстовой при определении признака неактивности:

1. Неактивность, которая коррелирует с понятием страдательности пациента, иными словами, *X* не определяет осуществление, поддержание *P*; *P* привносится какой-то внешней по отношению к *X*-у силой или является самоподдерживаемым, как, например, в высказывании *Его знобит* (*X* не прикладывает усилий для достижения результата, при этом событие *P* имеет место вследствие внешнего воздействия»), где *X* является членом предложения,

который характеризуется предикативным членом *P*, выражающим основное значение сказуемого.

2. Неактивность определяется бездействием *X*-а, при этом источником энергии, необходимым для поддержания *P*, является именно *X* (его свойства)» [Селиверстова 1982: 110], как, например, в высказывании *Мы победили в конкурсе* (*X* прикладывает усилия для достижения результата, при этом исход ситуации напрямую зависит от внешних обстоятельств).

Далее, при определяющей роли *X*-а предикаты дифференцируются по следующим признакам. Во-первых, прикладывает ли *X* усилия и/или проявляет инициативу: *Он пишет, Он читает*. Во-вторых, *X* бессознательно поддерживает и/или определяет возникновение события *P* (например, предикаты *гореть, блестеть, сверкать, излучать*): *Морская гладь сверкает; Камень летит*. Тем не менее О.А. Селиверстова обращает внимание на такие предложения, когда «*X* производит воздействие благодаря “внутреннему источнику энергии”, если *X* при этом не прилагает усилий, то есть если он не создает энергии специально для того, чтобы произвести действие» [Селиверстова 1982: 112]. Таким образом, денотат подлежащего такого предложения, как *Огонь распространяется все быстрее*, относится к определяющим, но не агентивным субъектам. Кроме агентивного и неагентивного (определяющего) субъектов О.А. Селиверстова выделяет несобственно агентивный субъект. Под несобственно агентивным понимается такой субъект, который «прикладывает усилия для того, чтобы имел место денотат предиката, но прикладывает эти усилия бессознательно, помимо своей воли. Например, так может быть охарактеризован субъект при предикатах типа *вздрыгнуть, вскрикнуть*» [Там же: 112].

Представляется, что если экстраполировать вышеизложенные представления на исследуемые модели, субъект синтаксической модели *X shudders/ shivers / quivers (with cold) / X дрожит от холода* можно интерпретировать как несобственно агентивный, поскольку субъект прикладывает усилия, но бессознательно, тогда как субъект модели *X shudders (think) / X дрожит, содрогается от страха* – как определяющий, но несобственно

агентивный, поскольку действие каузируется именно благодаря внутреннему источнику энергии без приложения усилий.

Рассмотрим семантические признаки предикатов действия и процесса. Как справедливо отмечает О.А. Селиверстова, не во всех случаях лингвисты противопоставляют *качества процессам*, дифференцируя только *качества и состояния* [Щерба 1974]. О.А. Селиверстова рассматривает термин *действие* в более узком смысле, противопоставляя его *процессу*. Рассмотрим признаки, разграничивающие метатермины *действие* и *процесс*.

Во-первых, для разграничения метатерминов учитывается продолжительность во времени события *P* (занимают денотаты точку или отрезок на временной оси); во-вторых, учитывается «роль носителя предикативной характеристики, *X*-а, в осуществлении, наличии, сохранении предикативного денотата» [Селиверстова 1982: 112].

Сложность выделения признаков предикатов и их методологии дала основания для введения общего термина, объединяющего *действия, процессы и состояния*, – «пофазно существующий объект» [Селиверстова 1982: 116]. Следовательно, в настоящем исследовании, вслед за О.Н. Селиверстовой, будем употреблять термин *действие* для обозначения пофазно существующего объекта, усилия которого и инициация являются создателями некоего события *P*: *I shudder to think* (психофизиологическое действие (реакция)). Термин *процесс* мы будем использовать для обозначения только такого пофазно существующего объекта, который не осуществлялся и не поддерживался субъектом: *I shudder with cold*.

Исследование показало, что данные предикаты вносят информацию об оценке некоторого положения дел, связанного с психофизиологическими реакциями (см. подробнее параграф 1.1), в том числе с точки зрения семантических особенностей разных частей речи. В данной работе мы разделяем исследуемые синтаксические модели, как выражающие психофизиологические реакции (*X shudders / shivers / quivers to V / X дрожат, содрогается от...*); синтаксические модели, которые выражают физическое действие (*X shudders /*

shivers / quivers / X дрожим), и синтаксические модели, которые выражают состояние (*X is sad / X грустный, печальный*).

Данное различие основано в первую очередь на дифференциации типов предикатов и совместимости компонентов, заполняющих данные модели.

Например, в исследовании В.Ю. Апресян установлено, что корреляция между лексической реализацией предложений вида *not + Verb + all*, их прагматическими интерпретациями и их коммуникативной структурой – полисемичным предложениям с отрицанием и квантором всеобщности типа *I haven't heard all these details* существенна. Неоднозначность такого рода предложений мотивирована различиями в сфере действия квантора (*all*) или глагола: в случае если отрицание включает в сферу своего действия квантор, высказывание получает частичное отрицание: *Я слышал некоторые из этих деталей*. Если отрицание включает в сферу своего действия глагол, высказывание получает полное отрицание: *Я не слышал ни одной из этих деталей*. Таким образом, автор отмечает, что различные лексические реализации исследуемой конструкции связаны с различными прагматическими сценариями и, следовательно, с различными коммуникативными структурами и различными интерпретациями сфер действия [Апресян 2020].

Следовательно, необходимо выделить семантические признаки дифференцируемых в настоящем исследовании моделей, иными словами, «отождествить когнитивное содержание с лингвистическим значением» [Селиверстова 1966: 9].

Согласно типологии О.Н. Селиверстовой, общей особенностью предикатов состояния является то, что они описывают не свойства, а явления, при этом данные предикаты описывают временные стадии существования предмета, которые актуальны именно для определенного отрезка времени. Состояния характеризуются свойствами статичности, длительности, неконтролируемости [Селиверстова 1966: 30-40; Vendler 1967: 143-160], тогда как особенностью предикатов действия является наличие компонента воли, намерения [Селиверстова 1966].

Кроме того, в представленных синтаксических моделях находит выражение психофизиологическая реакция, связанная с психическими процессами – *эмоциями* и *чувствами*, которые отражают индивидуальную (субъективную) значимость внешних и внутренних денотативных ситуаций для жизнедеятельности субъекта и реализуются в форме переживаний. При этом психологи отмечают нетождественность данных явлений, что имеет значимость для различения исследуемых синтаксических моделей. (Под *чувствами* в данной работе мы понимаем «более длительные, чем *эмоции*, психические состояния, имеющие четко выраженный предметный характер. Они отражают устойчивые отношения к каким-либо конкретным объектам (реальным или воображаемым)» [Маклаков 2016: 396]).

Во-первых, *эмоции*, как правило, бывают неопределенными и недостаточно осознаваемыми, они вносят первичную информацию о недостатке или избытке чего-либо, например: *Отчего он грустил и что предчувствовал? Он грустил нехорошею грустью* [НКРЯ], – в то время как *чувства* предметны и конкретны [Маклаков 2016: 396]. Более того, осознанность *чувства* вносит дополнительную информацию о личностной оценке денотативной ситуации субъектом: *I shudder from fear / Я содрогаюсь от холода (shudder 1)* – и вводит аксиологическую модальность, то есть субъект оценивает денотативную ситуацию с позиции *хорошо* или *плохо*. Например, одна и та же денотативная ситуация может расцениваться различно: *Я неожиданно начал дрожать / задрожал от лихорадки (shudder 1)*, – если предположить, что данное положение вещей имеет место перед важным событием, которое субъект расценивает как долгожданное (например, поездка в Париж), следовательно, субъект *X* оценивает ситуацию наступления внезапной дрожи как *отрицательную*, тогда как если бы данное положение вещей имело место относительно события, которое субъект расценивает как нежелаемое (например, уборка квартиры), субъект *X* оценивал бы возникновение заболевания *положительно*. Следовательно, испытываемые чувства, вызванные идентичным положением вещей, осознаются субъектом и при этом могут расцениваться различно. Несмотря на то что высказывание, созданное по синтаксической модели

I shudder to think what we might have in common / Я содрогаюсь при мысли о том, что у нас могло бы быть общего (shudder 2), на первый взгляд отражает устойчивое отношение к определенному положению вещей (как чувства), представляется, однако, что речь идет об ином положении вещей, поскольку ситуация, осознаваемая субъектом, не предполагает различной интерпретации положения дел, следовательно, вносится информация о внутреннем психофизиологическом состоянии субъекта, которое каузируется его собственными действиями. Таким образом, речь идет не о чувствах, а о психофизиологической реакции на определенное положение дел: «Психическое состояние является результатом приспособительной реакции организма и личности в ответ на изменение внешних и внутренних условий, направлено на достижение положительного результата деятельности и выражается в степени мобилизации функциональных возможностей и переживаниях человека» [Сафонов 2002: 47].

Во-вторых, отмечаются различия в функционировании: эмоции связаны с биологическими процессами, с удовлетворением естественных потребностей, в то время как чувства соотносятся с эмоциональной сферой и возникают при удовлетворении высших социальных, духовных потребностей [Маклаков 2016: 396].

В-третьих, отмечается связь эмоций с бессознательным, тогда как чувства опосредуются сознанием, то есть связаны с определенными знаниями, мышлением объекта, взаимодействуют с памятью, процессами мышления и волей. Кроме того, чувства человека всегда имеют более яркое внешнее проявление, а эмоции – чаще всего нет, ср.: *Я грущу* (1); *Я дрожу от холода* (2) – *shudder 1*; *Я содрогаюсь от страха* (3) – *shudder 2*.

В качестве примера можно рассмотреть высказывания с указанием на локализованность в пространстве: *Он сидел и грустил, когда зазвонили в дверь* [НКРЯ] (1); *Он сидел и дрожал (содрогался) от страха, когда зазвонили в дверь (shudder 1)* (2); **Он сидел и содрогался при мысли, когда зазвонили в дверь* (3). В первой синтаксической модели (*Он сидел и грустил, когда зазвонили в дверь*)

вносится информация об эмоциональном состоянии субъекта, и данное состояние вполне может быть не осознаваемым субъектом. Во второй синтаксической модели (*Он сидел и дрожал (содрогался) от страха, когда зазвонили в дверь (shudder 1)*) вносится информация о том, что субъект испытывает чувство страха, при этом из денотативной ситуации становится очевидным, что данное положение вещей (чувство опасности) осознается субъектом. Более того, во втором случае мы можем наблюдать физиологические проявления (например, *дрожь, учащение пульса, сердцебиение*), тогда как состояние грусти и печали четко не фиксируется каким-либо конкретным физическим проявлением, прямое наблюдение гипотетически доступно лишь косвенно – по мимике субъекта. В третьей синтаксической модели (**Он сидел и содрогался при мысли, когда зазвонили в дверь (shudder 2)*) вносится информация о психофизиологическом состоянии субъекта в связи с осмыслением им некоторого (когнитивного) события, реализуемого им самим, при этом не имеется возможности прямого наблюдения, поскольку задействованы только психические процессы, то есть наблюдаемые проявления эмоций или чувств отсутствуют. Следовательно, локализованность в пространстве не находит отражения в представленных примерах и требует уточнения.

Исследование О.А. Сулеймановой показывает, что реализация психофизиологической реакции протагониста в связи с осмыслением некоторого когнитивного события, реализуемого им самим, сопровождается нелокализованностью во времени [Сулейманова 1999], ср.: ** One shudders to think of parliaments in which the main criterion of membership is to belong to a group in need of affirmative action yesterday / Можно содрогнуться при мысли о парламенте, главный критерий отбора в который – принадлежность к меньшинству вчера*, хотя вполне употребимо: *I shudder to think what they're going to do to this photograph tomorrow / И я содрогаясь при мысли о том, что они сделают с этой фотографией завтра*. И, как было отмечено выше, для семантики состояния необходима локализованность некоего события *P* во времени: *X was sad yesterday*.

Для разграничения семантики состояния / оценки важны характеристики придаточной части (выделено О.А. Сулеймановой в работе (Махтанова 1995) [Сулейманова 1999: 138]). В исследуемой конструкции *X shudders / shivers / quivers / shakes / quakes to V* психологический субъект обозначается либо глаголами когнитивной деятельности, либо глаголами физического восприятия, либо глаголами физического действия (редко). Согласно исследованию Ю.Д. Апресяна, глаголы физического действия имеют валентность на показатель времени и места, тогда как у ментальных глаголов валентность на место отсутствует (*знаю где-то, *считаю где-то) [Апресян 1980]. Следовательно, для выявления характера концептуализации событий, описываемых исследуемыми конструкциями необходимо выявить то, какие действия его каузируют.

1.4.1. Категория контролируемости события

Как отмечается многими лингвистами, комплексное исследование семантических категорий дает возможность устанавливать наличие различных уровней системной зависимости языка и скрытых параметров, таких, в частности, как контролируемость (как справедливо определяет А.Д. Шмелев) [Булыгина, Шмелев 1997]. Признак контролируемости считается одним из самых спорных в современной лингвистике, но при этом значимым для интерпретации языковых явлений. Согласно позиции Б.Л. Уорфа, скрытые (имплицитные) категории (*covert categories*) являются особым типом языковых значений, которые не имеют эксплицитных морфологических или формальных средств выражения в языке, но, тем не менее, могут проявляться синтаксическими признаками, когда разница выражается в типе сочетаемости конкретной языковой единицы с другими языковыми единицами.

Рассмотрим подходы к изучению признака контролируемости, поскольку параметры метатермина *контролируемость* важны для определения функционирования предикатов, для выявления корреляции семантической

структуры глагола и предложения; иными словами, значимо понимание несвободности семантического наполнения и грамматической существенности признака, которые позволяют установить границы употребления глагола в предложении.

Т.В. Булыгина рассматривает признак контролируемости в связи с некоторым положением вещей: *действия* определяются контролируемыми явлениями, *деятельность* называется контролируемыми процессами, *поступки* – контролируемыми событиями [Булыгина 1982]. В настоящем исследовании контролируемость понимается как семантический параметр – «сознательная инициация некоего события *P*, его продолжения, качественного изменения и прекращения» [Шабанова 1997: 48]. Способы изучения типа субъекта, грамматико-синтаксические соотношения являются объектом исследования в работах многих лингвистов [Чейф 1982; Шабанова 1998; Сулейманова 1993а; 1993б; 1999; Арутюнова 1998; Степанов 1981; Dik 1980; Бондарко 1992]. При этом традиционно в семантических исследованиях реализация признака контролируемости / неконтролируемости действий основана на сочетании трех признаков:

1. *субъект X может прикладывать / не прикладывать усилия для реализации события P;*
2. *субъект X осознанно прикладывает / не прикладывает усилия для реализации события P;*
3. *субъект X контролирует / не контролирует события P и фазовость действия* [Шабанова 1998].

В работах О.Н. Селиверстовой и О.А. Сулеймановой предложена серия тестов на определение первого признака контролируемости / неконтролируемости действия – *наличие / отсутствие приложения усилий со стороны субъекта X*. Это адекватность / неадекватность сочетания с оборотами типа *с каким усердием, с каким напряжением, усилием*, возможность реализации которых вносит информацию о приложении / отсутствии приложения усилий субъектом *X* для выполнения события *P* [Селиверстова 1982; Сулейманова 1999].

Второй признак контролируемости / неконтролируемости действия – наличие / отсутствие осознанности приложения усилий со стороны субъекта – вносит информацию об осознанности приложения силы субъектом действия. Далее в исследовании О.А. Сулеймановой установлено, что реализация данного признака связана не столько с осознанностью, сколько с информацией о том, прикладывает / не прикладывает субъект *X* сознательно / бессознательно усилия для реализации события *P*; иными словами, необходимо, чтобы в предложениях имело место сознательное или бессознательное приложение усилий для реализации данного признака [Сулейманова 1993а; 1993б]. В работе О.А. Сулеймановой также предложена серия тестов автора и других авторитетных лингвистов: в случае, если субъект *X* сознательно прикладывает усилия для реализации некоего события *P*, в качестве теста используется возможность / невозможность реализации в исследуемых конструкциях повелительного наклонения (*Поговори со мной еще немного*) или наречий *сознательно, специально, назло*, которые вносят информацию о сознательном, преднамеренном приложении усилий субъектом *X* (*Она сознательно допустила в расчётах ошибку*) [Сулейманова 1999: 54].

Рассмотрим примеры, которые подтверждают сложность выявления обозначенного признака. В работе А.В. Бондарко конструкции типа *Он вздрогнул, Она вскрикнула* интерпретируются как произвольные, при этом именно субъект *X* каузирует событие *P* (выделено О.А. Сулеймановой у [Бондарко 1992: 35]). Как отмечает О.А. Сулейманова, в данном случае вносится информация о бессознательном приложении усилий со стороны субъекта [Сулейманова 1999]. Следовательно, тесты на определение контролируемости / неконтролируемости у глаголов типа *вздрагивать* должны быть более точечными, что позволило бы относить такие глаголы «в класс предикатов с большей степенью контролируемости, чем у процессов, хотя по существующим тестам они должны относиться к процессам, а не действиям» [Шабанова 1998: 48], поскольку наличие признака *контролируемости / неконтролируемости* не может быть подтверждено или опровергнуто на основании единичного запрета в тесте «без соотнесения

этого запрета с определенным семантическим признаком, с которым связаны формальные грамматические признаки... Семантическая характеристика предиката, связанная с ролевой семантикой, должна показать, как ведут себя глаголы в разных тестах и какова логика запрета на употребление» [Шабанова 1998: 12].

Значимым критерием определения стадий контролируемости при реализации события *P* является фазовость: *начальная, срединная и конечная* [Сулейманова 2000]. Контролируемость на начальной стадии предполагает, что *X* может инициировать событие *P* по своему желанию, либо его можно побудить инициировать событие. Или, напротив, если предположить, что субъект *X* вступил в событие *P* неосознанно, возможность / невозможность прекращения события *P* будет свидетельствовать о возможности / невозможности контролировать событие *P* на заключительной стадии. На всех стадиях может контролироваться то действие, в которое субъект *X* вступил сознательно, прикладывая усилия и продолжает контролировать. Иными словами, контролируемость может наблюдаться на разных стадиях реализации события *P*. Таким образом, если субъект интерпретируется как способный сознательно управлять событием *P* на различных стадиях реализации (начать и закончить событие *P*), следовательно, в семантической роли субъекта присутствует семантика контролируемости [Шабанова 1998].

Третий признак *контролируемости / неконтролируемости события P* Т.Д. Шабанова определяет как противопоставление по признаку контролируемости некоего события *P* субъектом *X* [Шабанова 1997; 1998]. Так, например, совершая поездку в автобусе, субъект *X* может инициировать событие *P* (*Вы наступили мне на ногу*), продолжить его (*Не можете ездить на общественном транспорте – берите такси*), качественно изменить (*Ой, простите, вообще не знаю какая меня муха с утра укусила*), прекратить (*Прошу прощения / [или выйти из автобуса]*). Как было отмечено выше, контролируемость может быть разноуровневой: например, высказывание

Содрогайся от страха (shudder 1) обозначало бы действие, неконтролируемое на начальном этапе (см. подробнее ниже).

Для группы глаголов типа *shudder* данный семантический признак имеет существенное значение: ср. высказывания, которые предполагают, что субъект контролирует действие: **I shuddered the table / I shook the table*, где высказывание, которое заполняется глаголом *shudder*, в отличие от высказывания, которое заполняется глаголом *shake*, не может быть контролируемым ввиду субъектоцентричности глагола *shudder*, тогда как глагол *shake* допускает наличие объекта действия. Более того, для настоящего исследования также оказывается важным разграничение *shudder 1* и *shudder 2* в связи с реализацией признака контролируемости.

Рассмотрим проявление признака контролируемости на примере глагола *shudder* на первом этапе: **субъект может прикладывать / не прикладывать усилия для реализации события P**. Несмотря на тот факт, что синтаксическая модель *The Earth shudders / Земля содрогается (shudder 1)* вносит информацию о том, что событие *P* имеет место независимо от того, прилагает субъект усилия или нет, в семантической структуре слова признак *контролируемости* реализуется только в том случае, если актанта предиката является одушевленным субъектом, способным управлять событием [Шабанова 1998: 46-48], как в предложениях *I shudder with a cold / Я дрожу / содрogaюсь от холода (shudder 1)* или *I shudder to think what this cold will do to me (shudder 2) / Я содрogaюсь при мысли, что эта простуда сделает со мной*, – когда реализация события *P* может контролироваться субъектом *X* по крайней мере на среднем этапе.

Попробуем применить тесты на материале русского языка с предполагаемыми эквивалентами синтаксических моделей, которые заполняются глаголами *shudder 1*, *shudder 2* и *shake* для определения возможности / невозможности реализации приложения усилий субъектом *X* для выполнения события *P*: **С каким усердием (напряжением, усилием) я содрogaюсь от простуды (shudder 1)*, где некорректность сформированного тестом высказывания свидетельствует, что субъект *X* не прикладывает усилий для реализации

события *P*. В свою очередь в высказываниях: **С каким усердием (напряжением, усилием) я содрогаюсь при мысли, что эта простуда сделает со мной (shudder 2); С каким усердием (напряжением, усилием) я пошатнул стол –* корректность последнего из сформированных тестов высказывания свидетельствует, что субъект *X* прикладывает усилия для реализации события *P*.

Попробуем применить тест на сочетаемость с обстоятельством образа действия – словом *carefully*, которое вносит информацию о приложении усилий субъектом *X*: **I carefully shudder with a cold (*Я осторожно содрогаюсь от холода); *I carefully shudder to think what this cold will do to me (*Я осторожно содрогаюсь при мысли о том, что эта простуда сделает со мной), I carefully shook the table (Я аккуратно пошатнул стол).* Оба теста на наличие / отсутствие приложения усилий со стороны субъекта *X* показывают, что в исследуемых конструкциях в значениях *shudder 1* и *shudder 2* субъект *X* не прилагает усилий для реализации события *P*, тогда как в конструкции с глаголом *shake* имеет место приложение усилий субъектом.

Как отмечено выше, признак контролируемости маркирован по наличию свойства: *субъект X сознательно / бессознательно прикладывает / не прикладывает усилия для реализации события P*. Попробуем провести данную серию тестов (см. выше) на сочетаемость с наречиями типа *сознательно, специально, назло* и возможность реализации повелительного наклонения на материале русского и английского языков: *I shudder with fear, I shudder with cold (shudder 1); I shudder to think of that meeting (shudder 2) и I shook the table (shake).*

a) ?*Shudder with cold / Содрогайся от холода [1a (shudder 1)]; ?Shudder with fear / Дрожи от страха [1b (shudder 1)]; ?Shudder to think of that meeting / ?Содрогайся при мысли об этой встрече [1c (shudder 2)]; Shook the table / Пошатни стол [1d (shake)];*

b) ?*I deliberately shudder with cold / ?Я специально / сознательно дрожу от холода [2a (shudder 1)]; ?I deliberately shudder with fear / ?Я специально / сознательно дрожу от страха [2b (shudder 1)]; ?I deliberately shudder to think of that meeting / ?Я специально / сознательно содрогаюсь от страха при мысли об*

этой встрече [2c (*shudder 2*)]); *I deliberately shook the table / Я специально / сознательно пошатнул стол* [2d (*shudder 2*)].

Данные результаты можно назвать условно корректными (за исключением глагола *shake*), поскольку в случае моделирования искусственной ситуации, если предположить, что речь идет об игре актеров и задача состоит в том, чтобы сыграть роль правдоподобно, такие модели могут заполняться повелительным наклонением [Сулейманова 1999], поскольку и очевидно наблюдаемая физическая реакция [1a], и негативная мысль [1b, c] могут каузировать в той или иной степени физиологическую реакцию. Следовательно, сформированные согласно тесту высказывания можно интерпретировать как корректные [1a, b, c; 2a, b, c]. В таком случае субъект *X* вступает в событие сознательно [1a, b, c], то есть ***имеет место сознательное приложение усилий субъектом X***.

В то же самое время, если речь идет о естественном положении дел, субъект *X* вступает в событие не сознательно [1a, b, c; 2a, b, c], то есть ***имеет место бессознательное приложение усилий субъектом X*** (*I shudder with fear, I shudder with cold*); при этом представляется возможным побудить субъект *X* прекратить событие *P*, тем самым осуществить контроль на этапе реализации действия, тогда как анализ глагола *shake* показывает, что субъект *X* вступает в событие сознательно [1d; 2d].

Следовательно, в модели ***Я специально (сознательно) содрогаюсь от одной только мысли об этой встрече (shudder 2)*** предполагается, что субъект реализует событие *P*, однако оно сопровождается бессознательной психофизиологической реакцией; или ****Я специально (сознательно) дрожу от холода (shudder 1)***, что и делает высказывание невозможным; тогда как в модели ***Я специально (сознательно) пошатывал / потряс стол (shake)*** – субъект реализует событие *P*, которое сопровождается сознательной физиологической реакцией, что и делает высказывание возможным.

Тем не менее значимым дифференцируемым признаком данных синтаксических моделей является возможность визуального наблюдения / ненаблюдения события *P* (*shudder 1*); очевидная, *визуально наблюдаемая*

физиологическая реакция дрожи ([2a (*shudder 1*)], поскольку ощущение температурного дисбаланса, как правило, каузирует физическую реакцию дрожи; *визуально не наблюдаемая психофизиологическая реакция* или *различно наблюдаемая психофизиологическая реакция* (изменение цвета кожи, мимики, онемение, визуализируемая дрожь) [*1b (shudder 1); 1c (shudder 2)*]. Тем не менее, когда психофизиологическая реакция визуально не наблюдаема, такая модель не может заполняться глаголом в форме повелительного наклонения или наречием цели [*1c (shudder 2)*], следовательно, побуждение искусственно воссоздать ненаблюдаемое действие, обозначенное глаголом *shudder*, позволяет интерпретировать сформированное тестами высказывание как некорректное [*1c (shudder 2)*].

Рассмотрим третий признак контролируемости действия, который реализуется в возможности изменять действие или остановить событие. Для определения стадий контролируемости исследуемых моделей проведем серию тестов, обозначенных выше: в синтаксической модели *I shudder to think that I'll fail in completing my thesis / Я содрогаюсь при мысли о том, что моя диссертация может не состояться (shudder 2)* вполне очевидно, что реализация события *P* неподвластна контролю субъекта как на начальной стадии события, так и на конечной: **Stop shuddering to think that I'll fail in completing my thesis / ?Прекрати содрогаться при мысли о том, что диссертация может не состояться* или **Do not shudder to think that I'll fail in completing my thesis / ?Не содрогайся при мысли о том, что диссертация может не состояться*, что невозможно при визуально не наблюдаемом действии. В русском языке такое высказывание возможно, однако в таком случае высказывание представляет эхо реплику в ответ на утверждение собеседника, ср. *Я содрогаюсь при мысли... / Не содрогайся / Прекрати содрогаться...* или даже шутливое *Содрогайся, а то...* Как было отмечено выше, в синтаксической модели *I shudder with cold / Я содрогаюсь от холода (shudder 1)* наблюдается схожая ситуация: субъект *X* не является инициатором события *P*: **Stop shuddering with cold / Прекрати содрогаться от холода* или *Do not shudder with cold / Прекрати содрогаться от холода*. Тем не

менее в предложении *Stop shuddering / Прекрати содрогаться* субъект *X* не является инициатором события *P*, при этом возможность контролировать событие *P* может реализоваться на заключительной стадии, при условии, что действие визуально наблюдаемое. В синтаксической модели *I shook the table / Я шатаю стол (shake)* субъект *X* является инициатором события *P*: *Stop shaking the table / Прекрати шатать стол* или *Do not shaking the table / Прекрати шатать стол*.

Следовательно, экспериментальный анализ эмпирического материала показал, что при исследовании глагола *shudder 1*, *shudder 2* и глагола *shake* контролируемость события *P* включает следующие стадии:

- субъект *X* инициирует / не инициирует событие *P*;
- субъект *X* инициирует событие *P* сознательно / бессознательно;
- субъект *X* прикладывает / не прикладывает усилия для реализации события *P*; или
- субъект контролирует / не контролирует событие *P*;
- субъект *X* контролирует событие *P* на начальной стадии;
- субъект *X* контролирует событие *P* на конечной стадии;
- субъект *X* контролирует событие *P* на начальной и конечной стадиях.

Глагол *shudder 1*:

- субъект *X* инициирует событие *P* бессознательно;
- субъект *X* не прикладывает физических усилий для реализации события *P*;
- субъект *X* прикладывает физические усилия для реализации события *P* (при искусственно воссоздаваемой ситуации);
- субъект *X* может контролировать событие *P* на конечной стадии, если физиологическое состояние субъекта *X* приходит в норму.

Глагол *shudder 2*:

- субъект *X* инициирует событие *P* бессознательно;
- субъект *X* не прикладывает физических усилий для реализации события *P*;

- субъект X прикладывает физические усилия для реализации события P (при искусственно воссоздаваемой ситуации);
- субъект X не может контролировать событие P .

Глагол *shake*:

- субъект X инициирует событие P ;
- субъект X инициирует событие P сознательно;
- субъект X прикладывает усилия для реализации события P ;
- субъект X контролирует событие P ;
- субъект X контролирует событие P на начальной стадии;
- субъект X контролирует событие P на конечной стадии;
- субъект X контролирует событие на начальной и конечной стадиях.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В данной главе была предпринята попытка обосновать методологическую основу настоящего исследования, которая заключается, во-первых, в рассмотрении положений основных существующих описаний семантики языковых единиц различных уровней и формулировании метаязыка описания семантической структуры языкового знака в общей системе лингвистических представлений, которые позволяют интерпретировать процессы языковой категоризации и концептуализации внеязыковой действительности языковыми средствами [Арутюнова 2003; Селиверстова 1975; 1976; Апресян 1995а; Сулейманова 1999; Болдырев 2007; Фомина 2009; Иванова 2011)].

В параграфе 1.1 рассмотрен потенциал метаязыков описания основных направлений в лингвистической семантике, таких как *семантические примитивы*, *ролевая грамматика*, *естественный язык как метаязык описания языковых единиц* [Вежбицкая 1972; 1996; Апресян 1974; Селиверстова 1975; 1976; 2004; Сулейманова 1999]. Концепция, основанная на выделении семантических примитивов – ограниченного количества элементарных смыслов, основанных на принципе неразложимости, позволила А. Вежбицкой и вслед за ней ряду других

лингвистов получить описание множества как лексических, так и грамматических значений и выявить типологические связи между различными элементами языка [Вежбицка 1983; Богданов 1977; Апресян 1995]. Критерии универсальности и неразложимости семантических примитивов, предложенные А. Вежбицкой, связаны с рядом ограничений (см. работы: Щерба 1974; Сулейманова 1985; 2000; Селиверстова 1988а: 33-37; Исаченко 1960: 416; Бенвенист 1974; Падучева 1985) и методика А. Вежбицкой применительно к семантическим исследованиям представляется недостаточной. Концепцию *ролевой грамматики*, представляющей собой метод описания семантики предложения путем определения валентности языковых единиц [Filmore 1977; Теньер 1988; Кацнельсон 1948], отличает отсутствие единых принципов при определении валентности; исходя из этого описание различий определенного ряда синтаксических структур не представляется возможным или полным (см. подробнее: Иомдин 2014). Концепция, основанная на использовании *естественного языка*, единицы которого и составляют корпус метапонятий, поддерживается в настоящем исследовании, поскольку основными критериями языковых описаний, полученных в рамках данной методологии, являются *адекватность, полнота и точность* [Арутюнова 2003; 1982; Селиверстова 1975; 1976; 1982; Сулейманова 2000; Фомина 2009; Иванова 2011; Чалей 2018].

Во-вторых, методологическую основу настоящего исследования составляет представление о структуре значения языкового знака как формирующегося из семантических компонентов [Селиверстова 2002; 2004; Щерба 1974; Прохоров 2009; Болдырев 2007; Сулейманова 2000; Лукошус 2015], и представление о лингвокогнитивных аспектах значения языкового знака как информации, вносимой об объекте внеязыковой действительности и имеющей языковую релевантность; в частности, представление о характере взаимодействия когнитивных и языковых структур в процессе функционирования языка [Селиверстова 1975; Шабанова 1998; Сулейманова 1999; Болдырев 2007]. Принимаемое в данной работе понимание значения языкового знака и исследовательские инструменты его анализа определили метаязык исследования:

значение языковой единицы, когнитивная структура значения слова, семантический эксперимент [Селиверстова 1967; 2004; Сулейманова 1999; Щерба 1974; Прохоров 2009; Карасик 2005; Степанов 1997; Лангакер 1982]. Рассмотренные интерпретации центральных метатерминов – значения, смысла, понятия и концепта – позволили типологизировать понимание значения языкового знака в языкознании, а также уточнить научные дефиниции указанных понятий.

В-третьих, в параграфе 1.3 рассмотрены характеристики метатерминов *оценка*, *экспрессия* и *эмоция*, которые позволили выделить значимые для настоящего исследования параметры: оценка представляет собой комплексный концепт, при этом для данного исследования понятие оценки в значении «хорошо / плохо» не существенно, оценка интерпретируется с точки зрения соответствия исследуемых объектов классу объектов. Под оценкой в данном исследовании понимается логическая операция соотнесения уровня соотношения объекта с характеристиками, которым должен соответствовать член класса [Вольф 2009].

В-четвертых, в параграфе 1.4 рассмотрены семантические интерпретации предикативных отношений, поскольку описание семантики модели типа *X shudders to V* предполагает построение их типологии. Представлены типологии предикатов, в основу которых положены различные признаки. В основу классификации Ю. С. Маслова положен грамматический признак [Маслов 1948].

По классификации З. Вендлера выделяется четыре класса английских глаголов: *states* (*стативы*); *activities* (*деятельности*), *accomplishments* (*совершения*); *achievements* (*достижения*) [Vendler 1967]. Критический анализ классификации З. Вендлера показывает, что данная типология не позволяет исчерпывающим образом описать группу исследуемых глаголов. Ср.: *I was shuddering with cold* (*Я дрожу от холода*) – не представляется возможным интерпретировать высказывание как деятельность, так же как и высказывание **I was shuddering to think* сложно назвать стативом или достижением.

Типология предикатов может строиться на формальных признаках, как, например, классификация Л. В. Щербы, где автор выделяет 3 типа предикатов на

материале русского языка: *предикаты со значением действия, процесса, состояния, качества* [Щерба 1974]. В работе уточнены значение и функции предикатов применительно к предмету исследования: при разграничении предикатов *действия* и *процесса* в настоящем исследовании значимо представление о стативных / нестативных предикатах, этот дифференцирующий признак находит применение в возможности / невозможности образования формы Continuous [Lyons 1977: 483], они реализуют признак активности / неактивности [Селиверстова 1982: 110]. Например, в предложении *I shudder – I was shuddering* употребление предиката в форме Continuous вполне допустимо, тогда как в предложении с формально идентичным глаголом *shudder: I shudder to think – *I was shuddering to think* такая конструкция неупотребима.

Уточнение метатерминов позволяет выделить дополнительные семантические признаки рассматриваемых языковых явлений, принятые О. Н. Селиверстовой при определении признака неактивности:

1. Неактивность, которая коррелирует с понятием страдательности пациенса, иными словами, *X* не определяет осуществление, поддержание *P*; *P* привносится какой-то внешней по отношению к *X*-у силой или является самоподдерживаемым;
2. Неактивность определяется бездействием *X*-а, при этом источником энергии, необходимым для поддержания *P*, является именно *X* (его свойства) [Селиверстова 1982: 110].

Вышеизложенные представления делают возможным выделение дополнительных семантических признаков исследуемых моделей: субъект синтаксической модели *X shudders/ shivers / quivers (with cold) / X дрожит от холода* можно интерпретировать как несобственно агентивный, поскольку субъект прикладывает усилия к реализации действия, но бессознательно, тогда как субъект модели *X shudders (think) / X дрожит, содрогается от страха* – как определяющий, но несобственно агентивный, поскольку действие каузируется благодаря внутреннему источнику энергии без приложения усилий.

Согласно типологии О. Н. Селиверстовой, общей особенностью предикатов состояния является то, что они описывают не свойства, а явления, при этом

данные предикаты описывают временные стадии существования предмета, которые актуальны именно для определенного отрезка времени. Состояния характеризуются свойствами статичности, длительности, неконтролируемости [Селиверстова 1966: 30-40; Vendler 1967: 143-160], тогда как особенностью предикатов действия является наличие компонента воли, намерения [Селиверстова 1966].

С учетом таких представлений, в данной работе мы разделяем исследуемые синтаксические модели на выражающие психофизиологические реакции (*X shudders / shivers / quivers to V / X дрожит, содрогается от...*); синтаксические модели, которые выражают физическое действие (*X shudders / shivers / quivers / X дрожит*), и синтаксические модели, которые выражают состояние (*X is sad / X грустный, печальный*).

Были рассмотрены типы субъекта (см. параграф 1.4.1), , которые являются объектом исследования в работах многих лингвистов [Чейф 1982; Шабанова 1998; Сулейманова 1999; Арутюнова 1998; Степанов 1981; Dik 1980; Бондарко 1992]. Параметр контролируемости дает возможность устанавливать наличие различных уровней системной зависимости в языке. Категория контролируемости предполагает следующие разграничения: во-первых, субъект *X* инициирует или не инициирует событие *P*; во-вторых, субъект *X* инициирует событие *P* сознательно или бессознательно; в-третьих, субъект *X* прикладывает или не прикладывает усилия для реализации события *P*; в-четвертых, субъект контролирует или не контролирует событие *P*; в-пятых, субъект *X* контролирует событие *P* на начальной стадии, субъект *X* контролирует событие *P* на конечной стадии или субъект *X* контролирует событие *P* на начальной и конечной стадиях.

Таким образом, обоснование теоретических предпосылок и методов исследования и системное рассмотрение центральных метатерминов в рамках синтаксической семантики позволяет выявить системные признаки исследуемых языковых явлений.

ГЛАВА 2. ТРИАНГУЛЯЦИОННЫЙ ПОДХОД В СЕМАНТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: ОПРОС ИНФОРМАНТОВ VS *BIG DATA* ЭКСПЕРИМЕНТ

В настоящий момент экспериментальные направления современной лингвистики являются высокотехнологичными, они обладают эффективным верификационным аппаратом, который позволяет изменить статус лингвистических исследований с «гипотетического» (гипотезы) на «доказанный». Как мы указывали выше, «экспериментальное семантическое исследование включает в себя все этапы аналогично исследованиям в точных науках, которые позволяют интерпретировать исследование как научное: *процесс изучения, эксперимент, концептуализация и верификация теории*» [Демченко 2019: 109-113], методы верификации которого составляет основу триангуляционного подхода, где две системы позволяют прийти к идентичным или коррелирующим результатам.

Первично термин «триангуляция» использовался в геодезии и картографии и представлял собой «метод определения положения опорных точек на земной поверхности для топографической съёмки местности» [БТСРЯ: <http>]. Принято считать, что впервые его применил В. Снеллиус еще в начале XVII века. В настоящее время триангуляционный метод задействован в обширном спектре направлений, поскольку доказал свою надежность. Под триангуляцией понимают, во-первых, «расчет взаимного расположения точек на поверхности посредством конструирования сети треугольников (геодезия); во-вторых, вычисление углов и протяжений методами тригонометрии (математика); в-третьих, вычитывание длины дуги меридиана путем вычисления длины сторон последовательного ряда треугольников (география)» [Там же].

Принцип триангуляции имеет большое научное и практическое значение, являясь наиболее точным способом определения «взаимного расположения точек на земной поверхности; изучения горизонтальных движений земной коры; для

обоснования топографических съёмок в различных масштабах и целях; обоснования различных геодезических работ при изыскании, проектировании и строительстве крупных инженерных сооружений, при планировке и строительстве городов» [БСЭ: [http](#)]. Данный метод нашел применение и в архитектуре, где под триангуляцией понимается «любая конструкция, основанная на системе смежно расположенных треугольников для придания стойкости» [БСЭ: [http](#)]. При построении триангуляции исходят из «принципа перехода от общего к частному, от крупных треугольников к более мелким. В связи с этим триангуляция подразделяется на классы, отличающиеся точностью измерений и последовательностью их построения» [Там же].

Как правило, в гуманитарных науках триангуляция предполагает либо использование разносторонних методов при анализе одних и тех же эмпирических данных, либо использование различных типов данных в рамках одного исследовательского проекта [Denzin 1970; Кошарная 2016]. В настоящем исследовании мы говорим о широком понимании триангуляции, когда проводим дистрибутивный анализ и далее накладываем гипотетико-дедуктивный метод, применительно к доказательной процедуре: мы говорим о работе с информантами, с одной стороны, с другой стороны – о работе с поисковыми системами типа Google, когда имеет место – корреляция разного рода экспериментальных данных. Следовательно, под триангуляционной методикой, применительно к обработке языковых данных, в настоящем исследовании понимается такая методика, которая представляет собой сочетание двух экспериментальных методик, в частности, опросы информантов и опросы, реализуемые посредством поисковых систем – «коллективный информант».

Вышеизложенные аргументы позволяют предположить, что высокий верификационный потенциал данной методики найдет широкое применение и в лингвистических исследованиях, поскольку показывает высокую эффективность и в гуманитарных науках [Сулейманова, Фомина 2017; 2018].

2.1. Методы исследования языкового значения

Лингвистические методики, в основе которых лежат *компонентный анализ, дистрибутивный, валентный и контекстуальный, гипотетико-дедуктивный методы*, позволяют дать точное описание семантических языковых явлений, широко применяются в семантических исследованиях и показали свою состоятельность [Щерба 1974; Селиверстова 1976; 1988; Сулейманова 1999; Степанов 1975; Шабанова 1998 и др.].

2.1.1. Компонентный анализ

Метод компонентного анализа является одним из способов проведения лингвистического исследования, а также лежит в основе любого семантического анализа, поскольку является первой ступенью на пути к пониманию и изучению семантики языковой единицы [Апресян 1995а; 1995б].

Становление и утверждение положений методологии компонентного анализа и целенаправленное их применение в лингвистике отмечается в работах многих отечественных и зарубежных лингвистов при исследовании семантической структуры языковых единиц (О.Н. Селивёрстова [Селивёрстова 1973; 1975; 2004], Ю.Д. Апресян [Апресян 1995а], А. Вежбицкая, В.Г. Гак [Гак 1998], И.А. Стернин [Стернин 1985], Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс [Гулыга, Шендельс 1976], О.А. Сулейманова [Сулейманова 1999]).

Сущность компонентного анализа определяется рядом положений: во-первых, в теории классической семантики при рассмотрении семантической природы *значения* предполагается выделение многокомпонентной структуры значения языкового знака (см. главу I); во-вторых, многокомпонентную структуру можно разложить на составляющие, для обозначения которых используются различные термины: *компоненты значения, семантические компоненты, дифференциальные элементы, фигуры содержания, семантические множители,*

дифференциальные признаки, семы. Признание в современной лингвистике сложной многокомпонентной структуры значения позволяет предположить, что значение слова актуализируется в сознании человека в виде представления, включающего целый ряд компонентов. Следовательно, значение языковой единицы выступает как неделимое представление о том или ином аспекте действительности, а также как комплекс частных признаков и свойств, охватывающих это представление [Берестнев 2002]. Таким образом, в основе компонентного анализа лежит тезис о том, что значение слова можно разложить на исчерпывающе различительные признаки [Селиверстова 2004].

Основу метода компонентного анализа (КА) разработал Н.С. Трубецкой применительно к фонологии, и в силу своей эффективности и универсальности этот метод нашел применение в исследовании грамматических и лексических значений. На материале грамматических значений КА применен, например, Р.О. Якобсоном для описания категории падежа русских существительных. Согласно метаязыку автора, *направленность, объемность* и *периферийность* являются основными семантическими признакам при описании шести падежей русского языка. Признак направленности / ненаправленности свойственен винительному и дательному падежам, значение которых всегда предполагает указание действия на объект (*читать лекции, защищать диссертацию*), тогда как для остальных падежей этот признак не является обязательным. Признак объемности / необъемности (участие в действии) указывает на границы обозначаемого предмета, подчеркивает, что объем содержания предмета, выражаемый родительным падежом, меньше общего объема обозначаемого предмета (ср.: *глава диссертации, состав класса*). Признак периферийности / непериферийности указывает на временные отношения, выражаемые в форме творительного, дательного падежей (*писал статью ночью; дорогой; студентом*) [Якобсон 1936–цит. по Барсов 1981].

В настоящем исследовании, с опорой на позицию О.Н. Селиверстовой, под компонентным анализом понимается «процедура расщепления значения на составные части, вычленение которых обусловлено как соотношением элементов

внутри отдельного значения (наличие более общих и более частных элементов, т.е. иерархичность организации), так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц (совпадение или нейтрализация элементов верхних уровней и несовпадение дифференцирующих признаков нижних уровней)» [Селиверстова 1980: 278-288].

Первичная гипотеза о значении языковой единицы строится исходя из первичной информации составляющих ее дифференциальных признаков. Методика семантических исследований предполагает выделение интегральных и дифференциальных признаков лексического или грамматического значения языковой единицы. Под *дифференциальным признаком* в данной работе понимается «признак, который составляет информацию о дифференцирующем свойстве, представленном, по крайней мере, в двух вариантах» [Селиверстова 2004: 82]. Ср., например: в высказываниях, где действие предполагает наличие объекта, семантически близкие глаголы показывают различные свойства: *I shake the table; *I shudder the table*. Под *интегральным признаком* понимается «элемент информации, общий, по крайней мере, для двух языковых единиц и принадлежащий к более высокому иерархическому уровню по сравнению с теми элементами значения, по которым эти единицы различаются между собой, то есть дифференцирующие элементы этих единиц должны быть более частными по сравнению с общим элементом значения, их объединяющим» [Там же: 82]. Например, компонент, вносящий информацию о том, что субъект реализует событие *P*, которое проявляется произвольными ритмичными колебательными движениями различных частей тела вследствие попеременного сокращения мышц, каузируемого внешними или внутренними обстоятельствами, входит в значение группы глаголов типа *shudder* и может быть выделен в качестве интегрального признака для группы глаголов типа *shudder / tremble / shiver / quiver / shake / quake*. Более того, необходимо учитывать выстраивание семантических элементов по уровням, принадлежность интегральных признаков к макроуровням, а также сводимость дифференциальных семантических элементов к значениям различительных признаков. Следовательно, исследование

лексической семантики проходит через изучение семантически близких лексических единиц и базируется на тезисе, что когда две лексемы показывают высокую частотность употребления друг с другом, в таком случае представляется возможным выдвинуть гипотезу о наличии некоего схожего интегрального признака в их семантике [Арнольд 1966].

Тем не менее представляется значимым отметить следующее: несмотря на то что, КА является одним из основных методов изучения и выделения интегральных и дифференциальных признаков, семантическое исследование не может ограничиваться одним этим методом.

При систематизации семантических результатов, основанных только на применении КА, обобщенные данные могут быть неадекватными, то есть не соответствовать реальной организации языкового значения: метод КА исследуемых языковых единиц на основе их лексикографических описаний не всегда представляется обоснованным и не позволяет выявить точные семантические описания [Селиверстова 2004: 90; Сулейманова, Фомина 2010: 81]. Во-первых, КА, выполняемый на основании анализа словарных определений, не представляется достаточно убедительным: семантические описания из лексикографических источников, как мы показывали в начале работы, являются неточными, поскольку в лексикографических описаниях, помимо верных, часто наблюдаются неполные описания значения языковых единиц. Во-вторых, следствия, выведенные посредством КА, нуждаются в последующих верификационных процедурах [Селиверстова 1988: 90]. Таким образом, если исходная посылка не верна, прийти к надлежащим выводам не представляется возможным, при этом выявленные различия в семантике исследуемых единиц нуждаются в дополнительном исследовании. В качестве примера рассмотрим описание значений группы глаголов типа *содрогаться* в лексикографических источниках. Анализ словарных дефиниций глаголов *содрогаться* / *дрожать* / *вздрагивать* / *трястись*, как мы указывали в работе [Никитина 2020в], показал, во-первых, что в их семантических структурах выделяются по крайней мере два значения – прямое и производное; во-вторых, «выбранные глаголы либо

получают совпадающие определения: *содрогаться* – дрогнуть внезапно, а *вздрагивать* – внезапно содрогнуться, либо определяются друг через друга – глагол *содрогаться* в первом «физическом» значении определяется толковыми словарями через *вздрагивать*, *дрогнуть внезапно*; глагол *вздрагивать*, в свою очередь, через глагол *дрожать по разу, в несколько приемов (вздрагнуть, однажды)*, *внезапно содрогнуться*; глагол *дрожать* представлен через глагол *вздрагивать*, *трястись*, *быть в быстром колебательном движении*; глагол *трястись* детерминируется через глаголы *качаться*, *колебаться*, *дрожать*, *содрогаться всем телом*» [Никитина 2020в: 90].

«Глагол *содрогаться* в производном значении (метафорическом) определяется через *вздрагнуть от страха, негодования*; глагол *вздрагивать / вздрогнуть*, в свою очередь, через глагол *дрожать, подвергаться дрожи, испугу*; глагол *дрожать* представлен через глагол *вздрагивать, трястись (от страха)*; глагол *трястись* детерминируется через глаголы *бояться, трепетать, опасаться, беспокоиться за кого-л., что-л.*» [Никитина 2020в: 90].

Иными словами, определения глаголов отсылают к семантически сходным глаголам, тем самым не вносятся информация об их семантической дифференциации. Из совпадения описаний следует, что слова имеют одинаковые значения, что должно предполагать возможность их взаимозамены. «Однако тест на взаимозамену показывает, что не во всех случаях она возможна, ср.: **Я содрогнулся от радости*, в то время как конструкция ?*Я содрогаюсь от радости* не вполне допустима; **Я дрогнул от радости*, при этом конструкция *Я дрожал от радости* вполне допустима, или **Я содрогаюсь от счастья / Меня трясет от счастья / Я дрожу от счастья / *Я вздрагиваю от счастья*, где только два из семантически сходных глаголов могут заполнять данную конструкцию» [Никитина 2020в: 90]. Таким образом, действительное соотношение между данными семантически сходными глаголами является более комплексным. Более того (как будет показано ниже), возможность взаимозамены не означает тождественности значений, она говорит о том, что денотативная ситуация допускает двоякое осмысление.

То есть, методика КА является первичным инструментарием в семантическом исследовании «при анализе структуры значения языковых единиц, который позволяет выявить первичные семантические признаки исследуемого значения» [Сулейманова 2004: 12-13].

2.1.2. Гипотетико-дедуктивный метод

Применение метода компонентного анализа позволило исследовать и уточнить семантические описания различных лексических и синтаксических единиц [Селиверстова 2004; Шабанова 1999; Сулейманова 1999; Иванова 2011; Фомина 2009; Холодова 2015; Лукошус 2015; Чалей 2018]. Данные результаты, как следствие, подтверждают валидность гипотезы о различительном принципе организации языковых единиц применительно ко многим языковым группам [Сулейманова, Фомина 2010: 79]. При этом КА как исследовательский метод не самодостаточен. Он должен быть соединен с другими процедурами исследования, и прежде всего с гипотетико-дедуктивным методом [Степанов 1974; Селиверстова 2004]. Под гипотетико-дедуктивным методом, вслед за Ю.С. Степановым, мы понимаем «метод, в основе которого лежит общая познавательная процедура – специфически лингвистический путь восхождения от наблюдаемых фактов к теории и от нее снова к фактам, включающим в себя четыре этапа:

- 1) сбор фактов и их индуктивное обобщение;
- 2) выдвижение теории в виде гипотезы для их объяснения и уточнение ее в сопоставлении и частичном противопоставлении с существующими теориями;
- 3) выведение дедуктивным путем различных следствий из выдвинутой теории;
- 4) проверка теории путем сопоставления дедуктивно полученных следствий с фактами» [Степанов 1974: 118-119].

Теоретическая и практическая значимость использования в семантике эксперимента, в основе которого лежит работа с информантами – носителями языка, была обоснована еще в работах И.А. Бодуэна де Куртене [Бодуэн де Куртэне 1963], Е.Д. Поливанова [Поливанов 1968], Л.В. Щербы [Щерба 1974]. Л.В. Щерба, опираясь на идеи И.А. Бодуэна де Куртене, подчёркивал принципиальную теоретическую значимость изучения языков в синхроническом аспекте и обращал внимание на методику их исследования. Как отмечал Л.В. Щерба, многие лингвисты при изучении живых языков пользуются методами и принципами работы с мёртвыми языками, при этом, по его утверждению, получают «мёртвые словари и грамматики». Изучение живых языков (так же, как и мёртвых), изначально должно исходить из понятого языкового материала, однако построенную на нем систему нужно проверять на новых фактах. Таким образом, в языкознание вводится процедура эксперимента. И именно на основе использования эксперимента строится применяемая в работе процедура гипотетико-дедуктивного анализа.

«Наиболее эффективное применение гипотетико-дедуктивного метода достигается в тех науках, в которых он соединяется с экспериментальной методикой: именно эксперимент позволяет установить истинность и полноту полученных результатов» [Селиверстова 2004: 92]. Под экспериментом, вслед за О.Н. Селиверстовой, мы понимаем «процедуру преднамеренного воспроизведения явления в таких условиях, которые позволяют обнаружить зависимость существования явления от тех или иных параметров» [Селиверстова 2004: 93]. Важным представляется тот факт, что необходимо учитывать как внешние (характеризующие денотативную ситуацию (см. параграф 1.1.2)), так и внутренние параметры (описывающие возможность реализации некоторого означающего в соответствии с информацией, которую сообщает адресант адресату) применительно к исследуемому языковому явлению. Выявление и обоснование закономерностей зависимостей между внешними и внутренними параметрами позволяет верифицировать гипотезу о внутренних параметрах исследуемых языковых явлений при варьировании внешних. Из этого следует, что

воспроизводимость эксперимента и полученных путем эксперимента следствий указывает на существование определенных закономерностей (системы) функционирования исследуемых языковых явлений и выступает обязательным условием проведения эксперимента, поскольку именно описание значения языкового знака позволяет выявить частные закономерности, которые сообщают определенные «условия воспроизведения (повторяемости) языковой единицы и предсказывают ту информацию, которая обязательно будет сообщена о денотате через означающее данной языковой единицы» [Селиверстова 2004: 93-94] (см. подробнее параграф 1.2). Таким образом, допустимость потенциального воспроизведения языковой единицы указывает на существование определённых закономерностей (системы) функционирования исследуемого языкового явления и составляет теоретическую основу для применения эксперимента в семантическом исследовании.

При этом, иерархичность выделения признаков позволяет получить исчерпывающие описания признаков исследуемой языковой единицы. Например, если мы предположим, что глагол *shudder* вносит **информацию о физиологической реакции**, и попробуем применить контексты, в которых наблюдается этот признак, и напротив, контексты, в которых этот признак не реализуется (ср: *A million hearts will **shudder with the smile** / И миллионы сердец **засияют улыбками***), тогда как в следующем примере, несмотря на идентичность коллокации *shudder with*, информации о физиологической реакции на чувства не наблюдается: *Fapa pushes a red button, causing a jet engine to **shudder with a high-pitched whir** / Нажатием красной кнопки папа заставляет реактивный двигатель **дрожать из-за шума высоких тонов***. Или пример, когда при регистрации физиологической реакции на чувства (например, в предложении *His silver whiskers **quiver with anticipation***) субъектом действия является неодушевленное лицо. В семантическом эксперименте инструментом воспроизведения исследуемого языкового явления является носитель языка (информант). Функция информанта заключается в оценке употребимости (адекватности) / неупотребимости воспроизводимого языкового явления (например,

использование исследуемой языковой единицы в определенном контексте является приемлемым или нет). Так, оценивая предложение *I shudder to type the words*, информанты определили его как приемлемое, тогда как предложение **I shake to type the words* – грамматически и лексически некорректным.

Оценка «валидности» самого информанта обусловлена требованиями, предъявляемыми к информантам (носитель языка, неполное высшее / высшее гуманитарное образование, способность осознанно относиться к своей речевой деятельности), при этом «в качестве неизвестного в лингвистическом эксперименте обычно выступает только значение языковых единиц» [Селиверстова 2004: 95]. Количественное соотношение информантов для получения валидных данных фиксируется лингвистами различно: 12-14 информантов [Селиверстова 1975; 1976]; 5-8 информантов, что обосновано применением теории вероятности и диапазоном репрезентативной выборки не менее 25-40 наблюдений [Сулейманова 1985]; использование «коллективного» информанта в форме источников «больших данных» [Сулейманова, Демченко 2018; Петрова 2019; Suleimanova, Petrova 2020]. В нашем случае мы опираемся на триангуляционный подход при верификации данных: во-первых, привлечение носителей исследуемого языка, количество которых мотивировано условиями применения теории вероятности (см. подробнее Приложение 1); во-вторых, вовлечение всего мирового объема данных *Big Data* как коллективного информанта с последующей количественной обработкой языковых данных.

Процедура проведения семантического эксперимента многоэтапна. Во-первых, следует первоначально собрать достаточно обширную базу данных – примеры высказываний, в которых используются исследуемые семантические единицы: эмпирическая база настоящего исследования формировалась на основе примеров употребления исследуемой синтаксической единицы из аутентичных источников: корпуса текстов, данные поисковых сетевых технологий *Big Data* или *Search engines* (см. подробнее параграф 2.2). Таким образом, на первом этапе исследования первичная выборка с исследуемой синтаксической структурой *X shudders to V* насчитывала 1000 единиц. Далее необходимо осуществить

критический анализ словарных дефиниций семантически сходных языковых единиц: «были рассмотрены актуальные определения семантики исследуемой группы глаголов типа *shudder* в лексикографических источниках. Например, в проанализированных словарных статьях при описании глаголов типа *shudder* были выявлены совпадающие определения: в частности, глагол *shudder* определяется через глагол *tremble*; глагол *tremble* – через глагол *shake*; глагол *shake* – через глагол *tremble*; глагол *quiver* – через глаголы *shake u tremble*, аналогично глаголам *shiver*, *quake* и *nodder*. Следовательно, компонентный анализ на основе лексикографических сочетаний группы глаголов типа *shudder* показал, что, несмотря на наличие актуальных лексикографических описаний, не представляется возможным выявить однозначно признаки, разграничивающие значения рассматриваемых глаголов» [Демченко: 111-112].

Во-вторых, исследователь классифицирует языковой материал, выделяя предположительно интегральные и дифференциальные признаки исследуемых единиц. Далее проводится дистрибутивный анализ синтаксической конструкции: исследуется правая и левая сочетаемость предиката и иные элементы контекстного окружения. «Данные дистрибутивного анализа позволили выдвинуть гипотезу о значении исследуемой синтаксической модели *X shudders to V*, которая предположительно вносит информацию о психофизиологическом состоянии субъекта, (проявляющемся в телесной манифестации) (*shudder*), сопровождающем когнитивную деятельность (*to think*) / физическое восприятие (*to look at*) / (редко) конкретное физическое действие (*to write*) на некоторое внешнее событие *P*» [Сулейманова, Демченко 2018: 471].

В-третьих, с целью проверки гипотезы и проведения эксперимента необходимо сформировать выборку примеров для предоставления информанту (носителю исследуемого языка), с тем чтобы впоследствии, на основании полученных оценок информанта, *верифицировать гипотезу*: исследователь классифицирует языковой материал, выделяя интегральные и дифференциальные признаки исследуемых единиц для формирования экспериментальной выборки, которая предоставляется информанту-носителю языка для оценки употребимости

(адекватности) / неупотребимости высказываний для верификации первичной гипотезы (см. Рисунок 1 и Приложение 1, 2).

Linguistic experiment

Dear friends,
 Would you help me with my research into the difference in the meanings of the verbs *shudder, tremble, shiver, quiver, shake, quake, dodder* to follow?
 I kindly ask you to grade the sentences to follow according to the given scale.
 Any comments will be appreciated (see comments).
 Thank you.

Your age 37
 Your sex FEMALE
 Education DEGREE LEVEL (BA)

	Examples	Grade				Comments
		Acceptable, preferred/Most frequent No mark	Acceptable, not preferred/Frequent +	Marginally acceptable, not preferred /Infrequent ?	Unacceptable, not preferred/Rare, not occurring *	
1	I <i>shudder</i> to think what kind of life I should have had with him					
	I <i>tremble</i> to think what kind of life I should have had with him		+			
	I <i>shiver</i> to think what kind of life I should have had with him		+			
	I <i>quiver</i> to think what kind of life I should have had with him			?		Quiver suggests excited anticipation to do it, the other could have been good also, should check.
	I <i>shake</i> to think what kind of life I should have had with him			?		
	I <i>quake</i> to think what kind of life I should have had with him			?		
	I <i>dodder</i> to think what kind of life I should have had with him				*	Dodder / Doddering refers to wobbly, feeble in mind and/or body, rather than an indication of a personal emotion.

Рисунок 1 – Семантический эксперимент (группа глаголов *shudder*)

Верификация заключается в варьировании семантически близких элементов в рамках идентичного высказывания (в представленной анкете было предложено три варианта высказываний, которые в свою очередь сформировали семь высказываний с глаголами *shudder, shiver, shake, quiver, quake* и *dodder*). Носители языка анализируют указанные высказывания с точки зрения «так говорят или нет» и вносят свои комментарии. Данная процедура имеет большое значение для последующего формирования адекватного толкования исследуемых языковых единиц. Например, в результате подстановки семантически близких глаголов было выявлено, что структура *shudder to* (редко *tremble to*) + глагол когнитивной деятельности вносит информацию о когнитивной деятельности субъекта, выраженной в виде телесной манифестации: *I shudder to think what kind of life I should have had with him*; структура *shudder to, tremble to* + глагол физического восприятия вносит информацию о психофизиологической реакции, которая проявляется в виде телесной манифестации: *would I shudder to hear a grave*

proposal marriage ward In alto or soprano; структура **tremble to**+ глагол физического действия вносит информацию о физиологической реакции, которая проявляется в виде телесной манифестации: *I tremble to type the words*. Другие семантически близкие глаголы (*shiver to, quiver to, shake to, quake to, dodder to*) не заполняют данную синтаксическую конструкцию.

В-четвертых, по мнению Л.В. Щербы, «необходимо осуществить анализ результатов эксперимента (разделение языкового материала на маркированный и немаркированный). Получение маркированного, или «отрицательного» языкового материала (предложения, которые оценены как неправильные) указывает или на неверность выдвигаемой гипотезы, или на необходимость каких-либо ограничений» [Щерба 2004: 31-32]. На базе неприемлемых высказываний вновь выстраивается *гипотеза*. Ср., например, неправильные высказывания: **The bank is believed to have relaxed its **opinion** as a result of talks with the consortium's board*; **The bank is believed to have relaxed its **view** as a result of talks with the consortium's board*, отмеченные информантами как стилистически неверные, и построенный новый эксперимент позволил более точно выявить признаки, разграничивающие исследуемые автором прилагательные и категоризировать исследуемые языковые явления (излагается на основе ВКР А.А. Лазутиной *Анализ семантики многозначных существительных типа view, position, stance на основе корпусных данных*, работа защищена в 2019 году).

Методика работы доказала свою эффективность и надежность [Селиверстова 1975; 1976; 1988; Сулейманова 1987; 1999; Фрумкина 1979; Hawkins 1978; Vendix 1972; Labov 1966; Лич 1983]. С применением эксперимента выполняются многочисленные исследования (см., например: [Апресян 1995; Падучева 1996; Шатуновский 1996; Усонене 1983; Bolinger 1973; Hawkins 1978; Трухановская 2009; Фомина 2009; Иванова 2011; Евтеева 2014; Елисеева 2015; Холодова 2015; Чаплин 2020 и др.]).

О.Н. Селиверстова отмечает, что семантическое описание предсказывает, какие свойства и характеристики должны быть предписаны объекту для того, чтобы его можно было сделать денотатом описываемой языковой единицы. При

этом автор полагает, что зависимость между значением и его реализацией в речи носит абсолютный характер: «При анализе результатов заключительного эксперимента – если все предложения, которые были сконструированы как потенциально употребимые, получают положительную оценку информанта и, наоборот, все предложения, построенные в соответствии с выдвинутой гипотезой, отмечаются как неупотребимые, действительно получают отрицательную оценку в результате эксперимента, гипотеза считается верной и дифференциальный семантический компонент признается истинным и подлежит отражению в толковании исследуемых лексических единиц» [Белайчук 2004: 158-176].

Таким образом, в сущности, экспериментальный подход есть синтез метода компонентного анализа, гипотетико-дедуктивного метода на основе экспериментальной методики [Там же: 158-176].

2.1.3. Эксперимент в лингвистических исследованиях

Рассмотрим виды экспериментов применительно к лингвистике. Экспериментальные подходы могут различаться целями, задачами, методикой и методологией (в частности, все еще остается актуальным вопрос о качественно-количественном составе информантов эксперимента: *индивидуальный, межгрупповой многоуровневый, многофакторный*). Кроме описанного выше семантического эксперимента можно выделить психолингвистический (ассоциативный) и эксперимент в лингвистической типологии (полевой эксперимент).

Цель психолингвистического эксперимента состоит в изучении образов языкового сознания. Данный вид эксперимента основан на методе свободных ассоциаций и позволяет выявить системность содержания образа сознания, стоящего за словом (отбираются варьируемые социальные параметры) в разных культурах. Иными словами, эксперимент позволяет построить ряд гипотез, которые помогают выявить, что лежит в основе интеллектуальных процессов

мышления, т.е. «ту совокупность компонентов сознания, которая детерминирует данную культуру» [Карданова 2009: 43] (см. подробнее Таблицу 1).

Таблица 1 – Ассоциативный эксперимент на примере исследования В.В. Медведева «Особенности формирования устойчивых когнитивных структур в языковом сознании искусственного билингва (на материале слов широкой семантики типа *expose* и *deliver*)»

Курс: 1

Возраст: 17-19

Количество респондентов: 29

Expose

Первая ассоциация	Вторая ассоциация	Третья ассоциация
Sun (7)	Problem (3)	Treat
Reveal (3)	Violence (2)	Impact
Bomb (2)	Danger (2)	Exhibit
Influence (2)	Sun (2)	Lie
Dangerous	Shed light on (2)	Imperil
Обличать	Someone	Violence
Society	Show up	Death
Crime	Fire	True sight
People	Villain	Disadvantages
Threat	Ankle	Accident
Yourself	Knees	Explosion
Red	Volcano	Reveal
Mask	Bomb	Anxiety
Fire	Secret	Influence
Position	Rule	Sun
Cause	Exhibition	Snow
To be effected	Reason	Vulnerability
Defective	To be influenced	To defraud
Exposure	To be under control	Light
	Raw	Shame
	Public	Radiation
	Light	*Пропуск* (6)

Следовательно, эксперимент, во-первых, ориентирован на «исследование спонтанной реакции на предъявляемый стимул» [Сулейманова, Фомина, Тивьяева 2020: 107]; во-вторых, цель эксперимента предполагает опрос значительного числа информантов.

Целью полевого эксперимента является, во-первых, создание словаря; во-вторых – написание грамматики изучаемого языка; в-третьих – составление глоссированного сборника текстов с переводом. Особенность эксперимента заключается в том, что полевое исследование состоит в первую очередь из работы с носителями изучаемого языка, а не с существующими текстами или грамматиками. Более того, изучаемый язык обычно изначально неизвестен исследователю или, по крайней мере, не является его родным языком [Кибрик 2001: 39]. Как правило, язык исследования является малоизученным, часто не имеет даже письменности, соответственно, его словообразовательная и грамматическая система не зафиксированы. Эксперимент основан на анализе спонтанной речи, задачей информантов является, например, продуцирование текста по картинке (см. Рисунок 2), или при составлении лексикографического описания языка – название слова для предъявленных объектов.

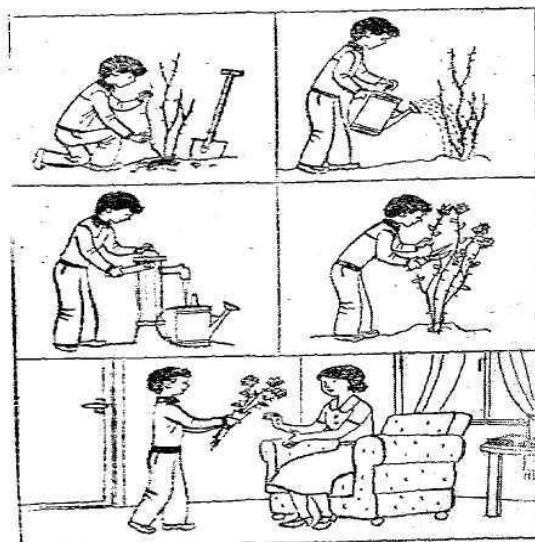

Рисунок 2 – Полевой эксперимент

Задача семантического эксперимента заключается в семантическом анализе языкового материала с опорой на языковую интуицию исследователя, что предполагает критический (не спонтанный) анализ представленного материала

информантом – соответственно, и требования к информантам при проведении семантического эксперимента иные, по сравнению с другими видами экспериментов (см. подробнее параграф 2.1.2.).

Следовательно, в зависимости от целей, задач и познавательной установки исследования методология лингвистических экспериментов может быть различной [Сулейманова, Фомина, Тивьяева 2020].

2.2. Алгоритм поиска эмпирического материала: экспериментальные и поисковые сетевые технологии (Search Engine и Research Engine)

Экспериментальная методика в современных семантических и лексикографических исследованиях предполагает как наличие информанта, так и применение сетевых поисковых технологий *Big Data* (поисковых систем Google / Yandex и др.), выступающих «коллективным информантом» в семантическом исследовании. Сочетаемость исследуется в зависимости от объекта исследования на материале Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) или Британского национального корпуса BNC (далее – BNC) и др., а также поисковых систем Google / Yandex. Выбор релевантной поисковой системы определяется непосредственно языком материала исследования (английский / немецкий / русский). Поисковая система Yandex обрабатывает поисковые запросы преимущественно носителей русского языка. Поисковая система Google является международной и обрабатывает поисковые запросы в зависимости от языка запроса. Поисковые запросы, таким образом, формируют базу *Big Data*. Под *Big Data* в настоящем исследовании мы понимаем *большие данные*, которые определяются как технологические возможности для анализа массивов данных посредством использования всего мирового объёма данных. Как правило, когда говорят о термине *большие данные*, используют наиболее популярную характеристику четырех «V», что означает *volume* – объем данных, *velocity* –

необходимость обрабатывать информацию с большой скоростью, *variety* – многообразие и часто недостаточная структурированность данных и *veracity* – качество и происхождение полученной информации [Медетов 2016]. Действительно, поисковые системы (англ. Search Engine) – цифровые сетевые технологии *Big Data* – высокотехнологичны и являются многофункциональным инструментом. «Поисковая система – это программно-аппаратный комплекс с веб-интерфейсом, предоставляющий возможность поиска информации в Интернете» [dic.academic: http]. На сегодняшний момент основными системами информационного поиска являются представители традиционных подходов к поиску по ключевым словам (Google, Yandex, Yahoo и т.д.).

Следует отметить, что поисковые системы не только служат эффективным информационным инструментарием, но также показывают свою эффективность для экспериментальной верификации результатов исследования (Research Engine) [Sha 20104; Wiley 2019; Сулейманова, Демченко, 2018; Петрова 2019; Leung 2019; Suleimanova, Petrova 2020]. Таким образом, цифровые сетевые технологии можно разделить, согласно их функциям, на поисковый (информационный) инструментарий (Search Engine) и исследовательский инструментарий (Research Engine) – анализ текста, лингвистический эксперимент [Suleimanova, Vodyanitskaya, Yaremenko, Fomina 2020: 349-352].

В качестве исследовательского инструментария поисковые системы наряду с корпусами текстов и лексикографическими изданиями используются в качестве источника лингвистических данных. Следовательно, верификация эмпирических данных осуществляется триангуляционно. Таким образом, исследовательская процедура включала несколько шагов, рассмотрим ее алгоритм.

В настоящем исследовании первичная гипотеза о разграничении значений лексем *shudder* и *shudder to* (возможности / невозможности заполнения ими в модели X *shudders to V*) строится исходя из первичной информации о составляющих их дифференциальных признаках. Далее, следовательно, результаты первичной процедуры анализа эмпирического материала и компонентного анализа (см. Подробнее параграф 2.1.1.), требуют последующей верификации и установления

качественных характеристик исследуемых единиц. Поэтому, при реализации гипотетико-дедуктивного метода, эксперимента, для выявления закономерностей зависимостей между исследуемыми языковыми единицами (в семантическом эксперименте «инструментом» воспроизведения исследуемого языкового явления является носитель языка (см. Подробнее параграф 2.1.2)), количественно-качественные характеристики могут быть получены далее с помощью поисковых сетевых технологий Big Data. Рассмотрим пошаговый алгоритм обработки полученных данных:

Шаг 1. При поиске в корпусах текстов BNC, COCA и др., поисковых системах Yandex / Google, web-приложении Google Trends задаются параметры поиска исследуемых лексических единиц или синтаксических конструкций, а именно: общее количество словоупотреблений лексемы *shudder to* в корпусах текстов BNC / COCA составило 20 / 114 единиц (дата обращения: 18.02.2018). Общее количество словоупотреблений лексемы *shudder to* в поисковой системе Google составило 13 200 000 единиц (дата обращения: 18.02.2018). При статистическом анализе данных для исключения погрешностей, связанных с откликами носителей / неносителей языка и определением достоверности результатов, предоставляемых поисковой системой, используется публичное web-приложение Google Trends корпорации Google. Сервис Google Trends позволяет определить, как часто определенную единицу ищут по отношению к общему объему поисковых запросов в различных регионах мира и на различных языках. Google Trends позволяет сравнивать популярность поисковых запросов на разных языках практически в реальном времени, поэтому представляется, что данные этого сервиса отражают реальную картину естественного языка исходя из заданных параметров (см. Рисунок 3).

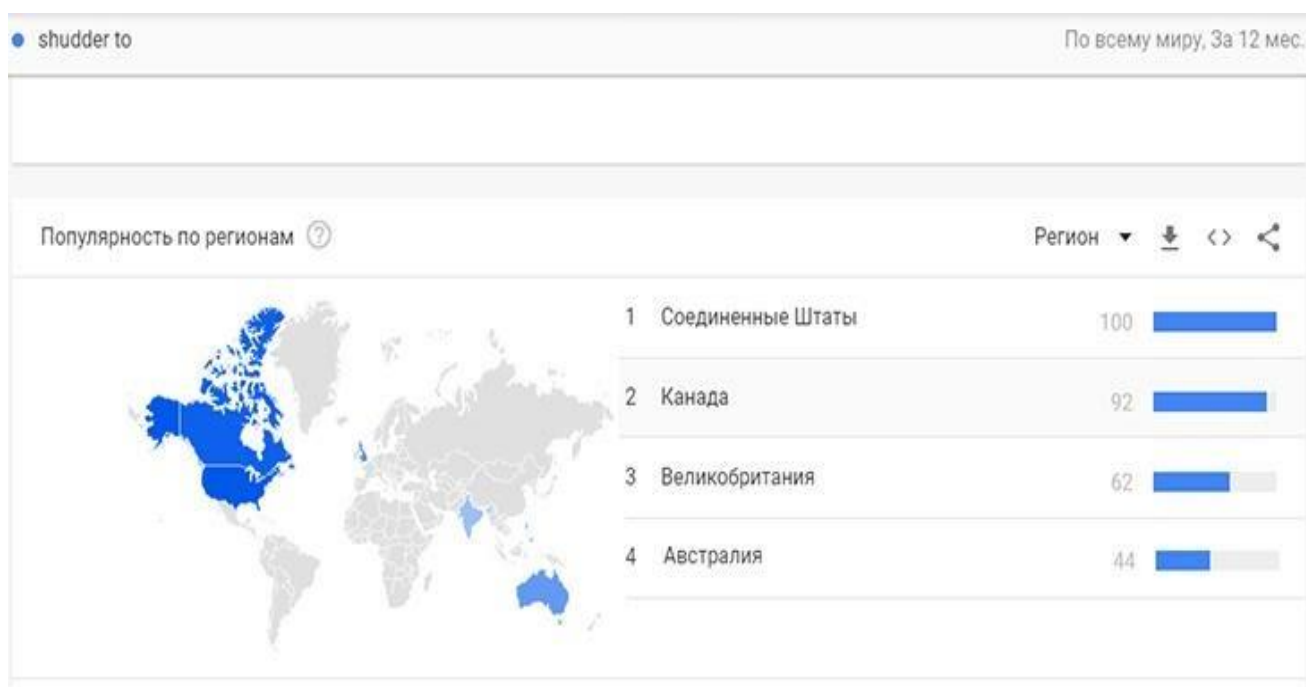

Рисунок 3 – Результаты запроса лексемы *shudder to*
(web-приложение Google Trends; дата обращения: февраль 2018)

Для лингвистического исследования особенно важно территориальное распределение исследуемых языковых явлений, то есть отклики информантов-носителей, а не информантов-неносителей английского языка.

На Рисунке 3 видно, что по территориальному признаку отклики запроса на лексему *shudder to* валидны и позволяют учитывать количественные данные, представленные поисковой системой Google. Тем не менее для интерпретации полученных данных задачей лингвиста становится не только выявление произвольных количественных характеристик исследуемого материала, но и установление достоверности полученных результатов посредством определенных статистических приемов (см. подробнее параграф 2.3). Сложность в интерпретации количественных результатов возникает, когда частеречная принадлежность не очевидна, как, например, в случае с конверсивами *shudder* (см. главу III) или в связи со сложностью разграничения синтаксических конструкций, в которых исследуемая единица используется в разных значениях [Сулейманова 1999; Левицкий 2007]. Так, в предложении *I shudder to a halt* (*Я замер на месте*) формально глагол *shudder* используется во втором значении, тогда как

фактически в структуре отображается инфинитив последующего действия и глагол *shudder* используется в первом значении.

Шаг 2. «Вводимые для поиска лексемы должны строго соответствовать лексико-семантическим вариантам (ЛСВ), т.е. значениям в рамках исследуемой семантической структуры, и должны быть закавычены, в противном случае глобальная сеть предоставляет не только искомое сочетание, но все доступные на момент отклика коллокации. Например, в поисковую систему задаются параметры поиска глаголов, точно отражающие их ЛСВ: *shudder* и *shudder to*» [Сулейманова, Демченко 2018: 469]. Как отмечает И.М. Петрова, поисковые системы сети Интернет функционируют на основе компьютерной семантики по строго регламентированным алгоритмам поиска и выдачи информации, существуют регламентированные сочетания символов (операторов), которые позволяют варьировать условия поиска запроса [Петрова 2019: 131-132]. Например, оператор «» фиксирует соположение запрашиваемых языковых единиц, и результат поиска выдает искомые сочетания именно в запрашиваемой последовательности (соположении): *I shudder to think*; иными словами, система исключает сочетания с иными формами написания, иным порядком слов и т.д., тогда как отсутствие оператора «» в поисковом запросе выдавало бы любое из возможных соположений исследуемых единиц в пределах всего предложения, причем не обязательно в форме данной синтаксической структуры, и, безусловно, влияло бы на валидность количественных данных. Следовательно, «комбинирование операторов позволяет максимально гибко настроить поиск» [Петрова 2019: 132]. Действительно, в таком случае на запрос откликаются именно те высказывания, в которых содержится исследуемая синтаксическая структура. Оператор * позволяет осуществлять поиск пропущенных словоформ из устоявшихся выражений, строк музыкальных и художественных произведений, цитат (см. Рисунок 4).

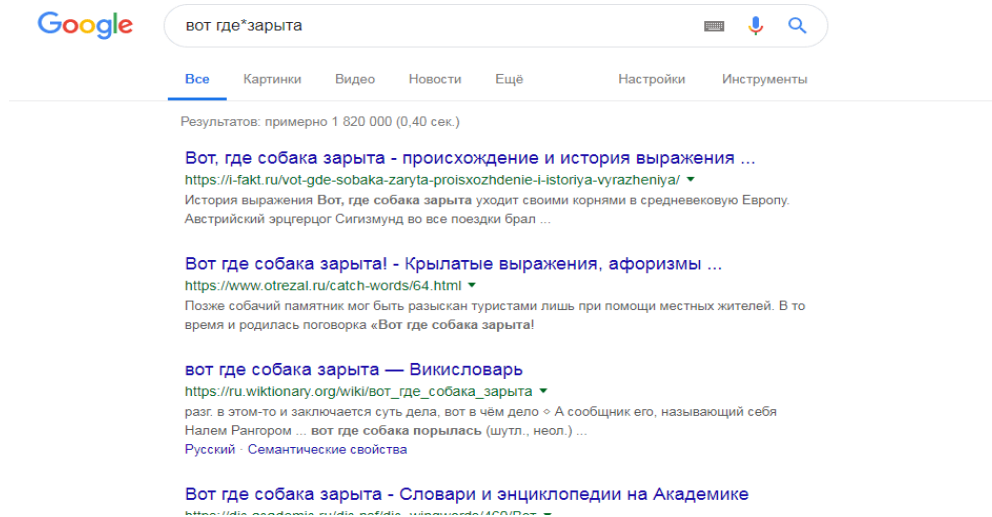

Рисунок 4 – Пример запроса и отклика на него в поисковой системе Google

Или, например, запрос **содрог** позволяет осуществлять поиск потенциальных лексем во всех формах спряжения и залога (*содрогаться* – *содрогаться*, *содрогаюсь*, *содрогаемся*, *содрогаешься*, *содрогаетесь*, *содрогается*, *содрогаются*, *содрогаясь*, *содрогался*, *содрогалась*, *содрогалось*, *содрогались*, *содрогайся*, *содрогайтесь*, *содрогаящийся*, *содрогаящаяся*, *содрогаящееся*, *содрогаящиеся* (рис.3)).

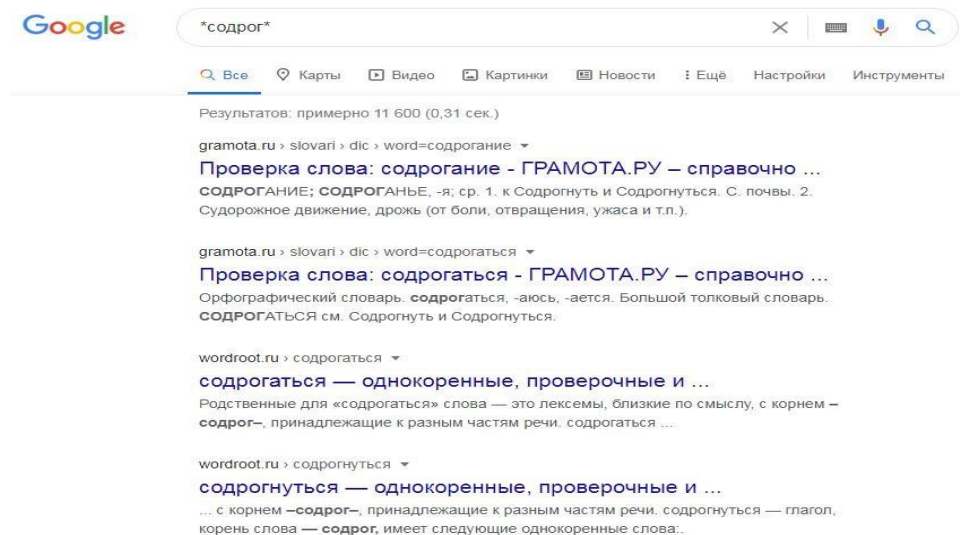

Рисунок 5 – Пример поискового запроса с использованием оператора *

Оператор *filetype* позволяет осуществлять поиск не html (веб-страницы), а документа в конкретном формате (pdf, doc, rtf и т.д.), используя формулу «filetype:» с указанием искомого формата. Например, «shudders to» filetype: TXT,

RTF, DOC, DOCX, PDF. В этом случае на запрос откликается конкретная словоформа в конкретном заданном формате (см. Рисунок 6).

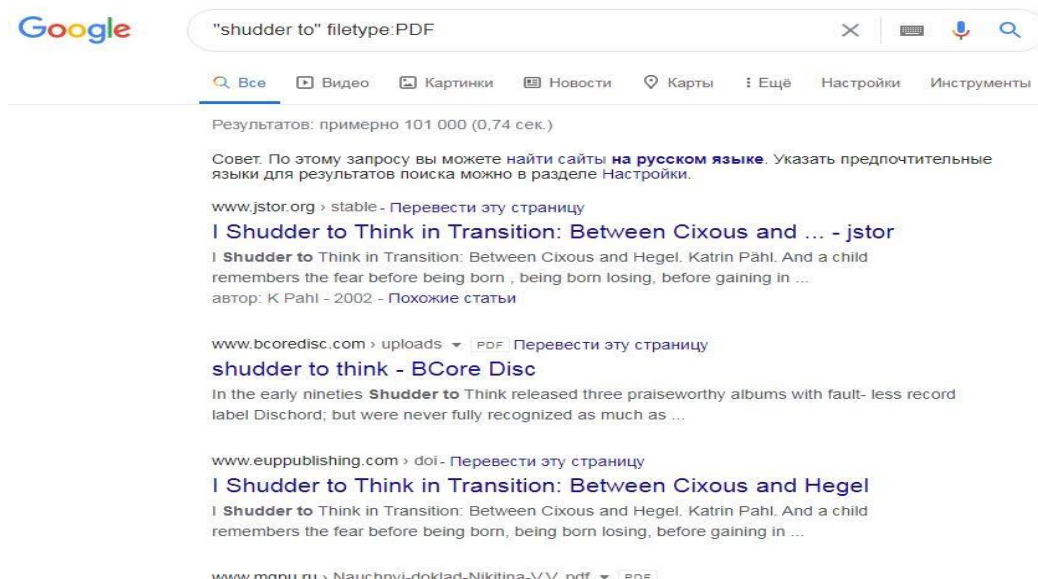

Рисунок 6 – Пример поискового запроса с использованием оператора *filetype*

Таким образом, использование больших массивов данных наряду с общепринятыми лингвистическими методиками позволяет лингвистическим исследованиям опираться на высокотехнологичные методы исследования и показывать высокий верификационный потенциал.

2.3. Апробация методов математической статистики в лингвокогнитивном исследовании

Как отмечалось выше, описание значения языкового знака позволяет выявить закономерности, которые определяют условия воспроизведения (повторяемости) языковой единицы и предсказывают ту информацию, которая обязательно будет сообщена о денотате через означающее данной языковой единицы. Свойство данных законов заключается в том, что они устанавливают качественные, а не количественные зависимости, а именно: они устанавливают либо возможность появления языковой единицы в зависимости от тех или иных

характеристик контекста или денотативной ситуации (внешние зависимости), либо возможность появления некоторого означающего в зависимости от той информации, которую передает адресант адресату (внутренняя зависимость) [Селиверстова 2004: 93-94].

Вместе с тем общеизвестно, что язык обладает, наряду с количественными, качественными характеристиками и различные свойства языка могут изучаться различными методами. При этом интеграция качественной категоризации языковых фактов и количественной категоризации языковых фактов первостепенна и является определяющей при анализе каких-либо свойств языка (то есть получение и обработка количественных данных исследования предполагает качественную интерпретацию полученных данных) [Левицкий 2007: 16], поскольку задача любого лингвистического исследования – полно и объективно описать содержательную часть языка посредством научного аппарата, обладающего высокой доказательной базой.

Становится очевидным, что корпусная лингвистика, располагающая количественными фактами, позволяет выявить определенные закономерности эмпирическим путем, и когнитивная лингвистика, которая применяет семантический анализ, в совокупности обладают высоким доказательным потенциалом [Паршин 1996: 35]. Представляется значимым отметить, что наряду с корпусной лингвистикой обширными количественными фактами располагает и цифровая лингвистика (большие массивы данных).

Историю зарождения количественной лингвистики относят к II в. н. э. В настоящее время с помощью квантитативных методов исследуются все уровни языка и речи. П. Гиро, К. Бест выделяют ряд лингвистических направлений, где статистические методы исследования наиболее эффективны:

- исследования фонетического строя языка;
- психолингвистические исследования, где применяется квантитативный анализ полученных данных (ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал Ч. Осгуда) [Левицкий, Стернин 1989];

- анализ данных частоты встречаемости слов в тексте, лексический состав языка [Фрумкина 1979];
- стилистический анализ [Гринберг 1963];
- типологическое исследование языков [Маслов 1948];
- исследование семантики языка – парадигматических и синтагматических отношений в лексике, синонимии, полисемии [Левицкий 1989; Сулейманова 1999] и т.д.;
- в переводоведении, при сопоставлении двух языков в переводе.

Преимуществом анализа количественных параметров, или лингвостатистического эксперимента, является – наряду с возможностью извлечения языковых фактов – их комплексная обработка. При проведении лингвостатистического эксперимента необходимо выделять *генеральную совокупность*, под которой, вслед за В.В. Левицким, мы понимаем все качественные и количественные признаки исследуемого объекта [Левицкий 2007: 33], и *репрезентативную выборку* (которая максимально объективно соответствовала бы свойствам объекта исследования). Ввиду того что материалом лингвостатистических исследований являются массивы текстов, словарей, под генеральной совокупностью понимают все тексты на изучаемом языке или весь словарный состав исследуемого языка [Там же: 33], и задача исследователя состоит в том, чтобы выделить репрезентативную выборку исследуемого языкового явления.

Например, вычленение грамматических категорий построено прежде всего на формальных принципах (ср. *shudder / shudder to*), поскольку категоризация языкового явления происходит на лексико-синтаксическом уровне, где при разграничении тех или иных языковых единиц учитываются семантические признаки. Следовательно, соотношение качественного и количественного анализа определяют в зависимости от материалов, задач и ожидаемых результатов исследования.

Как отмечалось выше, внедрение цифровых технологий в экспериментальное лингвистическое исследование показывает свою

эффективность и значительно расширяет эмпирическую базу семантического исследования. Тем не менее представляется значимым охарактеризовать положение дел, которое непременно имеет место при использовании больших объёмов данных (Big Data), применяемых как в качестве поискового инструмента (Search Engine), так и в качестве исследовательского инструментария (Research Engine). Например, при изучении лексических особенностей языковой единицы в составе словосочетаний или синтаксических конструкций исследователь, формируя поисковые запросы, фиксирует качественные данные посредством количественных. При этом следствия, выводимые из качественно-количественных данных, непосредственно влияют на результаты исследования. Указанное положение вещей представляется логичным определить как *подвижность количественных данных*, под которой в данном исследовании понимается количественная вариация данных запросов, которые предоставляют поисковые системы. Из данных поисковой системы Google следует, что при запросе идентичного словосочетания *вздрагивать от страха* (14.08.2019 и 15.08.2019) поисковая система предоставляет различные количественные данные – 17800 и 18500 откликов соответственно (см. Рисунки 7, 8).

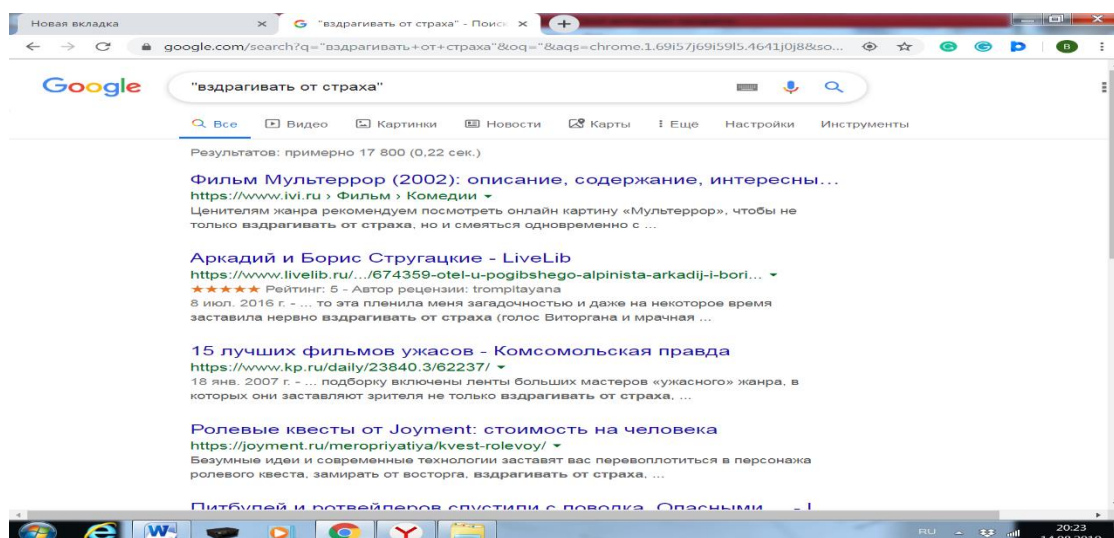

Рисунок 7 – Поисковый запрос словосочетания *вздрагивать от страха* (14.08.2019)

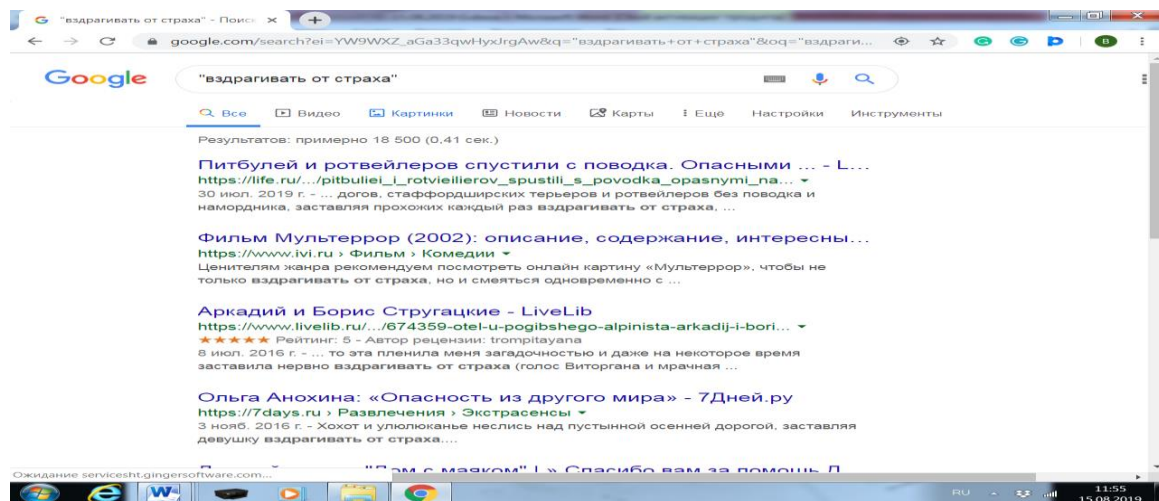

Рисунок 8 – Поисковый запрос словосочетания *вздрагивать от страха* (15.08.2019)

Несмотря на тот факт, что количественные данные, которые предоставляют поисковые системы, подвижны, системный мониторинг и фиксация этих данных позволяют установить их валидность. *Применение методов математической статистики, фиксация количественных данных и даты обращения к поисковым системам позволили выявить, что предоставляемые данные подвижны в пределах статистической погрешности.*

В связи с выявлением свойства подвижности количественных данных для определения валидности / невалидности представляемых данных был проведен системный количественный мониторинг откликов поисковой системы (экспериментальное исследование) на примере коллокации глаголов *содрогаться*, *дрожать* и *вздрагивать от* с обозначениями базовых эмоций, поскольку предварительный корпусный анализ показал частотную сочетаемость данной группы глаголов с обозначениями базовых эмоций.

Так, «в поисковые базы данных Yandex и Google, с временными интервалом в 15 месяцев, 1 неделя и в течение нескольких дней подряд задавались заковыченные синтаксические структуры *содрогаться / дрожать / вздрагивать от отвращения, страха, злости, нежности, стыда, радости, удивления* и др., с последующей фиксацией количественных данных» [Никитина 2020а: 853-854] (см. Таблицу 2). Из представленных в таблице данных видно, что они

нестабильны. Это обусловлено различными объективными и субъективными обстоятельствами (открытие / блокирование интернет-ресурсов на разных уровнях, блокировка доменов, хостингов и т.д.).

Таблица 2 – Количественные данные откликов на поисковые запросы

Таблица 1	Yandex	отвращения	страха	злости	нежности	Стыда	Радости	Удивления
01.05.2018	Содрагаться от	2000	308	10	4	2	Нет совпадений	
08.08.2019		1000	238	8	4	1		
14.08.2019		1000	390	8	1	3		
17.08.2019				9	2	2		
		2000	449					
18.08.2019		1000	518	8	1	2		
02.11.2019		1000	505	9	7	65		
03.11.2019		710	343	9	1	4		
05.11.2019		2000	449	9	7	5		
06.11.2019		1000	518	8	1	2		

При группировке данных о частоте встречаемости синтаксической конструкции, то есть нахождения *относительной частоты (f)* наблюдаемая частота признака или единицы, *абсолютная частота (n)*, делится на общее число наблюдений исследуемого явления [Левицкий 2007: 79]. Иными словами, необходимо опираться не на наблюдаемые данные, а на относительные. «Так, при абсолютной частоте глагольного сочетания *содрогаться от отвращения* ($f = 2000$), выявленной поисковой системой Yandex на май 2018 (см. Таблицу 3), при общем числе откликов заполнения синтаксической конструкции, равном 2324 откликам ($n=2324$), математический расчет эмпирических данных показал, что относительная частота коллокации *содрогаться от отвращения* равна 0,86:

$$\frac{2000}{2324} = 0,86.$$

Для получения процентной частоты необходимо относительную величину умножить на 100% ($0,86 * 100\% = 86\%$). Таким образом, эмпирическая вероятность заполнения конструкции *содрогаться от отвращения* равна 86%. В статистических исследованиях наибольшей доказательной базой обладают вероятности 95%, 99% (в статистике они называются *доверительными вероятностями*, которым соответствуют уровни значимости (величина, получаемая путем вычитания из 100% вероятности)). Следовательно, вероятности $p=86\%$ соответствует уровень значимости $P=14\%$. В лингвостатистике критерий

«уровень значимости» показывает достоверность полученных эмпирическим путем результатов и процент случаев, в которых возможна ошибка. Однако при исследовании дистрибуции семантически близких конструкций доверительные вероятности не могут сводиться к цифрам 95%, 99%, поскольку дистрибуция лексической или синтаксической языковой единицы, как правило, не моносемантична. Эмпирический материал показывает, что, как правило, доверительные вероятности ниже 10% рассматриваются как объективный шум *Big Data* и не учитываются при анализе [Никитина 2020а: 854].

«Статистический анализ конструкций *содрогаться от* с существительными, обозначающими эмоции, позволил выявить следующие закономерности. Поисковая система Yandex фиксирует две доминантные коллокации, выражающие негативные эмоции *содрогаться от отвращения* и *страха* с доверительными вероятностями 71% и 26% соответственно» [Там же: 854] (см. Рисунок 9).

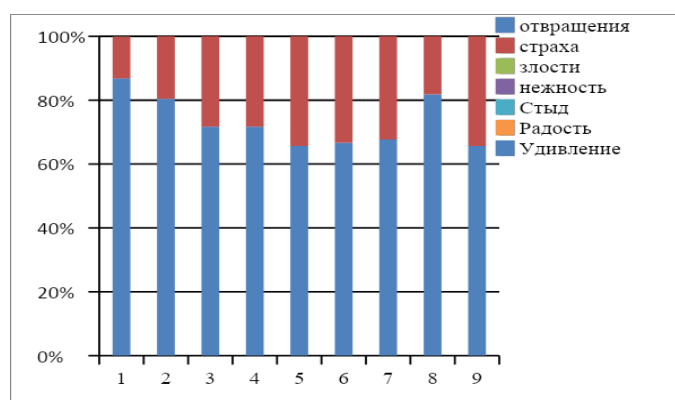

Рисунок 9 – Качественные данные откликов на поисковые запросы Yandex

Термин коллокация в настоящем исследовании рассматривается в широком смысле. При данном подходе к определению состава коллокаций соотносят все лексические единицы, которые имеют тенденцию к совместной сочетаемости в одних и тех же контекстах. Эта концепция была предложена английским лингвистом Дж. Р. Ферсом в 1950-х гг. основная функциональная роль коллокаций – обеспечение связности текста. «Поисковая система Google также выделяет две доминантные коллокации, которые выражают негативные эмоции

содрогаться от отвращения и страха с доверительными вероятностями 17% и 48% соответственно» [Там же: 854] (см. Рисунок 10).

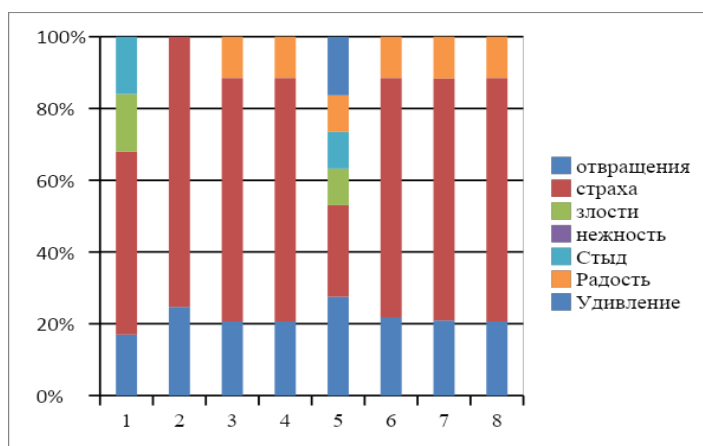

Рисунок 10 – Качественные данные откликов на поисковые запросы Google

«Статистический анализ конструкций *вздрагивать от* показал, что поисковая система Yandex фиксирует также только две доминантные коллокации, выражающие негативные эмоции *вздрагивать от отвращения* и *страха* с доверительными вероятностями 70% и 25% соответственно» [Там же: 855] (см. Рисунок 11).

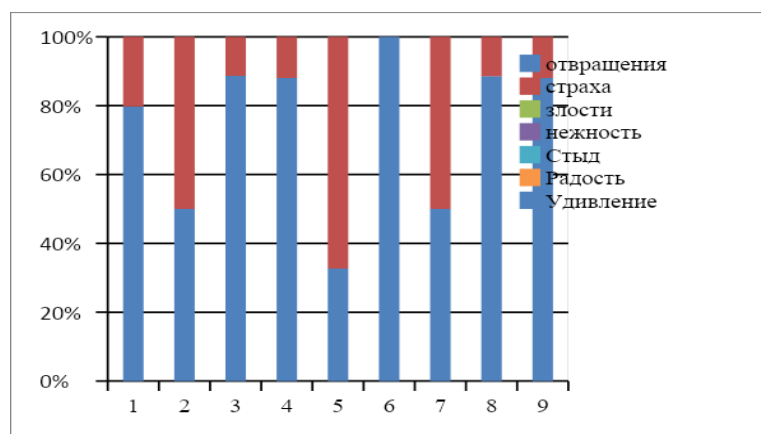

Рисунок 11 – Качественные данные откликов на поисковые запросы Yandex

«Однако поисковая система Google фиксирует только одну доминантную коллокацию, выражающую негативные эмоции – *вздрагивать от страха* (с доверительной вероятностью 36%), и выделяются еще две доминантные коллокации с существительными *радость* и *нежность*, выражающими

положительные эмоции с доверительными вероятностями 20% и 13% соответственно» [Там же: 856] (см. Рисунок 12).

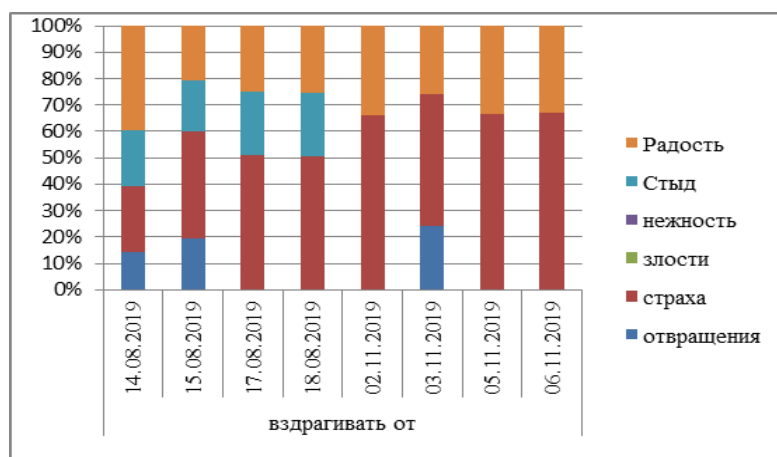

Рисунок 12 – Качественные данные откликов на поисковые запросы Google

«Статистический анализ конструкций *дрожать от* показал, что поисковая система Yandex фиксирует три доминантные коллокации, выражающие негативные эмоции *дрожать от отвращения* и *страха*, с доверительными вероятностями 32% и 19% соответственно, и коллокацию, выражающую положительнее эмоции *дрожать от радости*» [Там же: 857] (см. Рисунок 13).

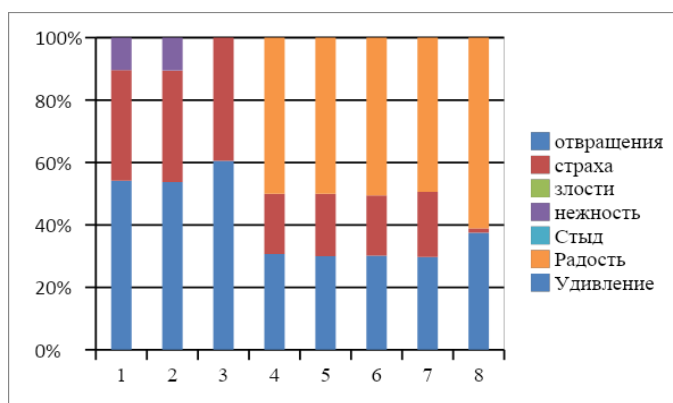

Рисунок 13 – Качественные данные откликов на поисковые запросы Yandex

Поисковой системой Google также выделяются две доминантные коллокации, выражающие негативные эмоции *дрожать от страха* и *злости*, с доверительными вероятностями 47% и 13%, соответственно, и также выделяется доминантная коллокация с существительным *радость*, выражающая положительные эмоции с доверительной вероятностью 20% (см. Рисунок 14).

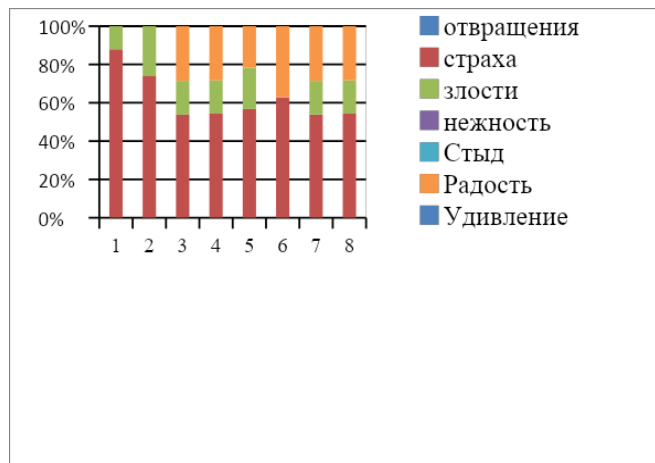

Рисунок 14 – Качественные данные откликов на поисковые запросы Google

Как видно, данные поисковых систем *Big Data* позволили выявить, что «исследуемые глаголы находятся в общем семантическом поле, но сфера их употребления различна или ограничена» [Никитина 2020: 858]. Так, глагол *дрожать* является семантическим ядром в исследуемом семантическом поле, поскольку доминантные коллокации глагола являются наиболее общими и вносят информацию о психофизиологическом проявлении эмоций *радости* или, напротив, *страха*: *я дрожу от страха / я дрожу от радости*. Глагол *вздрагивать* способен описывать ту же денотативную ситуацию, что и глагол *дрожать*, и вносит информацию о психофизиологическом действии: *я вздрагиваю от страха*. При этом отчетливо дифференцируется тип действий по сравнению с глаголом *дрожать* – длительность действия (*дрожать*) и однократность (*вздрагивать*). Глагол *содрогаться* вносит информацию о психофизиологическом проявлении только отрицательных эмоций: **я содрогаюсь от счастья* – такая коллокация для стилистически нейтрального предложения в русском языке представляется некорректной, при этом вносится информация о когнитивной деятельности субъекта.

Следовательно, анализ данных поисковых систем Yandex и Google позволил выявить, что данные поисковых систем и корпусов текстов совпадают при определении доминантных значений. При этом данные поисковой системы Google позволяют определить семантические границы исследуемых явлений

более полно, по сравнению с данными, предоставляемые корпусами текстов (см. Таблицу 4).

Таблица 4 – Данные, полученные из корпусов

<i>http://www.ruscorpora.ru</i>	<i>отвращения</i>	<i>страха</i>	<i>злости</i>	<i>нежности</i>	<i>стыда</i>	<i>радости</i>	<i>Удивления</i>
<i>Содрогаться от</i>	1	1	Нет совпадений				
<i>Вздрагивать от</i>	1	Нет совпадений					
<i>Дрожать от</i>	Нет совпадений	22	1	Нет совпадений			

Таким образом, статистический анализ данных поисковых систем *Big Data* при изучении особенностей дистрибуции лексических единиц или синтаксических конструкций показывает свою валидность в качестве исследовательского инструментария (Research Engine). И такую выборку, безусловно, можно назвать репрезентативной. При этом использование методов математической статистики применительно к большим массивам данных позволяет получить достоверные количественные данные, и, соответственно, обеспечивает надежные результаты, иными словами, полно, объективно описать содержательную часть языка посредством научного аппарата, обладающего высокой доказательной базой.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Во второй главе впервые в семантическом исследовании нашла применение комплексная верификация поисковых систем как «коллективного информанта» и приводится обоснование применения комплексной экспериментальной методики, основанной на триангуляционной верификации (корпусные данные, информанты (носители языка) / данные Big Data, методы математической статистики), которая представляет собой применение гипотетико-дедуктивного метода исследования, сформированного на основании семантического эксперимента [Селиверстова 1975; Сулейманова 1986; Щерба 1974; Белайчук 2004], а также использование корпусного эксперимента; обращение к ведущим поисковым системам (BigData) и применение методов количественной лингвистики в семантическом исследовании

[Левицкий 2007] позволяет результатам исследования обладать высокой доказательной базой и представить уточненные семантические описания глаголов группы типа *shudder*.

В настоящий момент экспериментальные направления современной лингвистики являются высокотехнологичными, они обладают эффективным верификационным аппаратом, который позволяет изменить статус лингвистических исследований с «гипотетического» (гипотезы) на «доказанный». Экспериментальное семантическое исследование включает в себя все этапы аналогично исследованиям в точных науках, которые позволяют исследованию интерпретировать как научное: процесс изучения, эксперимент, концептуализация и верификация теории, методы верификации которого составляет основу триангуляционного подхода, где две системы позволяют прийти к идентичным или коррелирующим результатам.

Первый параграф *Методы исследования языкового значения* посвящен обоснованию экспериментальной методологии и метода исследования, принимаемого в настоящем исследовании.

Исследовательская процедура настоящего исследования базируется на основе лингвистических экспериментальных методик, включающих компонентный анализ, дистрибутивный, валентный и контекстуальный, гипотетико-дедуктивный методы, применение которых позволило выдвинуть гипотезы о значении исследуемых глаголов и синтаксических моделей, разработать экспериментальные анкеты и позволила дать точное описание исследуемых языковых явлений.

В настоящем исследовании, с опорой на позицию О.Н. Селиверстовой, под компонентным анализом понимается «процедура расщепления значения на составные части, вычленение которых обусловлено как соотношением элементов внутри отдельного значения (наличие более общих и более частных элементов, т.е. иерархичность организации), так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц (совпадение или нейтрализация элементов

верхних уровней и несовпадение дифференцирующих признаков нижних уровней)» [Селиверстова 1980: 278-288].

Тем не менее, представляется значимым отметить следующее: несмотря на то, что КА является одним из основных методов изучения и выделения интегральных и дифференциальных признаков, семантическое исследование не может ограничиваться одним этим методом.

При систематизации семантических результатов, основанных только на применении КА, обобщенные данные могут быть неадекватными, то есть не соответствовать реальной организации языкового значения: метод КА исследуемых языковых единиц на основе их лексикографических описаний не всегда представляется обоснованным и не позволяет выявить точные семантические описания [Селиверстова 2004: 90; Сулейманова, Фомина 2010: 81]. Во-первых, КА, выполняемый на основании анализа словарных определений, не представляется достаточно убедительным: семантические описания из лексикографических источников, являются неточными, поскольку в лексикографических описаниях, помимо верных, часто наблюдаются неполные описания значения языковых единиц. Во-вторых, следствия, выведенные посредством КА, нуждаются в последующих верификационных процедурах [Селиверстова 1988: 90]. Таким образом, если исходная посылка не верна, прийти к надлежащим выводам не представляется возможным, при этом выявленные различия в семантике исследуемых единиц нуждаются в дополнительном исследовании

То есть, методика КА является первичным инструментарием в семантическом исследовании «при анализе структуры значения языковых единиц, который позволяет выявить первичные семантические признаки исследуемого значения» [Сулейманова 2004: 12-13]. Таким образом, для представления исчерпывающих описаний исследуемых языковых единиц дается обоснование применению комплексной экспериментальной методики, в частности гипотетико-дедуктивного метода и семантического эксперимента.

Следовательно, применение гипотетико-дедуктивного метода совместно с экспериментальной методикой даёт возможность представить научное обоснование применения этапов исследования: формулирование гипотезы, экспериментальная верификация и подтверждение или опровержение гипотезы [Селиверстова 2004; Шабанова 1999; Сулейманова 1999; Иванова 2011; Фомина 2009; Холодова 2015; Лукошус 2015; Чалей 2018]. В работе детально приписано научное обоснование применения данного метода на примере исследуемого эмпирического материала.

Во втором параграфе *Алгоритм поиска эмпирического материала*: экспериментальные и поисковые сетевые технологии (Search Engine и Research Engine) была апробирована и верифицирована экспериментальная методика с применением поисковых сетевых технологий BigData. Экспериментальная методика в современных семантических и лексикографических исследованиях предполагает как наличие персонифицированного информанта, так и применение сетевых поисковых технологий BigData (поисковых систем Google / Yandex и др.), выступающих в качестве «коллективного информанта» в семантическом исследовании. Развитие систем Big Data открывает новые возможности и позволяет ставить и решать исследовательские задачи оптимальным образом. Наряду с этим исследовательские возможности систем больших данных (BigData или ResearchEngines) позволяют получить данные об употреблении языковых единиц, уточнить описания их семантических признаков и т. д.

В качестве исследовательского инструментария поисковые системы наряду с корпусами текстов и лексикографическими изданиями используются в качестве источника лингвистических данных. Следовательно, верификация эмпирических данных осуществляется триангуляционно.

В работе представлен пошаговый алгоритм исследовательской процедуры:

Таким образом, использование больших массивов данных наряду с общепринятыми лингвистическими методиками позволяет лингвистическим исследованиям опираться на высокотехнологичные методы исследования и показывать высокий верификационный потенциал.

Представленная алгоритмизированная процедура верификации данных позволила прийти к выводам, что сосуществование различных систем создает дополнительное приращение верификационного потенциала в случае совпадения данных, полученных триангуляционно из различных источников.

Становится очевидным, что глобальная цифровизация меняет процесс передачи информации и тем самым влияет на методологию научно-исследовательской деятельности. В связи с этим включение цифровых данных в процесс проведения научных исследований позволяет вывести лингвистические исследовательские технологии на новый уровень.

Развитие систем *Big Data* открывает новые возможности и позволяет эффективно решать исследовательские задачи. Наличие достоверной информации и правильная оценка потенциала больших данных как передовой цифровой технологии является одной из важнейших задач и потребностей современного исследования.

ГЛАВА III. СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ТИПА *SHUDDER*, ОПИСЫВАЮЩИХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ

В данной главе представлены результаты семантического анализа семантической структуры синтаксических моделей типа *X shudders / trembles / shakes / quivers / shivers / quakes to think* (*X содрогается / дрожит / вздрагивает / трясется при мысли*) и семантики глаголов *shudder / tremble / shake / quiver / shiver / quake*, используемых в исследуемой модели.

3.1. Анализ значений глагола *shudder* в лексикографических источниках

Первый этап исследования представляет собой изучение и критический анализ толкований исследуемых глаголов в лексикографических источниках. В настоящем исследовании использованы данные следующих лексикографических источников: Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE), Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (MEDAL), Cambridge International Dictionary of English (CIDE).

Рассмотрим семантическую структуру выбранных слов на примере анализа глагола *shudder*.

В [LDCE] у глагола *shudder* выделяется несколько значений: *shudder 1* и *shudder 2*.

Shudder 1 выражает, во-первых, физическое действие, которое интерпретируется как «to shake for a short time because you are afraid or cold, or because you think something is very unpleasant» (вздрагивать недолговременно, поскольку вам страшно или холодно, или потому что вы думаете о каком-то очень неприятном положении вещей): *Maria shuddered as she stepped outside / Мария вздрогнула, выходя на улицу*. Во-вторых, *shudder* реализуется, например, в

синтаксической модели *shudder with*: *I shudder with embarrassment whenever I think about it / Я вздрагиваю от смущения, когда думаю об этом*. И в-третьих, *shudder at* интерпретируется как «to think that something is very bad or unpleasant» (думать про что-то очень плохое или неприятное): *She shuddered at the thought that she could have been killed / Она содрогнулась при мысли, что ее могли убить*.

Далее в тезаурусе [LDCE] отмечается, что *shudder* используется для описания физического действия, совершаемого неодушевленным объектом: *If a vehicle or machine shudders, it shakes violently / В случае если транспортное средство или мотор дрожит, наблюдается сильная тряска, без дифференциации с идиоматической моделью shudder to a halt: The car shuddered briefly as its engine died / Машина резко вздрогнула, и ее двигатель заглох и The train shuddered to a halt / Поезд замер на месте*.

Shudder 2 представляет метафорическое значение, выраженное в синтаксической модели *I shudder to V (think)*: «used to say that you do not want to think about something because it is too unpleasant» (употребляется, в случае, если субъект не желает думать о каком-либо событии, поскольку для него это слишком неприятно): *I shudder to think what they'll say when they see the mess the house is in / Я содрогаюсь при мысли о том, что они скажут, когда увидят, какой в доме беспорядок*.

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [MEDAL] также определяет глагол *shudder 1* как описывающий физическое состояние субъекта «в ответ» на эмоцию страха или ощущение холода: «if you shudder, your body suddenly shakes, for example because you suddenly feel cold or frightened» («если вы вздрагиваете, вас начинает трясти, например, потому что вы внезапно чувствуете холод или страх»): *She shuddered slightly at the memory / При этом воспоминании она слегка вздрогнула / вздрагивала*, при этом не маркируя однократность или многократность действия.

Помимо описанного значения [MEDAL] предлагает еще одно значение глагола, маркируя многократность и интенсивность действия: «if something shudders, it shakes violently several times» («если что-то вздрагивает, оно дрожит

сильно несколько раз) – примера реализации данного значения в контексте словарем не приводится.

К *shudder 2* [MEDAL] относит метафорическое значение, описывающее проявление психического (умственного) действия: *I shudder to think*, интерпретируя процесс как результат или гипотетическое предположение о некотором положении дел при воспоминании о некотором событии и нежелание думать о чем-либо ввиду ощущения психологического дискомфорта при воспоминании / проецировании: *I shudder to think what my parents will say when they see the bill* / Я содрогаюсь при мысли о том, как отреагируют мои родители на выставленный счет («used for saying that you do not want to think about something because it is very unpleasant»).

Далее [MEDAL] выделяет метафорическое значение *shudder 3 shudder at something*, интерпретируемое как «to be shocked by something» («быть шокированным чем-либо»): *They would have shuddered at the thought of what we're doing now* / Они бы содрогнулись при мысли о том, чем мы сейчас занимаемся.

Cambridge International Dictionary of English предлагает толкование глагола *shudder 1* как описание физических ощущений и движения в ответ на эмоции: «to shake suddenly with very small movements because of a very unpleasant thought or feeling» («внезапно содрогаться еле ощутимыми движениями из-за очень неприятных мыслей или чувств»): *She shuddered at the thought of kissing him* / Она содрогалась при мысли о поцелуе с ним; *The sight of so much blood made him shudder* / При виде такого количества крови он содрогнулся (подчеркнем, что как уже отмечалось, данный глагол толкуется через глагол *shake*).

Помимо описанных значений [CIDE], как и [MEDAL], предлагает еще одно значение глагола, которое вносит информацию об интенсивности и повторяемости «колебательного» действия: «when something shudders, it shakes violently and quickly» («когда что-то дрожит, оно трясется сильно и быстро»): *I heard a massive explosion and the ground shuddered beneath me* / Я услышал мощный взрыв, земля дрожала подо мной.

Третий словарный источник [CIDE] интерпретирует идиоматическое выражение *X shudders to V* как **shudder 2** следующим образом: «said when you are worried about something unpleasant that might happen or might have happened» («употребляется, когда вы беспокоитесь о чем-то неприятном, что может произойти или могло бы произойти»). Исходя из тезауруса данной конструкции можно констатировать, что вносится информация о внутренней обеспокоенности субъекта в связи с тем, что что-то неприятное может иметь место или могло бы иметь место в будущем: *I shudder to think what my parents will say when I tell them I've failed my exams / Я содрогаюсь при мысли о том, что скажут мои родители, если я провалю экзамены).*

При этом [CIDE] выделяет метафорическую конструкцию *shudder to a halt*: «if a system shudders to a halt, it suddenly stops working» («если система останавливается, она внезапно перестает работать»), где вносится информация о внезапном прекращении события: *The economy has shuddered to a halt because of the civil war / Экономика страны остановилась из-за гражданской войны.*

Таким образом, анализ определений из лексикографических источников показал, что глагол *shudder* употребляется в нескольких значениях: **shudder 1** вносит информацию о физическом действии, в то время как **shudder 2** вносит информацию о действии субъекта, который оценивает некоторое реальное или гипотетическое событие *P*, по отношению к которому у субъекта формируется физиологическая реакция. **Shudder 3** представлен во фразовом глаголе *shudder at something* и не будет являться предметом настоящего исследования, поскольку не заполняет исследуемую модель *X shudders to V*, равно как и идиоматическая модель *shudder to a halt*, поскольку, несмотря на видимое соблюдение формы, лексема *halt* является существительным, следовательно, это иная модель.

Обратимся к анализу определений выбранных значений и попытаемся оценить точность лексикографического описания. Рассматриваемые глаголы определяются друг через друга, создавая некие логические круги: глаголы *shudder, tremble; quiver, shiver, quake* и *dodder* определяются через глаголы *shake* и

tremble, глагол *tremble* детерминируется через глагол *shake*; *shake* определяется через глагол *tremble*. [<http://dictionary.reference.com>].

Из вышеприведённых дефиниций видно, что описания значений исследуемых глаголов практически совпадают, что предполагает возможность их взаимозамены. Действительно, в ряде случаев замена возможна: так, можно сказать: *I shivered the whole night through; I trembled the whole night through; I quivered the whole night through*. Однако системный тест показывает, что не во всех случаях взаимозамена допустима, ср.: **I quake to think what kind of life I should have had with him*, в то время как конструкция *I shudder to think what kind of life I should have had with him* и *I tremble to think what kind of life I should have had with him* предельно допустима. Примеры показывают, что заполнение модели X *shudders... to think* допустимо лишь с глаголами *shudder* и *tremble*. Данные результаты были получены при опросе информантов – носителей языка (см. подробнее Приложение 1); или ср. в высказываниях: *The word itself made me shudder with dread / Само слово заставило меня содрогнуться от страха* [SIDE]; *The word itself made me tremble with dread / Само слово заставило меня содрогаться от страха*. Выбор глагола определяет тип действия: так, *shudder* вносит информацию об однократности действия, тогда как *tremble* вносит информацию о длительности действия. Данная разница учтена при выборе русских коррелятов. Или ср.: в высказываниях *The train shuddered to a halt / Поезд замер на месте* замена на семантически близкий глагол делает предложение некорректным: **The train trembled to a halt, *The train shivered to a halt, *The train quivered to a halt, *The train shaken to a halt* и т.д., иными словами, в вышеобозначенной конструкции не допускается замена на семантически близкие глаголы.

Семантические описания из лексикографических источников, как мы показывали выше, являются неточными. Соответственно, если исходные данные не валидны, в таком случае прийти к надлежащим выводам не представляется возможным. На втором этапе исследования был проведен компонентный анализ глагола *shudder*: на основании корпусных данных (BNC, COCA, TMC, WC,

CASO) и лингвистического эксперимента выделены первичные семантические признаки в значениях группы глаголов типа *shudder*, которые заполняют синтаксическую модель *X shudders to V*.

Так, на материале точечного анализа более тысячи единиц корпусных вхождений коллокаций *shudder / tremble / shake / quiver / shiver / quake to* выявлено системное лексико-грамматическое разграничение, требующее верификации и уточнения с помощью лингвистического эксперимента, который выявил первичные признаки модели *X shudders to V*, ср.: **I quake to think what kind of life I should have had with him; *I quiver to think what kind of life I should have had with him*, в то время как конструкция *I shudder to think what kind of life I should have had with him* и *I tremble to think what kind of life I should have had with him* предельно допустима. Примеры показывают, что заполнение модели *X shudders... to think* допустимо лишь с глаголами *shudder* и *tremble* (см. подробнее Приложение 1). Следовательно, в настоящем исследовании выдвигается два вида гипотез, во-первых, гипотеза относящаяся к значению исследуемой группы глаголов – категории вида глаголов, интенсивности реализуемого действия и т.д., во-вторых, к исследованию моделей, в которых реализуются глаголы типа *shudder*. Таким образом, представляется значимым установить, как развивается семантическая структура семантически близких глаголов *tremble, shiver, quiver, shake, quake*, используемых в модели *X shudders to V*, в чем состоит их отличие.

3.1.1. Эмпирическое обоснование выбора материала исследования

Системные синонимы исследуются в контекстах, реализующих семантические функции замещения и уточнения, с целью сопоставления их места в синонимическом ряду, с одной стороны, и конкретизации смыслов, которые вносятся данными глаголами в пределах высказывания, с другой. На основании этого на втором этапе исследования мы обратились к большим массивам данных

(*Big Data*), Британскому национальному корпусу (BNC) и словарю синонимов (под ред. Ю.Д. Апресяна).

Таблица 5 – Частотность группы глаголов типа *shudder*

Глагол	Число результатов в поисковой системе Google [дата доступа: 24.08.2020]
to shake	44 200 000
to tremble	2 560 000
to shudder	1 720 000
to quake	1 930 000
to shiver	1 530 000
to quiver	563 000
to wobble	40 300
to dodder	15 000
to quaver	3010

При обращении к большим массивам данных *Big Data* для определения английских семантически близких глаголов типа *shudder* проведен анализ частотности употребления исследуемых глаголов (см. Таблицу 5). В исследовании задействованы глагольные единицы, число результатов которых превышает 500 000 совпадений.

Совокупность аутентичных текстов BNC, представляющая собой достаточно обширную базу употреблений слов в реальном контексте различных жанров и периодики, обнаруживает следующую частотность исследуемых глагольных единиц: *to shudder* – 18, *to shake* – 560, *to shiver* – 30, *to tremble* – 88, *to quiver* – 16, *to quake* – 3 [BNC].

3.1.2. Критический анализ существующих описаний исследуемой группы синонимов

Рассмотрим в качестве примера описание исследуемых глаголов в словаре синонимов (под ред. Ю.Д. Апресяна). Словарь синонимов включает в группу синонимов слова *shake, tremble, quiver, shiver, quake, shudder, quaver, wobble*, разделяя их на три группы согласно значениям, на основе интегральных и дифференциальных признаков. Анализ данных групп показал, во-первых, что автор объединяет данные семантически близкие лексические единицы в единую группу *shake, tremble, quiver, shiver, shudder, quake, quaver, wobble, wabble* (I); они вносят информацию **о мелких, произвольных, периодических колебаниях преимущественно в результате сокращения мышц тела или части тела**; предлагаются их русские корреляты *дрожать, трястись, трепетать, содрогаться, дергаться*. Ю.Д. Апресян выделяет следующие дифференциальные смысловые признаки:

1. амплитуда колебания;
2. частота;
3. временной интервал;
4. причина, которая вызывает дрожь;
5. полнота охвата тела дрожью [Апресян 1979: 374].

Отметим, что данные признаки входят в значения не всех глаголов и даже не отражены во всех значениях одного слова: например, глагол *tremble* в высказывании *They tremble with mystery / Они трепещут от чувства таинственности*. Как видно из данного примера, первый смысловой признак сложно применить ко всем субъектам действия, амплитуда колебания может быть различной в зависимости от особенностей психики субъекта, причины, которая каузирует дрожь, то же относится к частоте (второй выделяемый признак). Кроме того, третий семантический признак (временной интервал) представляется методологически сложно фиксируемым. Далее, не во всех случаях важен признак, например: *I shudder from fear – he shuddered*, иными словами, не обязательно указана причина, причем если причина указана, то эта информация вносится контекстом, а не непосредственно глаголом. Наконец, представляется, что для дифференциации значения глаголов типа *shudder* в первую очередь важно

классифицировать глаголы по синтаксическим конструкциям, в которых они реализуются.

Во-вторых, глагол *shake* выделен как семантическое ядро данной группы, поскольку, по мнению автора, он вносит информацию о достаточно объемном спектре смысловых признаков, которые характеризуют тот или иной вид дрожания: частую дрожь со средней амплитудой колебаний, вне зависимости от области охвата тела дрожью (все тело или только его часть); временного интервала или причин, которые каузируют процесс дрожания, являясь внутренними или внешними, психическими или физическими (положительной или отрицательной эмоцией) [Апресян 1979: 374].

То есть, автор не приводит семантические признаки, которые позволили бы дифференцировать глагол *shake* от обозначенного семантически близкого ряда глаголов. Глаголы *tremble* и *quiver* вносят информацию о частой, крайне мелкой дрожи любой продолжительности, охватывающей все тело или его часть. При этом автор указывает, что он вносит информацию о дрожи, источником которой является сильная эмоция, отрицательная или (реже) положительная, физическая слабость или холод, например: *The dark frightened her and her hands [legs] trembled* / Темнота пугала ее, и руки [ноги] у нее **дрожали** [Апресян 1979: 374-375].

Глагол *quiver* также вносит информацию о дрожи, источником которой является сильная эмоция или внутреннее напряжение (когда нервы натянуты до предела), при этом если источником дрожи являются низкие температуры, то структура не заполняется глаголом *quiver*. Тем не менее, если расширить выборку примеров и воспользоваться сетевыми поисковыми технологиями, данные запросов Google Advanced Search показывают, что коллокация группы глаголов с предложным дополнением *with cold*, где источником дрожи являются низкие температуры, способна заполняться глаголом *quiver* (см. Рисунок 15).

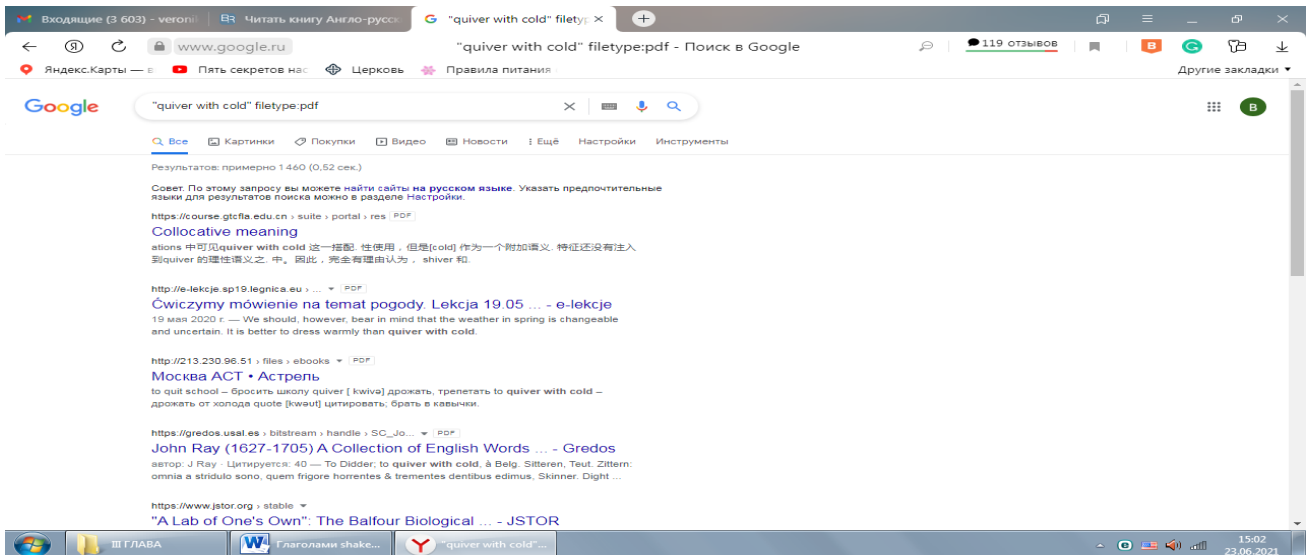

Рисунок 15 – Данные запросов Google Advanced Search
на коллокацию **quiver with cold** (на 23.06.2021)

Количественные данные Google Advanced Search показывают, что вышеобозначенная коллокация *quiver with cold* получает 1400 откликов, *shiver with cold* – 5600 откликов, *shudder with cold* – 1970 откликов, *tremble with cold* – 6200 откликов, *quake with cold* – 614 откликов, *shake with cold* – 3160 откликов, что в количественном соотношении с другими семантически близкими глаголами сложно назвать погрешностью.

В-третьих, по мнению автора, глаголами *shiver* и *shudder* также вносится информация о частой и мелкой дрожи, дрожь интерпретируется как кратковременная, она охватывает все тело, «поэтому нельзя сказать **his hand shivered / shuddered*» [Апресян 1979: 375]. Однако глаголом *shudder* не обязательно вносится информация о частой и мелкой дрожи, то есть глагол, по всей видимости, не маркирован с точки зрения многократности действия. Например, высказыванием может вноситься информация и о крупной, внезапной дрожи, и о частой дрожи: *All his body shuddered, but his right hand holding his wand was as steady as rock / Все его тело содрогнулось / содрогалось, но правая рука, державшая палочку, была тверда, как скала.*

Ввиду изложенного выше данные семантические описания нуждаются в уточнении: во-первых, количественные данные Google Advanced Search

показывают, что рассматриваемая коллокация скорее всего вносит информацию о паркинсоническом треморе, поэтому не находит частотного отражения ни с глаголами из группы, которыми вносится информация о возможной разнохарактерности дрожи (охватывает все тело и отдельные части тела: *shake, quake*), ни глаголами, которые не вносят информацию о локальной дрожи (*shiver, shudder*): *his hand shivered* – 170 откликов, *his hand shuddered* – 130, откликов *his hand shaked* – 3 отклика, *his hand quaked* – 6 откликов, по сравнению с глаголами, которые могут вносить информацию о паркинсоническом треморе: *his hand trembled* – 14100 откликов, *his hand doddered* – 1480 откликов (данные поисковой системы Google на 28.06.2021).

Во-вторых, анализ эмпирического материала показывает, что глагол *shudder* может вносить информацию о дрожи, которая охватывает как все тело, так и его часть, например: *Blond Bombshell face seemed to shudder with emotion* / Лицо белокурой девы, казалось, содрогнулось от эмоций [COCA], тогда как глагол *shiver* действительно не вносит информацию о дрожи, которая охватывает не все тело (по результатам точечного анализа материалов корпусов COCA и BNC).

В-третьих, автор справедливо указывает, как и ряд лексикографических источников [<http://dictionary.reference.com>], что глагол *shiver* вносит информацию о дрожи, вызванной ощущением сильного холода или страха. При этом утверждение о нечастотности глагола *shiver* при описании дрожи, вызванной «тяжелым предчувствием или ожиданием», так же, как и о ее кратковременности [Апресян 1979: 375], не подтверждается эмпирическим материалом, ср.: *She shivered with naked hurt and dead-end desperation* / Она дрожала от неприкрытой боли и тупикового отчаяния, где вносится информация и о длительности действия, и о психологическом факторе.

В-четвертых, автор не разграничивает прямое и переносное значение глаголов, семантические признаки уточняются без учета синтаксических конструкций, которые заполняют данные глаголы. Например, Ю.Д. Апресян выделяет значения глаголов *shake, shiver, shudder, quake, tremble* как *трепетать, страшиться, опасаться*, примером (*my insides quaked at the thought* / у меня

внутри все **похолодело** / **содрогнулось** / от этой мысли; *She shuddered when I went to kiss her (W S. Maugham, 'The Moon and Sixpence')* [Апресян 1979: 376].

В-пятых, автор уточняет, что все синонимы ряда, за исключением глагола *wobble* (который не рассматривается в настоящем исследовании в силу малочастотности откликов поисковой системы Google – см. подробнее ниже), «управляют предложным дополнением *with smth.*, обозначающим холод или эмоцию как причину дрожи» [Там же: 376]. При этом отмечается, что дополнение *with smth* «встречается чаще в тех случаях, когда субъектом действия является человек или все его тело, чем в тех, когда в этой роли выступает часть тела». Тем не менее комплексный анализ эмпирического материала из корпусов текстов COCA и BNC показывает, что глаголы *tremble*, *quiver* частотно используются в предложениях, где субъектом действия выступают части тела: *My lips tremble with the cold* / Мои **губы** дрожат от холода; *Someone whose knees tremble with the fear that I might really be a nobody* / Кто-то, чьи **колени** дрожат от страха, из-за того, что я действительно могу быть никем; *A voice that could tremble with terror and fragility* / **Голос**, который мог дрожать от ужаса и слабости; *In his hands, which fairly tremble with excitement* / В **руках**, которые изрядно дрожат от волнения; *My hands tremble with fatigue* / Мои **руки** дрожат от усталости; *Until her legs ached and began to tremble with the exertion of stillness* / Пока ее **ноги** не заболели и не начали дрожать от напряжения неподвижности; *He's still an imposing man, even though his arms tremble with Parkinson's and his speech is slurred* / Он все еще импозантный мужчина, хотя его **руки** дрожат от болезни Паркинсона, а речь невнятна; *His lips quiver with the indignity* / Его **губы** подрагивали от пренебрежения; *His narrow jaw seeming to quiver with stored invective* / Его узкие **губы**, казалось, дрожали от припасенной брани; *His silver whiskers quiver with anticipation* / Его серебряные **усы** задрожали от предвкушения [COCA; BNC].

В-шестых, автор справедливо уточняет, что все глаголы из рассматриваемого ряда управляют предложным дополнением *at smth.*, которое вносит информацию об источнике дрожи – мысли субъекта, свойства или

внешние, чаще всего звуковые воздействия: *to shake / to tremble, to quiver, to shiver, to shudder, to quake, to quaver, to wobble / at the sound of smb.'s voice* [Апресян 1979: 376]. Тем не менее анализ эмпирического материала показывает, что глаголы *shake* и *shiver* в принципе не реализуются в контекстах, связанных с аудиальной перцепцией (см. подробнее ниже).

Кроме того, автор выделяет второе значение для группы глаголов *shake, tremble, quiver, shiver, shudder, quake, wobble / wabble, totter* (II), которое вносит информацию о **мелких, непериодических колебаниях преимущественно в результате внешнего воздействия**, и предлагает русские корреляты *дрожать, содрогаться, трястись, сотрясаться, шататься, качаться*, что также, как представляется, требует уточнения ввиду того, что логичность выделения в отдельное значение группы глаголов (II), исходя из внешнего воздействия, кажется недостаточно убедительной, поскольку разграничение значений должно базироваться на взаимоисключающих параметрах. Поскольку внешнее воздействие частотно наблюдается и в первом выделенном для группы глаголов значении (например, *дрожать от холода*), следовательно, указанные параметры не являются взаимоисключающими.

Проведенный в рассматриваемой работе анализ показывает, что не все вышеобозначенные семантические признаки глаголов типа *shudder* являются релевантными, они нуждаются в уточнении, поскольку для дифференциации значения глаголов типа *shudder* в первую очередь представляется важным классифицировать глаголы по синтаксическим конструкциям, в которых они реализуются. Мы полагаем, что разграничение должно быть основано на анализе того, вносится ли информация о каком-либо физическом действии, или же вносится информация о субъекте, который оценивает некоторое реальное или гипотетическое событие *P*, по отношению к которому осуществляется «ментальное» действие, например подвергается осмыслению.

В связи с этим в настоящем исследовании представляется значимым уточнить семантические описания глаголов группы типа *shudder* на основе выделения семантических признаков.

3.2. Семантика исследуемой группы глаголов

Общее значение для группы глаголов типа *shudder* указывает на проявление психофизиологической реакции, которая выражается либо *физиологическим дрожанием*, возникающим в результате мышечного напряжения, утомления, охлаждения, либо *эмоциональным дрожанием*, которое возникает при эмоциональном возбуждении, сопровождаемом физиологическим дрожанием пальцев рук, губ, век, иногда головы [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/11366].

Дистрибутивный анализ позволил сформировать первичную гипотезу о семантических признаках, разграничивающих значения исследуемых семантически близких глаголов.

Для выделения семантических признаков, которые разграничат значения исследуемых глаголов, далее в данном исследовании глаголы будут, во-первых, анализироваться относительно *визуальной, кинестетической и аудиальной перцепции* субъекта, выполняющего действия, которые каузируют тот или иной вид дрожания. Данная дифференциация представляется релевантной ввиду антропоцентричности мира в целом и языка в частности. Выдвигается гипотеза о том, что *высокая частотность реализации трех видов перцепции применительно к одному глаголу говорит об устойчивом закреплении лексики в языке и более частотной возможности формировать метафорическое значение*. Во-вторых, представляется значимым дифференцировать действия, основываясь на определении *видов дрожания* и по категории вида глагола – их *однократности* (обозначении однократности и мгновенности действия) или *многократности* (обозначении длительности, повторяемости или многократности действия), которые заложены в семантическую структуру исследуемых предикатов (см. Рисунок 16).

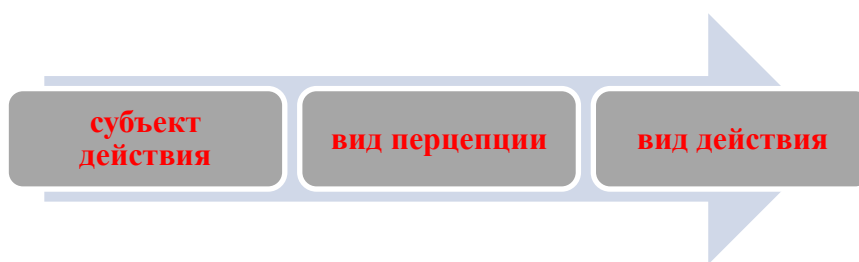

Рисунок 16 – Критерии семантического анализа

3.2.1. Семантика коллокации *shudder with*

В семантической структуре глагола *shudder* лексикографические источники выделяют признаки внезапности, конвульсивности как реакции в ответ на *страх*, *холод* или *ужас*. При этом исследование контекстного окружения, левой и правой сочетаемости позволило расширить представление об исследуемом глаголе. Субъектом действия, описываемого глаголом *shudder*, может выступать **одушевлённое лицо**: *We all shudder with fear* / **Мы все дрожим от страха**; **неодушевленный объект – действия, события, ощущения** (запах пара, слово, попытка, раса): *The word itself made me shudder with dread* / **Само слово заставило меня содрогнуться от страха**; **части тела** (голова (лицо)): *Her face seemed to shudder with emotion* / **Ее лицо задрожало от волнения** [BNC; COCA].

Так, при *визуально наблюдаемой реакции*, которая описывается предикатом *shudder*, субъектом может выступать одушевленное лицо или части тела: *We all shudder with fear* / **Мы все дрожим от страха**; *Blond Bombshell face seemed to shudder with emotion* / **Лицо белокурой дивы задрожало от волнения** [BNC; COCA].

При *кинестетической перцепции* (тактильные ощущения; мимические проявления, осязание) субъектом действия в прямом и переносном значениях может выступать как одушевленное лицо, так и неодушевленный объект (запах пара, слово, внутреннее «я»). *A scent of steam rising through subway grates which made me shudder with longing* / **Запах пара поднимается через решетки метро,**

заставляя меня **содрогаться от** тоски; *I cried, feeling my prisoner shudder with the same objection* / Воскликнул я, чувствуя, как **мой пленник вздрагивает от** того же возражения; *The word itself made me shudder with dread* / **Само слово** заставило меня **содрогнуться от** страха. При этом кинестетическая и визуально наблюдаемая реакция могут быть сопряжены: *He can't help but shudder with excitement when he presses his foot down on the gas and hears her laughter* / **Он не может не вздрагивать от** волнения, когда нажимает ногой на газ и слышит ее смех [BNC; COCA].

При *аудиальной перцепции* (сенсорика, основанная на слуховом восприятии), субъектом действия *shudder* может выступать в прямом и переносном значениях одушевленное существо и неодушевленный объект (звезды, реактивный двигатель): *Papa pushes a red button, causing a jet engine to shudder with a high-pitched whir* / **Папа нажимает красную кнопку, в результате чего реактивный двигатель вздрагивает с** пронзительным жужжанием. При этом коллокации, частотно наблюдаемые с глаголом *shudder with*, наделены экспрессией, которая выражается антропоморфной метафорой: *The stars above shudder with calls of the frogs: a great creaking groan* / **Звезды наверху содрогаются от** крика лягушек, сильного скрипучего стона (см. Рисунок 17).

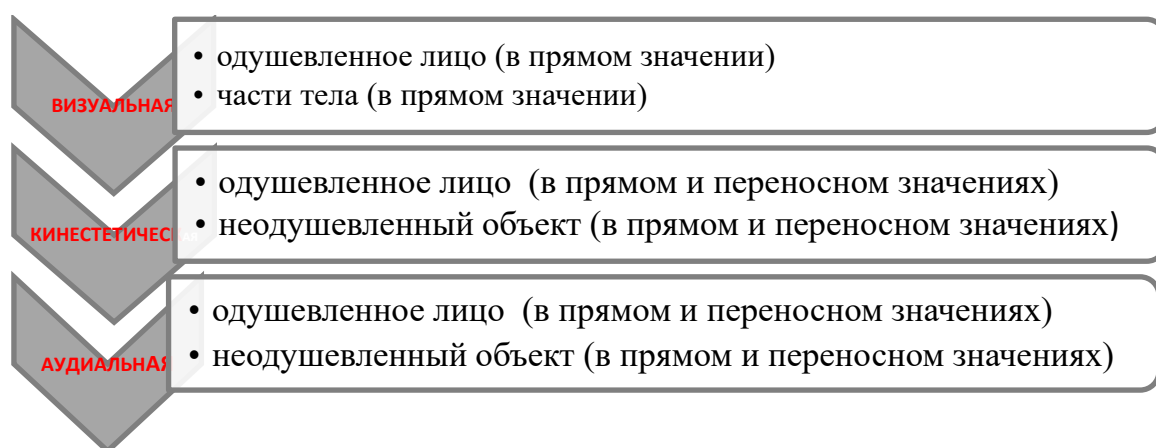

Рисунок 17 – Обобщенные данные реализации перцептивного каузатора дрожи (глагол *shudder with*) [BNC; COCA]

Анализ эмпирического материала подтверждает, что в семантике глагола *shudder* в первом значении заложена информация о внезапности и конвульсивности действия (выделяется лексикографическими источниками), при этом анализ эмпирического материала показывает, что субъектом действия может выступать как одушевленное лицо, так и неодушевленный объект. Действия, выраженные глаголом *shudder with*, представляется возможным интерпретировать, во-первых, как **однократные**: *The word itself made me shudder with dread* / *Само слово заставило меня содрогнуться от страха*; во-вторых, **длительные**: *Her face seemed to shudder with emotion* / *Ее лицо задрожало от волнения*; в-третьих, как **многократные**: *I cried, feeling my prisoner shudder with the same objection* / *Воскликнул я, чувствуя, как мой пленник вздрагивает от того же возражения* [BNC; COCA]. Это означает, что глагол *shudder* не маркирован с точки зрения кратности действия. Далее, лексикографические источники выделяют в качестве постоянного признака в семантике глагола *shudder* его непереходность (intransitive). Запросы в поисковую систему Google показывают малочастотную употребляемость в прямом значении: 408000 откликов на 22.05.2021 и 20800 откликов в формате pdf на 22.05.2021 (Google Advanced Search (см. Рисунок 18)).

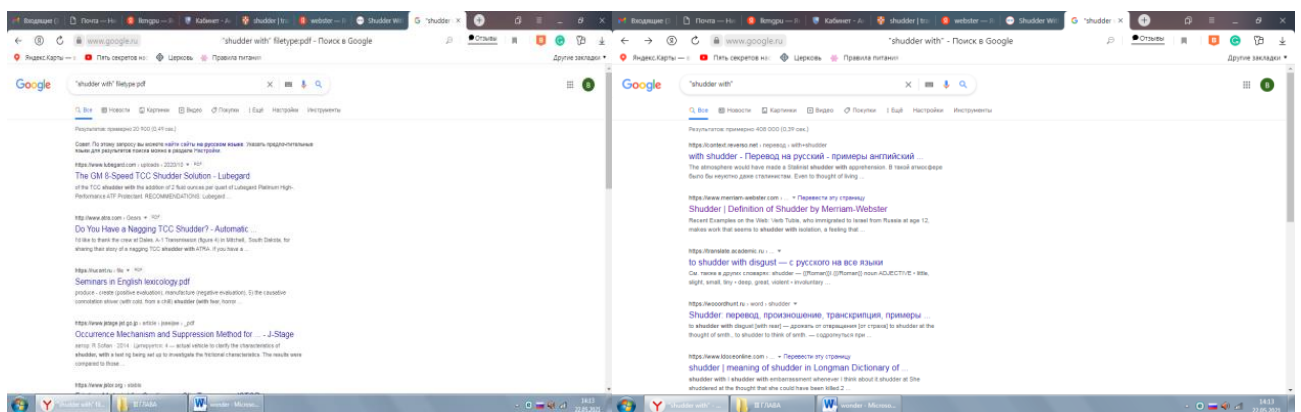

Рисунок 18 – Данные откликов поисковой системы Google на запросы для коллокации *shudder with*

Количественные данные *коллокации shudder with*, в которой реализуется описание физического действия, также малочастотны: корпус BNC выдает 5 откликов, корпус COCA – 31 отклик. По совокупным ЛСВ *shudders, shuddering, shuddered, shudder* составляет 157 откликов в корпусе COCA и 29 откликов в корпусе BNC.

3.2.2. Семантика коллокации *tremble with*

Субъектом действия, которое описывается глаголом *tremble*, может выступать **одушевлённое лицо**: *I tremble with nameless, undefined apprehensions / Я трепещу от неопределенного предчувствия*; **неодушевленный объект** – действия, события, ощущения (голос, откровение, земля, духи, кровать, дом, горы): *The queen's perfume grew stronger, causing me to tremble with longing as I neared the entrance to the above world / Шлейф духов королевы становился все сильнее, заставляя меня дрожать от тоски, когда я приближался ко входу в верхний мир*; **части тела** (губы, бакенбарды, щетина, руки, колени, ноги, тело): *He's still an imposing man, even though his arms tremble with Parkinson's and his speech is slurred / Он все еще импозантный мужчина, хотя его руки дрожат от болезни Паркинсона, а речь невнятна [BNC; COCA]*.

При *визуально наблюдаемой реакции*, которая заполняется предикатом *tremble*, субъектом может выступать одушевленное лицо, неодушевленный объект или части тела, при этом наиболее частотным субъектом, выполняющим действие, являются части лица и тела: *My hands tremble with fatigue / Мои руки дрожат от усталости*.

При *кинестетической перцепции*, описываемой предикатом *tremble* в прямом значении, субъектом действия может выступать неодушевленный объект (щетина, откровение, духи, бакенбарды): *She loved stubble. It made her tremble with pleasure and arch like a cat when her neck was nuzzled / Она любила щетину*.

Она заставляла ее **дрожать от** удовольствия и выгибаться, как кошка, когда в ее шею утыкались носом [BNC; COCA].

При аудиальной перцепции, которая описывается предикатом *tremble* в прямом и переносном значении, субъектом может выступать одушевленное лицо и неодушевленный объект (земля, дом, горы): *The ground seemed to tremble with an ejaculation* / **Земля, казалось, задрожала от** извержения; *A voice that could tremble with terror and fragility* / **Голос, который мог дрожать от** ужаса и слабости. При этом коллокации, частотно наблюдаемые с глаголом *tremble with*, наделены экспрессией, которая выражается антропоморфной метафорой: *The mountains tremble with its fury* / **Горы дрожат от** ярости (см. Рисунок 19).

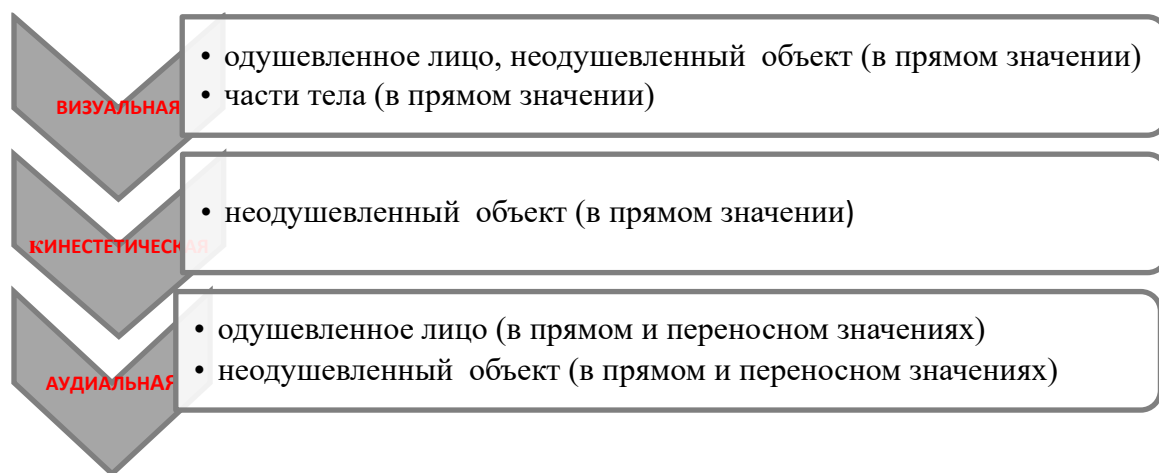

Рисунок 19 – Обобщенные данные реализации перцептивного каузатора дрожи (глагол *tremble with*) [BNC; COCA]

Анализ эмпирического материала подтверждает, что в семантике глагола *tremble* в первом значении заложена информация о непреднамеренности, быстроте и краткости движений, каузируемых *страхом, волнением, слабостью* или *холодом* (выделяются лексикографическими источниками), при этом анализ эмпирического материала показывает, что, во-первых, субъектом действия может служить как одушевленное лицо, так и неодушевленный объект: *The bed does not shake or tremble with the weight of their bodies* / **Кровать не трясется и не дрожит под** тяжестью их тел. Во-вторых, действия, выраженные глаголом *tremble with*, не представляется возможным интерпретировать как **однократные**, анализ эмпирического материала показывает, что действия, выраженные глаголом

tremble with, могут быть только **длительными**: *They tremble with mystery*. Они **трепещут от** ощущения таинственности; в-третьих, **многократными**: *A revelation that makes Luce tremble with indignation again and again* / **Откровение**, которое заставляет Люси **трепетать от** негодования снова и снова. При этом лексикографические источники выделяют в качестве постоянного признака глагола *tremble* его непереходность (intransitive).

Запросы в поисковую систему Google показывают высокую частотность употребления в прямом значении (23000000 откликов на 22.05.2021) и 695000 откликов в формате pdf на 22.05.2021 (Google Advanced Search (см. Рисунок 20).

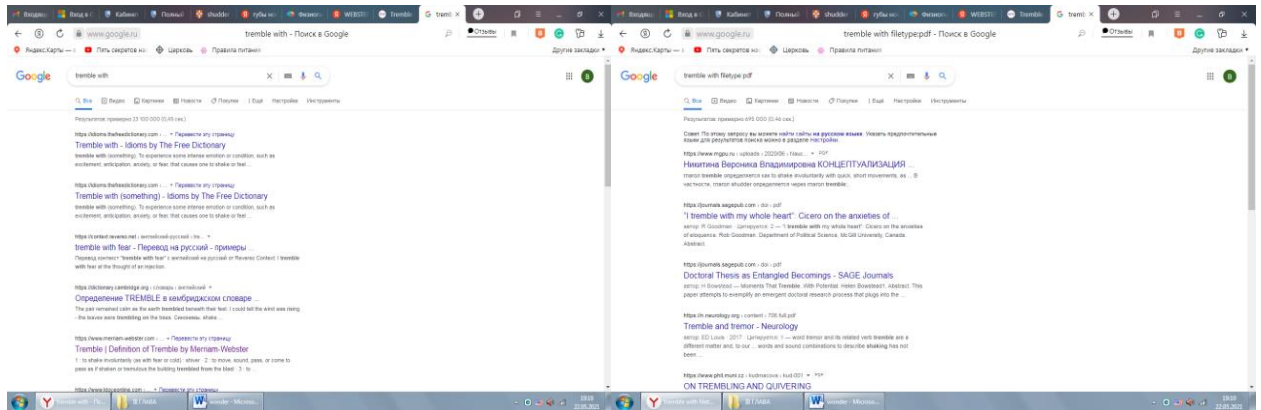

Рисунок 20 – Данные откликов поисковой системы Google на запросы для коллокации *tremble with*

Количественные данные коллокации *tremble with*, которой описываются физические действия, показывают следующую частотность: корпус BNC выдает 9 откликов, корпус COCA – 76. Отклик по совокупным ЛСВ *trembles*, *trembling*, *trembled*, *tremble* составляет 559 откликов в корпусе COCA и 5 откликов в корпусе BNC.

3.2.3. Семантика коллокации *shiver with*

Субъектом действия, описываемого глаголом *shiver*, может выступать **одушевлённое лицо** (человек, группа людей, живое существо (насекомое)): *One would have thought that NITVs success in Iran would make **the Bush administration shiver with delight** / Можно было подумать, что успех СОН в Иране вызовет восторг у администрации Буша; неодушевленный объект – действия, события, ощущения* (успех, разочарование, наклонности, идеи, мысли, вопросы, рассказы, луг, стена, деревья, ласка): *Questions about the survivors of Oceanic Flight 815 and that freaky-deaky tropical paradise make us **shiver with anticipation** / Вопросы о выживших в рейсе 815 Oceanic и об этом причудливом тропическом раю заставляют нас **дрожать от** предвкушения; части тела (малочастотно): *His whole **body shivers with** her nearness / Все его **тело дрожит при** ее приближении [BNC; COCA].**

При *визуально наблюдаемой реакции*, которая описывается предикатом *shiver*, субъектом данного глагола в прямом значении может выступать одушевленное лицо (администрация Буша, тело, стена, деревья): *She **shivered with** naked hurt and dead-end desperation / Она **дрожала от** неприкрытой боли и тупикового отчаяния; в переносном значении – неодушевленное лицо, при этом аудиальная и визуально наблюдаемая реакции могут быть сопряжены: *The valley echoed and trees appeared to **shiver with** the sound of the horn / Долина отозвалась эхом, и деревья, казалось, **задрожали от** звука рога [BNC; COCA].**

При *кинестетической перцепции*, самой частотной для глагола *shiver*, субъектом действия может выступать одушевленное лицо и неодушевленный объект в прямом и переносном значениях (насекомое, успех, разочарование, наклонности, идеи, мысли, вопросы, рассказы, луг, стена, деревья, ласка): *Make the whole **grassland shiver with** animate energy / Заставьте весь луг **дрожать от** живой энергии; My own adolescent **inclinations** had made him **shiver with** distaste / Мои собственные юношеские **наклонности** заставляли его **дрожать от** отвращения [BNC; COCA].*

Аудиальной перцепции, которая могла бы репрезентироваться предикатом *shiver*, выявлено не было (см. Рисунок 21).

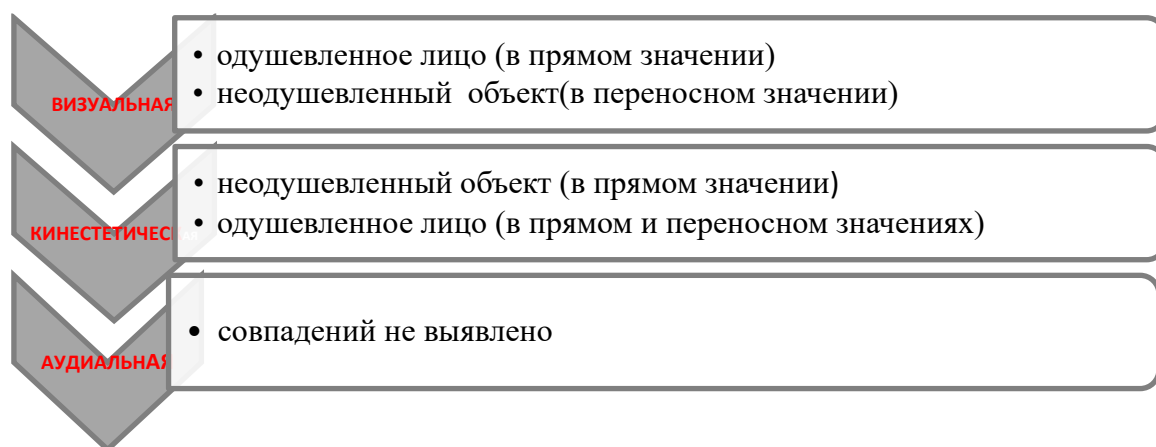

Рисунок 21 – Обобщенные данные реализации перцептивного каузатора дрожи (глагол *shiver with*)

Анализ эмпирического материала подтверждает, что в семантике глагола *shiver* в первом значении заложено, во-первых, указание на длительность действия: *Insects on my face and neck caused me to shiver with a tingly feeling / Насекомые на моем лице и шее вызывали у меня дрожь от покалывания.* Во-вторых, содержится (менее частотное) указание на многократность действия: *She had heard such tales of cruelty as would make her shiver with fear and sometime with anger / Она слышала такие рассказы о жестокости, которые заставляли ее дрожать от страха, а иногда и от гнева.*

Субъектом действия, описываемого глаголом *shiver*, может выступать одушевленное лицо, неодушевленный объект и части тела (малочастотно). При этом лексикографические источники выделяют как постоянный признак глагола *shiver* переходность и непереходность (intransitive), что подтверждается эмпирическим материалом. Запросы *shiver with* в поисковую систему Google показывают высокую частотность: 23200000 откликов на 22.05.2021 и 1040000 откликов в формате pdf на 22.05.2021 (Google Advanced Search (см. Рисунок 22)).

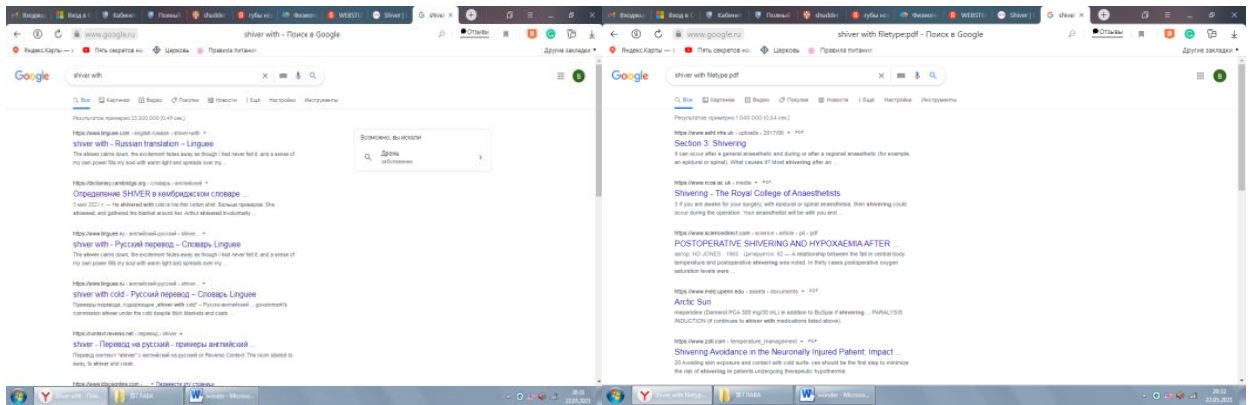

Рисунок 22 – Данные откликов поисковой системы Google на запросы для коллокации *shiver with*)

Количественные данные коллокации *shiver with*, в которой реализуется физическое действие в корпусах текстов, следующие: корпус BNC выдает 6 откликов, корпус COCA – 63. Отклик по совокупным ЛСВ *shivers*, *shivering*, *shivered*, *shiver* составляет 259 откликов в корпусе COCA и 64 отклика в корпусе BNC.

3.2.4. Семантика коллокации *quake with*

Субъектом, производящим действие, описываемое глаголом *quake*, может выступать **одушевлённое лицо**: *I quake with fear when I imagine myself committing a grave error / Я дрожу от страха, когда представляю, что совершаю серьезную ошибку*, **неодушевленный объект – действия, события, ощущения** (капли, голос, горы, листья, вид): *the mountains quake with their surging / горы дрожат от волнения*; **части тела и реже физиологические проявления** (малочастотно) (голос): *Close to tears and her voice quaking with emotion / Почти слезы, и ее голос дрожит от эмоций* [BNC; COCA].

При *визуально наблюдаемой реакции*, которая фиксируется предикатом *quake*, субъектом действия может выступать одушевленное лицо и неодушевленный объект (человек, листья, вид): *Another tree, lapalapa, has leaflets borne in clusters of three, which not only resemble leaves of quaking aspen but also quake with the slightest breeze / Еще одно дерево, лапалана, имеет листочки,*

расположенные группами по три, которые не только напоминают листья трясущейся осины, но и **сотрясаются от** легчайшего ветерка [BNC, COCA].

При кинестетической перцепции, описываемой предикатом *quake*, субъектом действия может выступать, во-первых, неодушевленный объект (горы), в таком случае глагол используется в метафорическом значении: *The mountains quake with their surging* / **Горы вздрагивают от** волнения; во-вторых, одушевленное лицо в прямом значении (человек): *Afterward, you wipe away orange makeup, apologize to network executives, and quake with surplus adrenaline unexpended* / После этого **вы** стираете оранжевый макияж, извиняетесь перед руководителями сети и **дрожите от** неизрасходованного избытка адреналина [BNC; COCA].

При аудиальной перцепции, которая описывается предикатом *quake*, субъектом действия может выступать неодушевленный объект (голос) (глагол при этом используется в прямом значении): *Close to tears and her voice is quaking with emotion* / Почти слезы, и ее **голос дрожит от** эмоций (см. Рисунок 23).

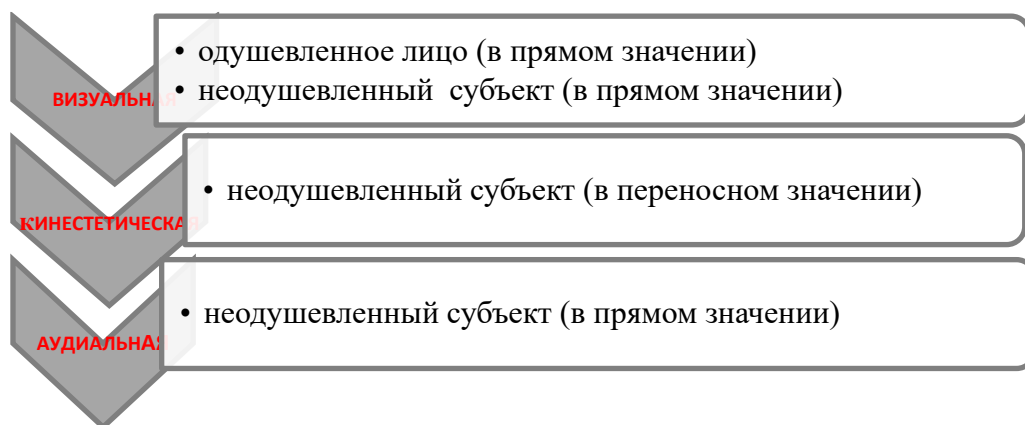

Рисунок 23 – Обобщенные данные реализации перцептивного каузатора дрожи (глагол *quake I*)

Анализ эмпирического материала показывает, что в семантике глагола *quake* заложена, во-первых, информация о длительности, тогда как такие категории вида глагола, как многократность или однократность действия, выявлены не были; во-вторых, субъектом действия может служить как

одушевленное лицо, так и неодушевленный объект: ...*my overheated skin, and watch as the drops that cling to it shiver and quake with the movements of the car/ ...моя перегретая кожа, и наблюдаю, как капли пота вздрагивают при движении машины* [BNC; COCA]. При этом лексикографические источники выделяют в качестве постоянного признака глагола *quake* его непереходность (intransitive).

Запросы в поисковую систему Google показывают высокую частотность: 34000 000 откликов на 22.05.2021 и 3530000 откликов в формате pdf на 22.05.2021 (Google Advanced Search) (см. Рисунок 24).

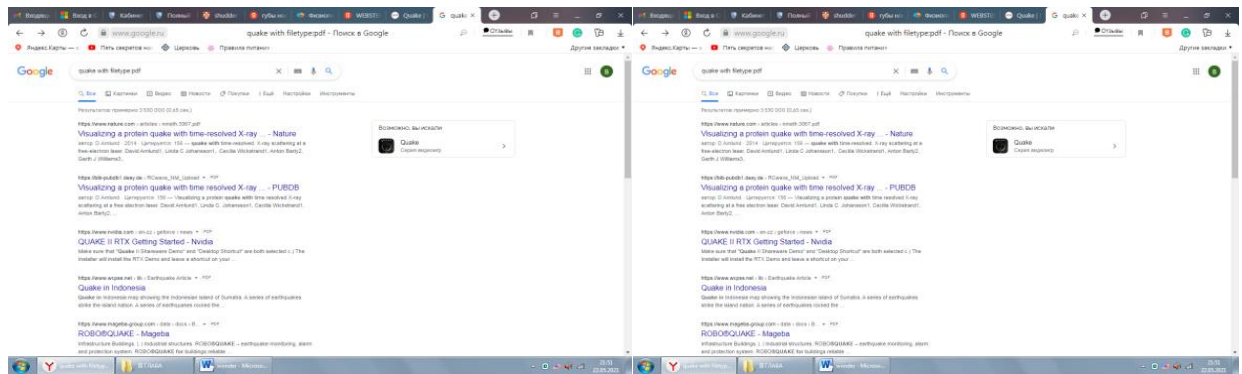

Рисунок 24 – Данные откликов поисковой системы Google на запросы для коллокации *quake with*)

Количественные данные коллокации *quake with*, в которой представлено физическое действие, показывают низкую частотность: корпус BNC выдает 3 отклика, корпус COCA – 26. Отклик по совокупным ЛСВ *quakes, quakeing, quaked, quake* составляет 83 отклика в корпусе COCA и 11 откликов в корпусе BNC.

3.2.5. Семантика коллокации *quiver with*

Субъектом, производящим действие, описываемое глаголом *quiver*, может выступать **одушевленное лицо** (человек): *I am not like you who quiver with*

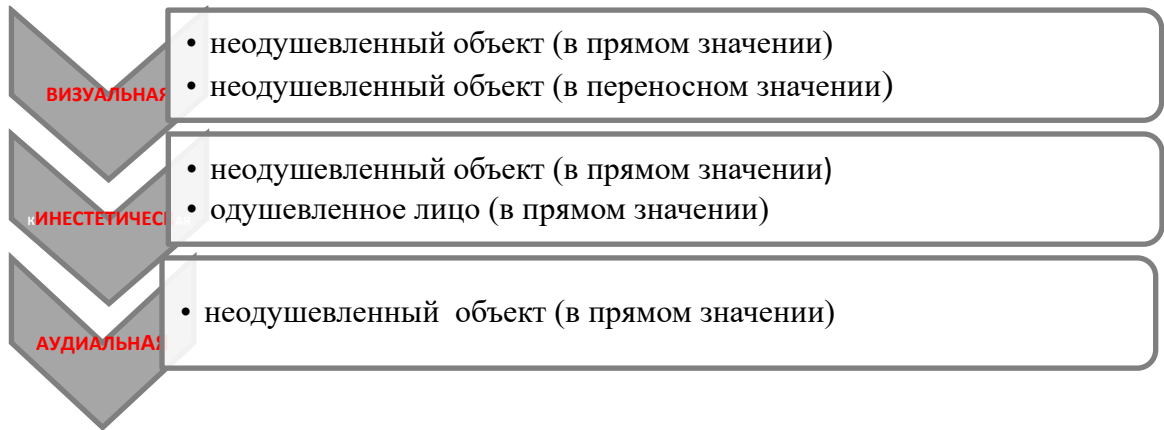

Рисунок 25 – Обобщенные данные реализации перцептивного каузатора дрожи (глагол *quiver with*) [BNC; COCA]

Анализ эмпирического материала подтверждает, что в семантике глагола *quiver* заложена информация о длительности действия: *The thought caused her to quiver with a surge of jealousy that swept through her with frightening force* / *Эта мысль заставила ее задрожать от прилива ревности, которая охватила ее с пугающей силой*, тогда как такие категории вида глагола, как многократность или однократность действия, выявлены не были.

При этом лексикографические источники выделяют как постоянный признак глагола *quiver* – переходность и непереходность (intransitive), что подтверждается эмпирическим материалом. Следовательно, глагол не маркирован с точки зрения переходности / непереходности.

Запросы *quiver with* в поисковую систему Google показывают высокую частотность: 25800000 откликов на 22.05.2021 и 435000 откликов в формате pdf на 22.05.2021 Google Advanced Search (см. Рисунок 26).

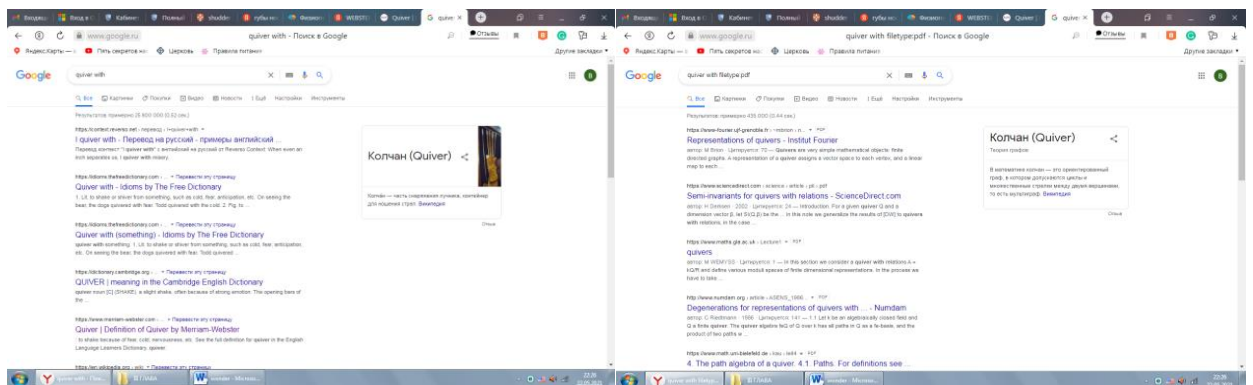

Рисунок 26 – Обобщенные данные реализации перцептивного каузатора дрожи (глагол *quiver with*)

Количественные данные коллокации *quiver with*, в которой описывается физическое действие, показывают низкую частотность: корпус BNC выдает 11 откликов, корпус COCA – 63. Отклик по совокупным ЛСВ *quivers, quivering, quivered, quiver* составляет 266 откликов в корпусе COCA и 61 отклик в корпусе BNC.

3.2.6. Семантика коллокации *shake with*

Субъектом, производящим действие, репрезентируемое глаголом *shake*, может выступать **одушевлённый субъект** (человек): *People stamp their feet or they begin to shake with rage* / *Люди топчут ногами или их начинает трясти от ярости*; **неодушевленный объект – действия, события, ощущения, предметы** (эротизм, слова, комната, хлев, земля): *Some frail, scavenging eroticism made him shake with desire* / *Какой-то хрупкий, порочный эротизм заставлял его трястись от желания*; **части тела** (тело): *Her body began to shake with mirth* / *Ее затрясло от смеха* [BNC; COCA].

Анализ эмпирического материала показывает, что все контексты употребления данного глагола связаны с описанием *визуально наблюдаемой реакции*, при этом субъектом действия в прямом и переносном значениях может выступать одушевленное лицо, неодушевленный объект или части тела: *He tried earnestly to look cheerful, but their words made him shake with fear, sweat and turn hot and cold* / *Он искренне старался выглядеть веселым, но их слова заставляли его дрожать от страха, его бросает то в жар, то в холод* (см. Рисунок 27).

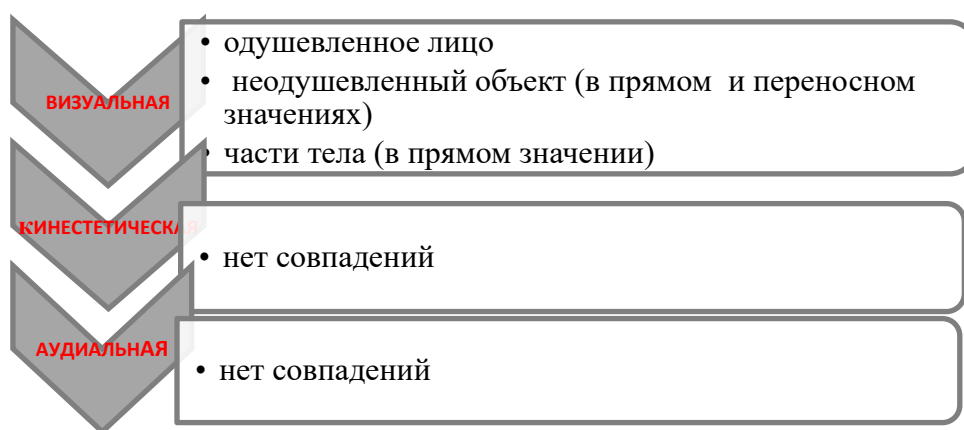

Рисунок 27 – Обобщенные данные реализации перцептивного каузатора дрожи (глагол *shake with*) [BNC; COCA]

Анализ эмпирического материала показывает, что в семантике глагола *shake* заложена информация «сотрясаться от периодических по времени и интенсивности колебательных движений», что выделяют лексикографические источники. При этом, во-первых, субъектом действия может служить одушевленное лицо и неодушевленный объект: *Her body began to shake with mirth* / *Ее затрясло от смеха*. Во-вторых, действия, выраженные глаголом *shake with*, не представляется возможным интерпретировать как **однократные**, анализ эмпирического материала показывает, что действия, выраженные глаголом *shake with*, могут быть только **длительными**: *Cowshed, with its condemned roof, seemed to shake with emotion* / *Хлев с его заброшенной крышей, казалось, трясся от волнения*. В-третьих, действия являются **многократными**: *The room seemed to shake with them* / *Комната, казалось, дрожала вместе с ними*.

При этом лексикографические источники выделяют в качестве постоянного признака глагола *shake* его непереходность и переходность (transitive / intransitive). Следовательно, глагол не маркирован с точки зрения переходности / непереходности. Запросы *shake with* в поисковую систему Google показывают наибольшую частотность среди рассматриваемых семантически близких глаголов: 36100000 откликов на 22.05.2021 и 40 000000 откликов в формате pdf на 22.05.2021 в Google Advanced Search (см. Рисунок 28).

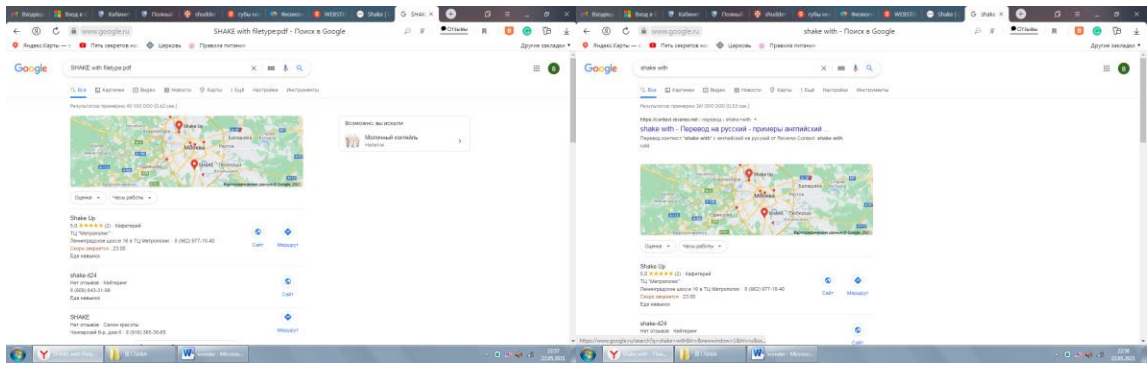

Рисунок 28 – Данные откликов поисковой системы Google на запросы для коллокации *shake with*

Количественные данные коллокации *shake with*, в которой реализуется описание физического действия, показывают наибольшую частотность и в корпусах текстов: корпус BNC выдает 8 откликов, корпус СОСА – 161. Отклик по совокупным ЛСВ *shakes, shaking, shaken, shake* составляет 953 отклика в корпусе СОСА и 193 отклика в корпусе BNC.

Таким образом, семантический анализ эмпирического материала позволяет заключить, что в семантике глагола *shudder* в первом значении заложена информация о внезапности и конвульсивности действия, субъектом действия может служить одушевленное лицо и неодушевленный объект. Действия, выраженные глаголом *shudder with*, не маркированы с точки зрения кратности, при этом источник дрожи может быть связан со всеми видами перцепции, которые каузируют реакции на положительное или отрицательное событие, вызванное как внешним, так и внутренним раздражителем, причем *с самой высокой амплитудой* из рассматриваемого семантически близкого ряда глаголов.

В семантике глагола *tremble* в первом значении заложена информация о непреднамеренности, быстроте и непрерывности (длительности) движений, каузируемых страхом, волнением, слабостью или холодом. Субъектом действия может служить одушевленное лицо и неодушевленный объект. Действия, выраженные глаголом *tremble with*, интерпретируются как длительные и многократные. Однократность действия не находит отражения в семантике глагола *tremble with*, ср., например: *The word itself made me shudder with dread /*

Само слово заставило меня *содрогнуться от* страха, где вносится информация об однократности действия. При замене глагола *shudder with* на глагол *tremble with* действие представляется как длительное: *The word itself made me tremble with dread* / ?Само слово заставило меня *содрогаться от* страха. Реализация глагола *tremble with* связана преимущественно с длительностью, что подтверждается эмпирическим материалом: *The echo of the word made me tremble* / Слово *отозвалось во мне дрожью*. Источник дрожи может быть связан со всеми видами перцепции, которые каузируют реакции на положительное или отрицательное событие, вызванное как внешним, так и внутренним раздражителем с частотой и амплитудой колебания ниже, чем у глагола *shudder*.

В семантике глагола *tremble* в первом значении заложена информация о непреднамеренности, быстроте и непрерывности (длительности) движений, каузируемых страхом, волнением, слабостью или холодом. Субъектом действия может служить одушевленное лицо и неодушевленный объект. Действия, выраженные глаголом *tremble with*, интерпретируются как длительные и многократные.

Глагол *shiver* в первом значении вносит информацию о длительности действия, источник дрожи каузирует частотнее всего произвольную реакцию, причем на положительное событие, вызванное как внешним, так и внутренним раздражителем. Дрожь возможно интерпретировать как всеобъемлющую. Субъектом, производящим действие, которое описывается глаголом *shiver*, может выступать одушевленное лицо, неодушевленный объект, части тела (малочастотно). Глагол *shiver* не реализуется, если источник дрожи связан с аудиальной перцепцией и не маркирован с точки зрения переходности / непереходности.

В семантике глагола *quake* в первом значении заложена информация о длительности действия, субъектом действия может служить одушевленное лицо и неодушевленный объект. Источник дрожи может быть связан со всеми видами перцепции, которые каузируют реакции на положительное и отрицательное событие, вызванное как внешним, так и внутренним раздражителем; при этом

наиболее частотной причиной дрожи является чувствительность. Употребляется реже по сравнению с другими семантически близкими глаголами в данном значении.

В семантике глагола *quiver* в первом значении заложена информация о длительности действия, субъектом действия может служить одушевленное лицо и неодушевленный объект. Источник дрожи может быть связан со всеми видами перцепции, которые каузируют реакции на положительное и отрицательное событие, вызванное как внешним, так и внутренним раздражителем; при этом наиболее частотной причиной дрожи является чувствительность и сильные эмоции. Употребляется реже по сравнению с другими семантически близкими глаголами в данном значении и не маркирован с точки зрения переходности / непереходности.

В семантике глагола *shake* в первом значении заложена информация о сотрясении от периодических по времени и интенсивности колебательных движений, субъектом действия может служить одушевленное лицо и неодушевленный объект. Действия, выраженные глаголом *shake with*, характеризуются как длительные и многократные, при этом источник дрожи может быть связан только с визуальной перцепцией и каузирует реакции на положительное или отрицательное событие, вызванное, как правило, внешними факторами; при этом глагол *shake with* не реализуется, если источник дрожи связан с аудиальной и кинестетической перцепцией. Следовательно, глагол *shake* не может быть семантическим ядром рассматриваемого ряда.

Возможно предположить, что метафорическое значение будут развивать наиболее часто те глаголы, в которых источник дрожи может быть связан со всеми видами перцепции, ввиду антропоцентричности языка.

3.3. Семантика синтаксической структуры *X shudders to V*

Рассмотрим развитие семантической структуры глагола *shudder*, в рамках которой происходит перераспределение между первичным (прямым) и

переносными значениями, соотносимыми с определенной синтаксической структурой: например, *X shudders to V*. С этой целью были выбраны следующие ресурсы: поисковая система Google, Google Advanced Search и данные корпусов текстов BNC и COCA.

Заданные параметры поиска, *shudder* и *shudder to*, практически однозначно отражающие распределение лексико-семантических вариантов в рамках семантической структуры слова, запрашиваются в корпусах текстов BNC, COCA и поисковой системе Google (эта система выбрана как репрезентативная – она является международной, в то время как, например, Yandex обрабатывает запросы преимущественно на постсоветском пространстве) и Google Trends. Следовательно, в первом случае подразумевается первое прямое значение слова: *Reading tomorrow's weather report makes me shudder / Я вздрогнул / меня затрясло, когда узнал о прогнозе погоды на завтра*, тогда как во втором – производное (метафорическое): *I shudder to think what I might have seen if I would arrived a few minutes later. / Я содрогаюсь при мысли о том, что я мог бы увидеть, если бы появился на несколько минут позже*. В корпусах текстов были направлены запросы на лексемы *shuddered / shudders / shudder to / shuddered to / shuddering / shudder* (с последующим «ручным» исключением конверсива-существительного).

Представляется важным отметить, что для объективности и достоверности результатов исследования требуется соблюдать строгий алгоритм поиска не только по четко заданным морфологическим параметрам, но и строго придерживаться корректного языка запросов, которые формулируются на специальном логическом языке (см. подробнее главу II). Работа в рамках двух систем данных – стандартный поисковый запрос Google и Google Advanced Search – показала бóльшую надежность второго, когда происходит разграничение значения; при экстраполяции результатов точечных поисков корпусов текстов на большие данные крайне важна точность количественных откликов поисковых систем.

В Таблице 6 представлены данные запросов Google Advanced Search на предположительно производное, метафорическое значение (*shudder to / shuddered*

to / shudders to), тогда как в Таблице 7 представлены данные стандартных запросов Google.

Таблица 6 – Данные о частотности лексемы *shudder to* (BNC, COCA, COHA, Google Advanced Search (pdf))

Лексемы	Общее количество примеров BNC/COCA	Первое значение глагола BNC/COCA	Второе значение глагола BNC/COCA	Конверсивы существительного и прилагательного BNC/COCA	Google Advanced Search (PDF) (количество единиц, соответствующее запросу лексемы)	COHA количество употреблений по заданным временным рамкам 1980/2000
<i>shudder to</i>	20 / 114	3 (15%) / 1 (1%)	16 (80%) / 110 (96%)	1 (5%) / 3 (3%)	1070000 (12% 9828) допустимо учитывать 72072	7 / 6
<i>shuddered to</i>	18 / 85	11 (61%) / 44 (52%)	7 (39%) / 41 (48%)	0% / 0%	434000 (57% 13566) допустимо учитывать 10 234	9 / 15
<i>shudders to</i>	3 / 38	1 (33%) / 19 (50%)	2 (67%) / 18 (47%)	0 / 1 (3%)	531000 (43% 7396) допустимо учитывать 9804	3 / 5
<i>shuddering to</i>		0% / 0%	0% / 0%		4740	

Представляемые поисковой системой абсолютные данные нуждаются в последующем анализе для того, чтобы количественные данные можно было трансформировать в достоверные качественные. Ручная обработка контекстов с лексемой *shudder to* в корпусах текстов COCA и BNC показала, что из абсолютных данных необходимо элиминировать примеры, в которых данная лексема является существительным (5 % (BNC) / 3 (COCA): *The shudder to no real purpose Grade / Бросает в дрожь от того, что диплом в принципе не нужен*; и примеры, которые, используя в структуре, свойственной второму значению, тем не менее выражают первое значение (15 % (BNC) / 1% (COCA) *I watched the car shudder to a halt / Я наблюдал, как машина замерла на месте*. Будем учитывать лишь только те эмпирические данные, которые представляют искомое

метафорическое (второе) значение (80 % (BNC) / 96 % (COCA): *I shudder to think how many times I check my phone* / Я содрогаюсь при мысли о том, сколько раз я проверяю свой телефон.

Таким образом, среднее арифметическое запросов во втором значении составляет 88% и 12% – среднее арифметическое на запросы в первом значении и существительные. При экстраполяции данной пропорции на результаты, полученные в системе Google, мы допускаем, что из общего числа результатов (100%) можно исключить 12%, оставив, таким образом, примеры, репрезентирующие второе искомое значение, – 72 072.

Ручная обработка контекстов с лексемой *shudderd to* в корпусах текстов COCA и BNC показала, что из абсолютных данных необходимо элиминировать примеры, которые, используя в структуре, свойственной второму значению, выражают первое значение (61 % (BNC) / 52 (COCA). мы учитываем только те эмпирические данные, которые представляют искомое метафорическое (второе) значение (32 % (BNC) / 48 % (COCA). Экстраполяция на данные поисковых систем приводит к допущению, что из общего количества результатов допустимо учитывать 10 234 единицы, выделенные поисковой системой Google.

Сходным образом анализ примеров с лексемой *shudders to* позволяет учитывать 9 804 единицы, выделенные поисковой системой Google. Следовательно, общее число откликов Google Advanced Search во втором значении, которые допустимо учитывать, составляет 92 110, тогда как общее число откликов во втором значении стандартного поиска равно 66 503 600 (см. Таблицу 7).

<i>Лексемы</i>	<i>Общее количество примеров BNC / COCA</i>	<i>Первое значение глагола BNC / COCA</i>	<i>Второе значение глагола BNC / COCA</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC / COCA</i>	<i>Google (количество единиц, соответствующее запросу лексемы) 20.02.2018</i>	<i>COHA количество употреблений по заданным временным рамкам 1980 / 2000</i>
<i>shudder to</i>	20 / 114	3 (15%) / 1 (1%)	16 (80%) / 110 (96%)	1 (5%) / 3 (3%)	13 200 000 (12% 1 584 000) допустимо учитывать 11 616 000	7 / 6
<i>shuddered to</i>	18 / 85	11 (61%) / 44 (52%)	7 (39%) / 41 (48%)	0% / 0%	19 400 000 (57% 11 058 000) допустимо учитывать 8 342 000	9 / 15
<i>shudders to</i>	3 / 38	1 (33%) / 19 (50%)	2 (67%) / 18 (47%)	0 / 1 (3%)	100 000 000 (43% 43 000 000) допустимо учитывать 57 000 000	3 / 5

Таблица 7 – Данные о частотности лексемы *shudder to* (BNC, COCA, COHA, Google)

Из количественных данных становится ясно, что точность запроса в поисковые системы является определяющей и, несомненно, влияет на результаты исследования. В Таблице 8 приведены данные по первому значению исследуемого глагола.

Таблица 8 – Данные о частотности лексемы *shudder* (BNC, COCA, COHA, Google Advanced Search (pdf))

<i>Лексемы</i>	<i>Общее количество примеров BNC / COCA</i>	<i>Первое значение глагола BNC / COCA</i>	<i>Второе значение глагола BNC / COCA</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC / COCA</i>	<i>Google Advanced Search (PDF) (количество единиц, соответствующее запросу лексемы) март 2018</i>	<i>COHA количество употреблений по заданным временным рамкам 1980 / 2000</i>
<i>Shudder</i>	302 / 1666	101 (33%) / 591 (35%)	23 (8%) / 106 (6%)	178 (59%) / 1008 (59%)	799 000 (66% 527 340) допустимо учитывать 271 660	141 / 203
<i>Shudders</i>	42 / 564	20 (48%) / 392 (70%)	2 (4%) / 13 (2%)	20 (48%) / 159 (28%)	211 000 (41% 86 510) допустимо учитывать 124 500	44 / 54
<i>Shuddered</i>	426 / 2071	409 (97%) / 1864 (90%)	62 (3%) / 207 (10%)	0% / 0%	338 000 (7% 23660) допустимо учитывать 314 400	229 / 277
<i>Shuddering</i>	203 / 755	81 (46%) / 411 (54%)	0% / 0%	122 (54%) / 344 (46%)	374 000 (50% 187000) допустимо учитывать 187 000	108 / 95

Ручная обработка контекстов с лексемой *shudder* в корпусах текстов COCA и BNC показала, что из абсолютных данных необходимо элиминировать примеры, которые являются существительными (59 % (BNC) / 59 (COCA) *I mean, you could feel a shudder* / Я имею в виду, что вас может бросить в дрожь; и примеры, которые, используя в структуре, свойственной первому значению, тем не менее выражают второе значение (8 % (BNC) / 6% (COCA): *I still shudder when I think of his reading of the lines about the conquering Greeks dashing Astyanax* / Меня все еще трясет, когда я вспоминаю сюжет о греках-завоевателях, сбросивших (со стены) Астианакта. Эмпирические данные, которые представляют первое значение, составляют (33 % (BNC) / 35 % (COCA): *The taste made me shudder. The truth was, I hated wine* / От этого вкуса меня передернуло.

Таким образом, среднее арифметическое запросов лексемы во втором значении составляет 7% и 59% – среднее арифметическое на запросы в первом значении и существительные. При экстраполяции данной пропорции на результаты, полученные в системе Google, мы допускаем, что из общего числа результатов (100%) можно исключить 66%, оставив, таким образом, примеры, репрезентирующие второе искомое значение, – 527 340 лексических единиц.

Таким же образом вычисляются количественные значения лексем *shudders*, *shuddering* и *shuddered*: *shudders* – 271 660 единиц, выделенных поисковой системой Google, лексема *shuddering* – 187 000 единиц; *shuddered* – 314 400 единиц (см. Таблицу 8).

Из проведенного анализа следует, что общее число откликов Google Advanced Search в первом значении, которые допустимо учитывать, составляет 897 560, тогда как общее число откликов в первом значении стандартного поиска – 6 714 300 (см. Таблицу 9).

Таблица 9 – Данные о частотности лексемы *shudder*
(BNC, COCA, COHA, Google)

Лексемы	Общее количество примеров BNC / COCA	Первое значение глагола BNC / COCA	Второе значение глагола BNC / COCA	Конверсивы существительного и прилагательного BNC / COCA	Google (количество единиц, соответствующее запросу лексемы) 20.02.2018	COHA количество употреблений по заданным временным рамкам 1980 / 2000
<i>Shudder</i>	302 / 1666	101 (33%) / 591 (35%)	23 (8%) / 106 (6%)	178 (59%) / 1008 (59%)	15 500 500 (66% 10 230 330) допустимо учитывать 5 270 170	141 / 203
<i>Shudders</i>	42 / 564	20 (48%) / 392 (70%)	2 (4%) / 13 (2%)	20 (48%) / 159 (28%)	2 850 000 (41% 1 168 500) допустимо учитывать 1 681 500	44 / 54
<i>Shuddered</i>	426 / 2071	409 (97%) / 1864 (90%)	62 (3%) / 207 (10%)	0% / 0%	3 960 000 (7% 277 200) допустимо учитывать 3 682 800	229 / 277
<i>Shuddering</i>	203 / 755	81 (46%) / (411) 54%	0% / 0%	122 (54%) / 344 (46%)	2 700 000 (50% 1 350 000) допустимо учитывать 1 350 000	108 / 95

Таким образом, проведенный анализ по заданным лексемам *shudder* / *shudders* / *shuddered* / *shuddering* (первое значение) и *shudder to* / *shuddered to* / *shudders to* (второе значение) в Google Advanced Search показывает 92 110 и 897 560 употреблений, выявляя в 10 раз более частотное употребление первого значения. При этом анализ по заданным лексемам *shudder shudders* / *shuddered* / *shuddering* (первое значение) и *shudder to* / *shuddered to* / *shudders to* (второе значение) выдает 6 714 300 и 66 503 600 употреблений, выявляя в 10 раз более частотное употребление второго значения. Следовательно, разные системы выдают различающиеся данные.

Такое значительное расхождение в данных свидетельствует о том, что использование мирового объема данных (большие массивы данных) при лингвистическом исследовании, а именно, анализе контекстного окружения исследуемых языковых единиц, во-первых, нуждается в строгой алгоритмизации и учете только тех данных, которые максимально исключают дублирование и предоставляются исключительно в текстовом формате (как, например, Google Advanced Search дает возможность предоставления данных только в формате pdf).

В связи с этим в настоящем исследовании мы опираемся на данные Advanced Search в формате pdf при использовании больших массивов данных.

Для теории языка оказывается важным вывод о том, что глаголы рассматриваемой группы проявляют сходную тенденцию развивать метафорическое значение. Для дифференциации значения глаголов *shudder 1* (в синтаксической модели *X shudders*) и *shudder 2* (в синтаксической модели *X shudders to V*) представляется значимым выявить и интерпретировать постоянные признаки глаголов группы типа *shudder*, заполняющих исследуемую модель *X shudders to V*.

3.3.1. Развитие семантической структуры семантически сходных глаголов, используемых в модели *X shudders to V*

На следующем этапе исследования для определения особенностей семантики значения исследуемой конструкции необходимо провести семантический анализ в рамках синтаксической модели *X shudders to V*, а именно: из корпусных данных примеров употребления глагола в исследуемой синтаксической структуре определяется правая сочетаемость глагола. Это глаголы, обозначающие:

– когнитивную деятельность типа *think: X shudders to think, imagine, say, look upon, feel, speak upon, remember, picture, find myself, name, declare, recall, record, tell, calculate, contemplate, ponder, realize, envisage, confess, ask, consider, do, wonder, speculate, know;*

– глаголы, обозначающие физическое восприятие: *look at, behold, see, hear;*

– глаголы, описывающие конкретное физическое действие: *write, type, use, sound, dine, address.*

Данные дистрибутивного анализа позволили выдвинуть гипотезу о значении данной синтаксической модели: она вносит информацию о состоянии субъекта, проявляющемся в психофизиологической реакции (*shudder*),

каузируемой его собственной когнитивной деятельностью (*to think*) / физическим восприятием (*to look at*) / (редко) собственным конкретным физическим действием (*to write*).

Ср. описание русского глагола *коробить* в работе [Крейдлин, Семенова 2016], где показано, что в русском языке принципиально иное видение ситуации, чем в английском языке: *Я с содроганием думаю* (в виде обозначения сопутствующей физиологической эмоциональной реакции), *меня трясет, когда я думаю* (субъект представляется объектом действия некоторых неподвластных ему сил), *от одной мысли о X я вздрагиваю* (мысль каузирует физиологическую реакцию).

Таким образом, модель *I shudder to think* допускает использование глаголов, вносящих информацию о когнитивной деятельности субъекта, ср.: *I shudder to think what our lives would be like / Я с содроганием думаю, какая жизнь ожидала бы нас*; и редко допускает, например, сочетаемости с глаголами, обозначающими физические действия субъекта, ср.: **I shudder to go*.

Далее, при обращении к большим массивам данных *Big Data* для определения семантических функций глаголов типа *shudder* проведен анализ частотности заполнения исследуемой модели *X shudder to think* для конкретизации смыслов, которые вносятся данными глаголами в высказывание (см. Таблицу 10).

Таблица 10 – Частотность группы глаголов типа *shudder* при точечном анализе

Глагол	Число результатов в поисковой системе Google [дата доступа: 24.08.2020]	
to shake	44 200 000	(0% 0)
to tremble	2 560 000	(25% 742400)
to shudder	1 720 000	(88% 1 513600)
to quake	1 930 000	(0% 0)
to shiver	1 530 000	(29% 443700)
to quiver	563 000	(0% 0)
to wobble	40 300	
to dodder	15 000	
to quaver	3010	

Следует отметить, что при исследовании глагольных форм не представляется возможным принимать частотные данные как абсолютные, если эмпирическим материалом исследования является аналитический язык, как в корпусах текстов, так и при обращении к большим массивам данных *Big Data*. Например, это вполне допустимо при исследовании прилагательных, когда самая высокая частотность слова, выделяемая корпусами текстов, является семантическим ядром семантически близких прилагательных (*strange, weird, odd, queer*) и подтверждается экспериментально (см. подробнее в работе [Сулейманова, Лукошус 2017]). Если принимать во внимание количественные данные слов как абсолютные, то данные, на которых будет строиться лингвистическая гипотеза, могут оказаться некорректными, что может привести к ненадлежащим выводам. Так, например, частотность употребления группы глаголов типа *shudder* в British National Corpus (BNC) распределяется следующим образом: *to shake* – 560, *to tremble* – 88, *to shiver* – 30, *to shudder* – 18, *to quiver* – 16, *to quake* – 3 [BNC: [http](http://)].

Исходя из представленных количественных данных семантическим ядром исследуемых глаголов является глагол *shake* – 560 употреблений словоформы в корпусе текстов BNC (сходная количественная доминантность глаголов фиксируется и поисковой системой Google (см. Таблицу 10). Следовательно, согласно выдвигаемой в настоящем исследовании гипотезе, глаголы с самыми высокими частотными показателями, вероятнее всего, будут более частотно подвержены метафоризации по сравнению с выделенными семантически сходными глаголами. Иными словами, наиболее вероятно метафоризации будут подвержены глаголы в такой последовательности: *shake, shiver, tremble, shudder*. При этом точечный анализ количественных данных из корпуса текстов BNC показывает, что при исследовании количественных данных заполнения метафорической модели *X shudders / trembles / shivers / shakes to V* лексемой *shake to* из корпуса текстов BNC выяснилось, что из общего количества примеров 67% представляют глагол в первом значении: *Shake to mix thoroughly before drizzling over the salad* (*Встряхните, чтобы тщательно перемешать, прежде чем*

посыпать салат) 33% примеров с глаголом *shake to* являются существительными: *He gave the horse's reins a shake to back up the buggy* (Он встряхнул поводья лошади, чтобы дать задний ход коляске), тогда как примеров, которые представляли бы метафорическое (второе) значение глагола, в корпусе текстов выявлено не было (см. подробнее Таблицы 15, 16). Иными словами, «точечный анализ» эмпирического материала показал, что глагол *shake* (самая частотная лексема из группы глаголов типа *shudder*) опровергла выдвигаемую нами гипотезу: глагол *shake* практически не подвергается метафоризации. Вместе с тем, если при исследовании глагольных форм учитывать только те количественные данные, которые точно отражают лексико-семантические варианты (ЛСВ), то есть их значения, то подобных погрешностей можно избежать, применяя точечный поиск при подсчете количественных данных лексем как в корпусе текстов, так и при применении *Big Data* в исследовании.

Данные запросов Google Advanced Search (pdf) / Расширенный поиск (формат файлов pdf) в процентном соотношении подтверждают данные, полученные из корпуса текстов BNC, и данные, полученные от информантов – носителей английского языка (см. ниже и Приложение 1). Данные запросов Google Advanced Search (pdf) фиксируют количественные данные по запрашиваемой словоформе формата pdf, что с большой вероятностью исключает повтор словоформы или погрешность в отклике искомой словоформы.

При исследовании количественных данных относительно заполнения метафорической модели *X shudders / trembles / shivers / shakes to V* глаголом *tremble to* из корпуса текстов BNC выяснилось, что из общего количества примеров 25% являются существительными: *His lips were tightly pursed, but there was a tremble to his chin* (Его губы были плотно сжаты, но подбородок дрожал), тогда как 75% представляют искомое метафорическое (второе) значение: *I tremble to think he's being lauded for a once-a-year effort* (Меня трясет при мысли, что его хвалят за то, что он делает раз в год). При этом в корпусе текстов не было выявлено примеров, которые представляли бы первое значение. Следовательно, для корректного выявления частотности конкретной словоформы *tremble to* при

использовании *Big Data* мы пропорционально исключаем из общего числа результатов 24 600 потенциальных словоупотреблений слова – т.е, 25% (6150 единиц). Таким же образом вычисляются количественные данные по словоформам *trembles to*, *trembled to*: *trembles to* – 2345 единиц, выделенных поисковой системой Google; *trembled to* – 7437 единиц (см. Таблицы 11, 12, 13).

Таблица 11 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>tremble to</i>	4	0 (%)	3 (75%)	1 (25%)	24600 (25% 6150) допустимо учитывать 18450

Таблица 12 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>trembles to</i>	2	1 (50%)	1 (50%)	0 (0%)	4690 (50% 2345) допустимо учитывать 2345

Таблица 13 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>trembled to</i>	6	4 (67%)	2 (33%)	0 (0%)	11 100 (67% 7437) допустимо учитывать 3663

<i>trembling to</i>	27	27	0	0	9540 допустимо учитывать 0
---------------------	----	----	---	---	----------------------------------

При исследовании количественных данных относительно заполнения метафорической модели *X shudders / trembles / shivers / shakes to V* глаголом *shake*

to из корпуса текстов BNC выяснилось, что из общего количества примеров 33 % являются существительными: *It has flaxseed powder in **the shake to** boost the good fat ratio* (В коктейле содержится размельченное льняное семя, чтобы повысить содержание жира), тогда как 67 % представляют первое значение: *Fill the rest of the bottle with water and **shake to** combine* (Заполните оставшуюся часть бутылки водой, встряхните и хорошо смешайте). При этом в корпусе текстов не было выявлено примеров, которые представляли бы искомое метафорическое (второе) значение, кроме примеров употребления идиоматических конструкций типа *be shaken to the core* (трещать по швам), которые также представляют первое значение. Следовательно, для корректного выявления частотности конкретной словоформы *shake to* при использовании *Big Data* мы пропорционально исключаем из общего числа результатов 15 400 потенциальных словоупотреблений слова – т.е. фактически 100% (15 400 единиц), поскольку искомого метафорического значения в представленных корпусом текстов BNC примерах зафиксировано не было. Таким же образом экстраполируем количественные данные по словоформам *shakes to*, *shook to*, *shaken to*: *shakes to* – 0 единиц, выделенных поисковой системой Google; *shook to* – 5,25 единиц; *shaken to* – 322 единиц (см. Таблицы 14, 15, 16, 17).

Таблица 14 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>shake to</i>	12	8 (67%)	0 (0%)	4 (33%)	15 400 (100% 15 400) допустимо учитывать 0

Таблица 15 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>shakes to</i>	1	0 (0%)	0 (0%)	1 (100%)	9 (100% 9) допустимо учитывать 0

Таблица 16 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>shook to</i>	3	1 (25%)	2 (75%)	0 (0%)	7 (25% 1,75) допустимо учитывать 5,25

Таблица 17 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>shaken to</i>	28	27 (99%)	1 (1%)		32 200 (99% 31 878) допустимо учитывать 322

<i>shaking to</i>	44	43	0	1	1370 допустимо учитывать 0
-------------------	----	----	---	---	----------------------------------

При исследовании количественных данных относительно употребления конструкций с глаголом *quake to* в BNC не были выявлены примеры с данным глаголом, что может свидетельствовать или о малочастотном употреблении словоформы, или о статистической погрешности. Следовательно, несмотря на тот факт, что поисковая система Google фиксирует незначительные количественные данные относительно употребления искомых глаголов, для корректного выявления частотности конкретной словоформы (*quake to* – 4280 единиц / *quakes to* – 1220 единиц / *quaked to* – 737 единиц), данные показатели будут фиксироваться как погрешность, поскольку дифференцировать глаголы в первом значении и исключить конверсивы не представляется возможным (см. Таблицы 18, 19, 20).

Таблица 18 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>quake to</i>	0	0	0	0	4280 допустимо учитывать 0

Таблица 19 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>quakes to</i>	0	0	0	0	1220 допустимо учитывать 0

Таблица 20 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>quaked to</i>	0	0	0	0	737 допустимо учитывать 0

<i>quaking to</i>	0	0	0	0	271 допустимо учитывать 0
-------------------	---	---	---	---	---------------------------------

При исследовании количественных данных относительно заполнения метафорической модели X *shudders / trembles / shivers / shakes to* V глаголом *shiver to* из корпуса текстов BNC выяснилось, что из общего количества примеров 14 % являются существительными: *The voices caused a shiver to pass through me and I looked at my clock* (Голоса вызвали у меня дрожь, и я посмотрел на свои часы), тогда как 57 % представляют первое значение: *I shivered to hear their echoing saws* (Я вздрогнула, услышав их гулкое карканье). При этом 29% представляют искомое метафорическое (второе) значение. Следовательно, для корректного выявления частотности конкретной словоформы *shiver to* при использовании Big Data мы пропорционально исключаем из общего числа результатов 15 400 потенциальных словоупотреблений слова 71% – 5524 единицы, которые составляют употребление *shiver to* в первом значении, и существительные. Таким же образом экстраполируем количественные данные по словоформам *shivers to, shivered to: shivers to* – 0 единиц, выделенных поисковой системой Google; *shivered to* – 0 единиц; *shaken to* – 322 единиц (см. Таблицы 21, 22, 23).

Таблица 21 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>shiver to</i>	7	4 (57%)	2 (29%)	1 (14 %)	7780 (71% 5524) допустимо учитывать 2256

Таблица 22 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>shivers to</i>	0	0	0	0	3800 допустимо учитывать 0

Таблица 23 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>shivered to</i>	1	1 (100)%	0	0	6280 (100% 6280) допустимо учитывать 0
<i>shivering to</i>	19	11	0	8	1880 допустимо учитывать 0

При исследовании примеров с глаголом *quiver to* в BNC были выявлены примеры только в первом значении: *Sometimes I quiver to get a drop of milk*, что может свидетельствовать или о малочастотном употреблении словоформы, или о погрешности данных Google, связанных с откликами неносителей английского языка или дисграфией пользователей. Иными словами, несмотря на то, что поисковая система Google фиксирует незначительные количественные данные по глаголу, для корректного выявления частотности конкретной словоформы (*quiver to* – 3910 единиц / *quivers to* – 5 единиц / *quivered to* – 4 единицы) указанные количественные данные будут фиксироваться как погрешность, поскольку дифференцировать глаголы в первом значении и исключить конверсивы не представляется возможным (см. Таблицы 24, 25, 26).

Таблица 24 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>quiver to</i>	1	1 (100%)	0	0	3910 (100% 3910) допустимо учитывать 0

Таблица 25 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>quivers to</i>	9	2 (22%)	7 (78%)	0%	661 (22% 5) допустимо учитывать 145

Таблица 26 – Количественные данные BNC и Google Advanced Search

	<i>Общее количество примеров BNC</i>	<i>Первое значение глагола BNC</i>	<i>Второе значение глагола BNC</i>	<i>Конверсивы существительного и прилагательного BNC</i>	<i>Google Advanced Search (PDF)</i>
<i>quivered to</i>	2	2 (100%)	7 (39%)	0%	5 (100% 5) допустимо учитывать 0

<i>quivering to</i>	0	0	0	0	3280
---------------------	---	---	---	---	------

Следовательно, если экстраполировать среднее арифметическое полученных данных поисковой системы Google на данные частотности группы глаголов типа *shudder*, выделенные корпусом текстов BNC во всех словоформах в метафорическом значении (*BNC: to shake to – 3, to tremble to – 15, to shiver to – 2, to shudder to – 30, to quiver to – 14, to quake – 0* (*Google: to shake to – 327,25, to tremble to – 24458, to shiver to – 2256, to shudder to – 92110, to quiver to – 3127, to quake to – 0*), можно из абсолютных количественных данных исключить количественные данные по глаголам в первом прямом значении глаголов и существительные.

Таким образом, количественные данные по глаголу *to shake* (88 единиц) не учитываются, поскольку точечный поиск не выявил употребления глагола в метафорическом переносном значении (см. Таблицы 14, 15, 16, 17). Следовательно, данные поисковой системы Google не учитываются.

Количественные данные по глаголу *to tremble* (10 единиц) показали, что из общего количества единиц допустимо учитывать 40%, поскольку точечный поиск выявил, что только 40% словоформ употребляется в метафорическом переносном значении – допустимо учитывать 6 единиц (см. Таблицы 11, 12, 13). Следовательно, допустимая цифра данных поисковой системы Google – 24 458 единиц.

Количественные данные по глаголу *to shiver* (8 единиц) показали, что из общего количества единиц допустимо учитывать 7%, поскольку точечный поиск выявил, что только 7% словоформ употребляется в метафорическом переносном значении – допустимо учитывать 2 единицы (см. Таблицы 21, 22, 23). Следовательно, допустимая цифра данных поисковой системы Google – 2256 единиц.

Количественные данные по глаголу *to shudder* (41 единица) показали, что из общего количества единиц допустимо учитывать 47%, поскольку точечный поиск выявил, что 47% словоформ употребляется в метафорическом переносном значении, то есть допустимо учитывать 19 единиц (см. Таблицу 6). Следовательно, допустимая цифра данных поисковой системы Google – 92110 единиц.

Количественные данные по глаголу *to quiver* (14 единиц) показали, что из общего количества единиц допустимо учитывать 29%, поскольку точечный поиск выявил, что 29% словоформ употребляется в метафорическом переносном значении, то есть допустимо учитывать 4 единицы (см. Таблицы 24, 25, 26). Следовательно, допустимая цифра данных поисковой системы Google – 1327 единиц.

Количественные данные по глаголу *to quake* (0 единиц) не учитываются, поскольку точечный поиск не выявил употребления глагола в метафорическом

переносном значении (см. Таблицы 18, 19, 20). Следовательно, данные поисковой системы Google не учитываются.

Таким образом, количественные данные корпуса текстов BNC и данные коллективного информанта – поисковая система Google подтверждают, что метафорическое значение реализуется частотнее всего с глаголом *shudder*: *BNC: to shudder to – 30, to tremble to – 15, to quiver to – 14, to shake to – 3, to shiver to – 2, to quake – 0; Google: to shudder to – 92110, to tremble to – 24458, to quiver to – 3127, to shiver to – 2256, to shake to – 327,25, to quake to – 0.*

Следовательно, если экстраполировать полученные данные на данные частотности группы глаголов типа *shudder*, выделенные корпусом текстов BNC (*to shake – 560, to tremble – 88, to shiver – 30, to shudder – 18, to quiver – 16, to quake – 3*), и данные поисковой системы Google (*to shake – 44 200 000, to tremble – 2 560 000, to shudder – 1 720 000, to quake – 1 930 000*), из абсолютных количественных данных мы элиминируем количественные данные глаголов в первом прямом значении глаголов и существительные.

Таким образом, количественные данные глагола *to shake* (560 единиц) не учитываются, поскольку точечный поиск не выявил употребления глагола в метафорическом переносном значении (см. Таблица 7). Следовательно, данные поисковой системы Google не учитываются.

Количественные данные глагола *to tremble* (88 единиц) показали, что из общего количества единиц допустимо учитывать 25%, поскольку точечный поиск выявил, что только 25% словоформ употребляется в метафорическом переносном значении – допустимо учитывать 22 единицы (см. Таблица 11). Следовательно, допустимая цифра данных поисковой системы Google – 742 400 единиц.

Количественные данные глагола *to shiver* (14 единиц) показали, что из общего количества единиц допустимо учитывать 29%, поскольку точечный поиск выявил, что только 29% словоформ употребляется в метафорическом переносном значении – допустимо учитывать 4 единицы (см. Таблицу 21). Следовательно, допустимая цифра данных поисковой системы Google – 443 700 единиц.

Количественные данные глагола *to shudder* (18 единиц) показали, что из общего количества единиц допустимо учитывать 88%, поскольку точечный поиск выявил, что 88% словоформ употребляется в метафорическом переносном значении, то есть допустимо учитывать 16 единиц (см. Таблицу 6). Следовательно, допустимая цифра данных поисковой системы Google – 1 513 600 единиц.

Количественные данные глагола *to quiver* (16 единиц) не учитываются, поскольку точечный поиск не выявил употребления глагола в метафорическом переносном значении (см. Таблицу 24). Следовательно, данные поисковой системы Google не учитываются.

Количественные данные глагола *to quake* (0 единиц) не учитываются, поскольку точечный поиск не выявил употребления глагола в метафорическом переносном значении (см. Таблицу 18). Следовательно, данные поисковой системы Google не учитываются.

Иными словами, согласно данным корпуса текстов BNC, наиболее вероятно метафоризации будут в равной степени подвержены глаголы в такой последовательности: *tremble* (22 единицы), *shudder* (16 единиц). Согласно данным «коллективного информанта» (поисковой системы Google), наиболее вероятно метафоризации будет подвержен и глагол *shudder* (1 513 600 откликов) по сравнению с *tremble* (742 000).

Таким образом, статистически обработанные, не абсолютные эмпирические данные (элиминируемые количественные данные глаголов в первом прямом значении глаголов и существительные) позволяют заключить, что *глаголы с самыми высокими частотными показателями, вероятнее всего, более часто будут подвергаться метафоризации* по сравнению с выделенными семантически сходными глаголами. При этом данные поисковых систем, ввиду большего количества эмпирических данных, по сравнению с данными корпуса текстов, предоставляют более полную семантическую картину исследуемых единиц, которая имеет место в современном английском языке.

Данные запросов Google Advanced Search / Расширенный поиск (формат файлов pdf) в процентном соотношении подтверждают данные, полученные из корпуса текстов BNC, и данные, полученные от информантов – носителей английского языка. При этом количественные данные триангуляционно подтверждают доминирование глагола *shudder* в конструкциях типа *X shudders to V*.

3.4. Анализ семантической структуры глаголов *дрожать* / *вздрагивать* / *трястись* / *содрогаться*

Семантический компонент полного описания языка представляет собой модель той части знания о языке, которая связана с отношением между лексическими единицами и миром. При реализации данной модели эмпирическим путем должны получать объяснение устанавливаемые языковые явления, такие как интегральность и дифференциальность (см. подробнее Глава I). Причем семантический компонент – лексическое описание и правила комбинирования (взаимодействия) значений слов, по которым из них формируется смысл более сложных конструкций, прежде всего предложений, – должен отличаться в зависимости от типа языка (например, синтетического и аналитического строя). Слова в предложении должны сочетаться по определенным грамматическим правилам, свойственным конкретному языку. Ввиду этого представляется значимым рассмотреть закономерности развития семантической структуры русских коррелятов исследуемых английских глаголов типа *shudder*.

Анализ эмпирических данных по английскому глаголу *shudder* позволил выдвинуть гипотезу о значении синтаксической конструкции *X shudders to V* (см. подробнее параграф 3.3.). Следовательно, с целью исчерпывающего описания русских конструкций следует определить глаголы, которые заполняют позицию предиката, и установить различия в их семантике. Обратимся к анализу семантической структуры русских глаголов группы *дрожать*.

3.4.1. Анализ лексикографического описания глаголов группы *дрожать*

Обращение к лексикографическим источникам позволяет проанализировать описание значения языковых единиц и выявить первичные изменения в их толковании. Рассмотрим описание семантики предиката *содрогаться* в толковом словаре В. Даля. В семантической структуре слова *содрогаться* (несоверш.) / *содрогнуться* (соверш.) выделяется два значения: *вздрагивать, дрогнуть внезапно* – первое значение, *приходить в трепет или в ужас, вздрогнуть от страха, негодования* – второе значение (*Сердце содрогается при всех ужасах этих*) [ТСЖВЯ].

Малый академический словарь (МАС) также выделяет в семантической структуре глагола *содрогаться* два ЛСВ *содрогаться* (несоверш.) / *содрогнуться* (соверш.): в первом значении – *дрожать, колебаться от сотрясения* (*Земля содрогается*); *приходить в волнение, трепет* (*от боли, отвращения, ужаса и т.д.*) во втором значении: [*Анна*] *сидела в том же положении, опустив голову и руки, и изредка содрогалась всем телом* [Л.Н. Толстой. *Анна Каренина*].

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой в семантической структуре глагола *содрогаться* (несоверш.) / *содрогнуться* (соверш.) также выделяется два значения: *дрожать, сотрясаться, колебаться и непроизвольно делать резкие, судорожные движения* – первое значение и *приходить в состояние крайнего волнения, испытывать внутренний трепет* – второе значение [ТССЕРЯ].

Анализ данных словарных дефиниций глагола *содрогаться* показал, во-первых, что все словари выделяют прямое и производное (метафорическое) значение (при этом выделяют видовую пару). Слово *содрогаться* в прямом значении определяется через *вздрагивать, колебаться, сотрясаться*. В производном значении определяется через *приходить в трепет или в ужас, вздрогнуть от страха, негодования, приходить в волнение, трепет* (*от боли, отвращения, ужаса и т.д.*), *приходить в состояние крайнего волнения, испытывать внутренний трепет*. Иными словами, значения определяются через синонимы и через синонимичные конструкции, ср. высказывание *приходить в*

ужас от (собственного несовершенства), которое устанавливает объективно существующую связь между действием *прийти в ужас* и каузатором этого действия *собственное несовершенство*; однако видение ситуации по сравнению с тем, как оно задается в высказывании *я содрогнулся от ужаса*, значительно отличается: здесь субъект помимо информации о наступлении неконтролируемого состояния (*ужас*) вносит информацию о сопровождающей это состояние психофизиологической реакции. Таким образом, определения в толковых словарях не являются исчерпывающими и нуждаются в уточнении.

Рассмотрим семантическую структуру слова *вздрагивать* (*несоверш.*) / *вздрагнуть* (*соверш.*) в словаре В. Даля, где выделяется два значения: *дрожать по разу, в несколько приемов (а вздрогнуть, однажды)* – первое значение (*Вздрагивать во сне*) и *подвергаться дрожи, испугу* – второе значение (*Вздрагивать от телефонного звонка*) [ТСЖВЯ].

МАС выделяет в семантической структуре единственный ЛСВ *вздрагивать* (*несоверш.*) / *вздрагнуть* (*соверш.*) – *внезапно содрогнуться, дернуться (Они подошли к обрыву. Марфенька боязливо заглянула вниз и, вздрогнув, попятилась назад* [И. А. Гончаров, *Обрыв*]).

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой в семантической структуре глагола *вздрагивать* (*несоверш.*) / *вздрагнуть* (*соверш.* однократное к глаголу *вздрагивать*) выделяется первое значение *непроизвольно делать телом резкие судорожные движения от испуга, холода и т.п.; содрогаться* и второе, переносное значение – *сотрясаться от ударов, толчков и т.п. (о предметах) и колебаться (о пламени, огне)* [ТССЕРЯ].

Таким образом, анализ словарных дефиниций глагола *вздрагивать* показал, что большинство толковых словарей выделяют видовую пару и разграничивают прямое и производное (метафорическое) значение. В семантической структуре глагола *вздрагивать* (*несоверш.*) / *вздрагнуть* (*соверш.*) выделяется несколько значений: *дрожать, внезапно содрогнуться* как первое значение и *подвергаться дрожи, испугу, сотрясаться от ударов, толчков и т.п. (о предметах) и колебаться (о пламени, огне)* как второе значение.

Как видно из дефиниций, слова определяются через синонимы и через синонимичные конструкции. Следует также отметить, что отнесение конструкций *сотрясаться от ударов* и *содрогаться от испуга* к переносному употреблению представляется не вполне оправданным. Ср.: *сотрясаться от ударов* устанавливает объективно существующую связь между неконтролируемым действием *сотрясаться* и каузатором этого действия *внешних ударов* (Земля *сотрясается*), тогда как конструкция *содрогаться от испуга* вносит информацию о наступлении неконтролируемой эмоции (*испуг*) и о сопровождающей это состояние психофизиологической реакции, то есть определения в толковых словарях не представляются исчерпывающими и фактически дублируют определения *содрогаться – вздрагивать – трястись – дрожать* (см. ниже).

В толковом словаре В. Даля в семантической структуре слова ***трястись*** выделяется два значения: *качаться, колебаться, дрожать, содрогаться всем телом, быть охваченным дрожью, ознобом* – первое значение (*Шалаши **трясётся** от ветра*) и *бояться, трепетать, опасаться, беспокоиться за кого-л., что-л.* – второе значение (*Поджилки **трясутся***) [ТСЖВЯ].

МАС выделяет три лексико-семантических варианта в его семантической структуре. В первом значении – *качаться, колебаться, дрожать* (*Ветер выл, ставни **тряслись** и стучали. Пушкин, Метель*); *бояться кого-, чего-л.; трепетать* (маркируя разговорный стиль) / *опасаться, беспокоиться за кого-л., что-л / беречь что-л., осторожно, скупно расходовать*; *дрожать* – во втором значении (***Трястись** как заяц*) и *раскачиваться, подпрыгивать* (*при тряской езде*) – в третьем значении (***Трястись** целых 100 километров*) [МАС].

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой в семантической структуре глагола ***трястись*** разграничивается два значения. Первое значение – *часто двигаться из стороны в сторону, колебаться, дрожать и испытывать страх, бояться / тщательно оберегать кого-л., что-л., боясь потерять / скупно расходовать, боясь истратить лишнее* – второе значение [ТССЕРЯ].

Анализ словарных дефиниций глагола *трястись* показал, что в его семантической структуре выделяется несколько значений: *качаться, колебаться,*

дрожать, содрогаться всем телом, быть охваченным дрожью, ознобом, часто двигаться из стороны в сторону как первое значение и подвергаться дрожи, испугу, сотрясаться от ударов, толчков и т.п. (о предметах) и бояться, трепетать, опасаться, беспокоиться за кого-л., что-л) как второе значение. Следует отметить, что производные значения глагола *трястись* стилистически маркированы, то есть стилистически не нейтральны.

В толковом словаре В. Даля в семантической структуре слова **дрожать** выделяется два значения: прямое и переносное *вздрагивать, трястись, быть в быстром колебательном движении. Человек дрожит от стужи, от страха, от скупости, и потому словом этим выражают также озноб, боязнь, скряжничество (Дрожать от холода. Дрожать над копеекой)* [ТСЖВЯ].

МАС также выделяет в семантической структуре два значения глагола **дрожать**: в первом значении – *испытывать дрожь, быть охваченным дрожью, трястись, сотрясаться (От непогоды дрожали стекла); мигать, мерцать (о свете, огне) (Солнце село; звезда зажглась и дрожит в огнистом море заката [И.С. Тургенев, Лес и степь]); звучать прерывисто, неровно (о голосе, звуках) (Голос дрожит от волнения); учащенно биться, трепетать (о сердце) (Сердце дрожит от безывестности)* и во втором значении – *бояться кого-л.; трепетать (Дрожать при виде отца); испытывать опасение, тревогу; опасаться (за кого-что) (Дрожать за своих детей); тщательно оберегать кого-л., что-л., заботиться о ком-л., чем-л. (над кем-чем) (Дрожать над детьми); беречь что-л., скупо расходовать (над чем) (Дрожать над каждой копеекой)* [МАС].

Ср. в толковом словаре Т.Ф. Ефремовой в семантической структуре глагола **дрожать** выделяется два значения: *сотрясаться, колебаться и испытывать дрожь; трястись; быть прерывистым, неровным, изменяющимся (о голосе, звуке чего-либо) – первое значение и бояться кого-либо или чего-либо; трепетать* определяет – второе значение. Слово *дрожать* может быть стилистически маркированным: *тщательно оберегать кого-либо или что-либо, заботиться о ком-либо или о чём-либо и беречь что-либо из скупости* [ТССЕРЯ].

Анализ словарных дефиниций глагола *дрожать* показал, что в его семантической структуре выделяются значения, которые реализуются в обширном диапазоне обстоятельств: *вздрагивать, трястись, быть в быстром колебательном движении, испытывать дрожь, быть охваченным дрожью, трястись, сотрясаться, мигать, мерцать, звучать прерывисто, неровно (о голосе, звуках)* как первое значение и *бояться кого-л.; трепетать, испытывать опасение, тревогу; заботиться о ком-л., чем-л., беречь что-л., скупо расходовать* как второе значение, которое стилистически маркировано, то есть стилистически не нейтрально.

Таким образом, анализ толкований значений глаголов, представленных в толковых словарях, показывает, что семантически сходные глаголы определяются друг через друга, тем самым не вносится информация об их семантической дифференциации. Из вышеприведенных дефиниций видно, что описания значений исследуемых глаголов практически совпадают, что предполагает возможность их взаимозамены. Действительно, в ряде случаев замена возможна: например, можно сказать *Я дрожу от холода / Я трясусь от холода; Земля дрожит / Земля содрогается* (при этом фиксируется стилистическое различие между высказываниями). Однако системный тест на взаимозамену показывает, что не во всех случаях взаимозамена возможна, ср.: **Я содрогнулся от радости*, в то время как конструкция *Я содрогаюсь от радости* предельно допустима. **Я дрогнул от радости*, при этом конструкция *Я дрожал от радости* вполне допустима; или **Я содрогаюсь от счастья / Меня трясет от счастья / Я дрожу от счастья / *Я вздрагиваю от счастья*, где только два из семантически сходных глаголов могут заполнять данную конструкцию. Или в высказываниях *Моя рука дрожит / *Моя рука содрогается; Меня трясет только при мысли об этом / *Меня содрогает только при мысли об этом; Меня трясет от холода / *Меня дрожит от холода / *Меня содрогает от холода*. Таким образом, примеры показывают, что существующие различия в семантике глаголов нуждаются в дополнительном исследовании.

Анализ словарных дефиниций глаголов *содрогаться* / *дрожать* / *вздрагивать* / *трястись* показал, во-первых, что в их семантической структуре выделяются по крайней мере два значения – прямое и производное (метафорическое). (Сходная ситуация имеет место и в английском языке – см. описание глагола *shudder* [Сулейманова, Демченко 2018: 469].) Во-вторых, выбранные глаголы либо получают совпадающие определения: *содрогаться* – дрогнуть внезапно, а *вздрагивать* – внезапно содрогнуться, либо определяются друг через друга – глагол *содрогаться* в первом *физическом* значении определяется толковыми словарями через *вздрагивать*, *дрогнуть внезапно*; глагол *вздрагивать*, в свою очередь, определяется через глагол *дрожать* – *по разу, в несколько приемов (вдрогнуть однажды, внезапно содрогнуться)*; глагол *дрожать* представлен через глагол *вздрагивать*, *трястись* (*быть в быстром колебательном движении*); глагол *трястись* детерминируется через глаголы *качаться*, *колебаться*, *дрожать*, *содрогаться всем телом*. Глагол *содрогаться* в производном значении (метафорическом) определяется через *вдрогнуть* (*от страха, негодования*); глагол *вздрагивать* / *вдрогнуть*, в свою очередь, через глагол *дрожать* (*подвергаться дрожи, испугу*); глагол *дрожать* представлен через глагол *вздрагивать*, *трястись* (*от страха*); глагол *трястись* детерминируется через глаголы *бояться*, *трепетать*, *опасаться*, *беспокоиться за кого-л., что-л.*

Можно предположить, что, в семантической структуре глагола *содрогаться*, который коррелирует с английским глаголом *shudder*, как показано в исследовании [Сулейманова, Демченко 2018: 466-472] (поскольку в семантике глагола *содрогаться* заложена информация о внезапности и конвульсивности действия *с самой высокой амплитудой* из рассматриваемого семантически близкого ряда глаголов), преобладает метафорическое значение (см. подробнее параграф 3.3.1.).

Словарь синонимов русского языка З.Е. Александровой [ССРЯ] предлагает следующий синонимичный ряд для группы глаголов типа *дрожать*:

– для глагола *дрожать* (1) – *трястись* / *трепетать* / *трепетаться* (разг.). Предлагаются близкие по значению слова применительно к человеку: *дрожать мелкой дрожью* (как в лихорадке); *трястись как в лихорадке*; *дрожать как осиновый лист, стучать зубами*; *труситься*; *задавать дрожжака* (прост.) и *вздрагивать*; *дрожать* (2) – *вибрировать*; *дрожать* (3) – *бояться*; *дрожать* (4) – *оберегать* [Александрова 2001: 114];

– для глагола *вздрагивать* – *содрогаться*, *сотрясаться* и о живом существе: *дёргаться*, *подергиваться* [Александрова 2001: 52];

– для глагола *трястись* (1) определяются семантически близкие глаголы *дрожать* (1); *трястись* (2) – *бояться*; *трястись* (3) – *оберегать* [Александрова 2001: 505];

– для глагола *содрогаться* (1) определяются семантически близкие глаголы *вздрагивать* и *ужасаться* [Александрова 2001: 469].

Следовательно, в рассматриваемом словаре не выделяются дифференциальные смысловые признаки и не разграничиваются значения в прямом и переносном значениях. Так, не представляется логичным выделять в один смысловой ряд прямые и переносные значения: *дрожать мелкой дрожью* (как в лихорадке) и *дрожать как осиновый лист*. Кроме того, возникает вопрос, почему при классификации не объединяются значения глагола *дрожать* (3) – *бояться* и значение глагола *дрожать* (1) – *дрожать как осиновый лист, стучать зубами*?

При обращении к *Big Data* для определения русских семантически близких глаголов группы *дрожать* в первом значении проведен анализ частотности употребления исследуемых глаголов на основании лексикографических описаний и [ССРЯ] (см. Таблицу 27). В исследовании задействованы глагольные единицы, число результатов которых превышает 500 000 совпадений.

Глагол	Число результатов в поисковой системе Yandex [дата доступа: 17.08.2020]
дрожать	3 000 000
вздрагивать	1 000 000
встрепенуться	6 000
содрогаться	535 000
трястись	2 000 000
трепетать	455 000
колыхаться	387 000
колебаться	4 000 000

При этом совокупность аутентичных текстов НКРЯ обнаруживает следующую частотность вхождения исследуемых глагольных единиц: *содрогаться* – 133, *вздрагивать* – 305, *дрожать* – 25 952, *трястись* – 411 вхождений в любом из представленных корпусом грамматических значений исследуемых глаголов [НКРЯ].

Проведенный анализ показывает, что семантические признаки группы глаголов типа *дрожать* нуждаются в уточнении, и в первую очередь представляется важным классифицировать глаголы по синтаксическим конструкциям, в которых они реализуются.

3.4.2. Дистрибутивный анализ группы глаголов *дрожать*

Исследование контекстного окружения, левой и правой сочетаемости позволило расширить представление об исследуемом глаголе. Субъектом действия, описываемого глаголом *дрожать*, может выступать **одушевлённое лицо**: *Остальные решили куда-нибудь зайти, чтобы не дрожать на ветру, открыли первую попавшуюся дверь и услышали “Катюшу”* [В.П. Аксенов. *Круглые сутки нон-стоп*]; **неодушевленный объект – действия, события, ощущения** (будка, пламя свечей, машина, елка): *Заставляя дрожать зеленоватое пламя свечей, по замку пронесся классический демонический хохот...* [Андрей

Белянин. *Свирепый ландграф*] и **части тела** (голова, руки, ноги, спина, колени, пальцы): *Я тоже молчал и ждал, пока он успокоится и у него перестанут дрожать руки* [К.Г. Паустовский. *Повесть о жизни. Время больших ожиданий*].

Так, при *визуально наблюдаемой реакции*, которая описывается предикатом *дрожать*, субъектом действия в прямом и переносном значениях может выступать одушевленное лицо, неодушевленный объект или части тела: *Не бойся, не бойся, маленький, – сказала Маргарита, стараясь смягчить свой осипший на ветру, преступный голос, – это мальчишки стёкла били. – Из рогатки? – спросил мальчик, переставая дрожать...* [М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*].

При *кинестетической перцепции* субъектом действия в прямом и переносном значениях может выступать как одушевленное лицо, так и неодушевленный объект и части тела: *У меня **сердце** стало как-то дрожать, и я понял, что страшно волнуюсь* [В. А. Каверин. *Два капитана*].

При *аудиальной перцепции* субъектом действия *дрожать* может выступать в прямом и переносном значениях одушевленное лицо и неодушевленный объект (стекла, машина, стены): *Линия фронта проходила теперь не так уж далеко: по улицам города то и дело катились с грохотом тяжёлые военные машины, заставляя **дрожать** не только **стекла**, но даже и стены дома* [С.Н. Сергеев-Ценский. *Старый врач*]. При этом аудиальная и визуально наблюдаемая реакции могут быть сопряжены: *Как вдруг **стены** начинают **дрожать** от включенного у Степаниды на полную громкость музыкального центра* [В.Г. Галактионова. *5/4 накануне*].

Анализ эмпирического материала показывает, что в семантике глагола *дрожать* представлен обширный ряд признаков и обширный ряд обстоятельств, где реализуется глагол: в первом значении заложена информация о *быстроте колебательного движения, прерывистости, неровности, внезапности*. Действия, выраженные глаголом *дрожать*, представляется возможным интерпретировать как *однократные, многократные и длительные*. Следовательно, глагол *дрожать* не маркирован с точки зрения кратности действия.

Субъектом действия, описываемого глаголом *содрогаться*, может выступать **одушевлённое лицо**: *Вот до чего эти трамваи доводят! – и, будучи, видимо, не в силах сдержать себя, **Коровьев** клюнул носом в стену рядом с зеркалом и стал **содрогаться** в рыданиях* [М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*] и **неодушевленный объект – действия, события, ощущения** (вещь, песни, вулканы, почва, жалость, сон, факты, Москва, земля): *Вся эта глупейшая, бестактная и, вероятно, политически вредная **вещь** заставила гневно **содрогаться** Павла Иосифовича, но, как это ни странно, по глазам столпившейся публики видно было, что в очень многих людях она вызвала сочувствие* [М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*].

Так, при *визуально наблюдаемой реакции*, которая описывается предикатом *содрогаться*, субъектом действия может выступать одушевленное лицо, неодушевленный объект: *Планета успокоится: погаснут вулканы, перестанет **содрогаться** земная кора* [Б.В. Ляпунов. *Неоткрытая планета*].

При *кинестетической перцепции* субъектом действия *содрогаться* может выступать как одушевленное лицо, так и неодушевленный объект: *В этот момент **ей** уже все равно, что делать – **содрогаться** от мерзопакостной атмосферы квартиры или приятно удивляться свежему ремонту. А ведь от такого горя, мучительного, безысходного, и **камни** бы должны **содрогаться*** [В.Ф. Гастелло. *Два брата*]; *И если салат я могу только отведать, а шляпку оценить, то про женские **скандалы** я могу бесконечно говорить. И **содрогаться**. Уже начинаю **содрогаться** в ожидании карточных прыжков в конце месяца* [А.Н. Болдырев. *Осадная запись*].

При *аудиальной перцепции* субъектом действия *содрогаться* может выступать одушевленное лицо (стекла, машина, стены): *Здание продолжало **содрогаться**, но тяжкий гул постепенно замирал, удаляясь* [И.А. Ефремов. *Адское пламя*]. В представленном примере аудиальная и визуально наблюдаемая реакции сопряжены.

Анализ эмпирического материала показывает, что в семантике глагола *содрогаться* представлены следующие признаки: *внезапность*,

*кратковременность, высокая амплитуда. Действия, выраженные глаголом **содрогаться**, представляется возможным интерпретировать как *однократные, многократные и длительные*; при этом содрогания охватывают все тело, например: *Царица Астис, еще продолжая **содрогаться** всем телом, откинула назад голову Элиава* [А.И. Куприн. *Суламифь*], поэтому нельзя сказать **Губы содрогаются от холода*. Кинестетическая перцепция является доминантной для данного глагола.*

Субъектом действия, описываемого глаголом *вздрагивать*, может выступать **одушевлённое лицо**: *Я начал **вздрагивать** от неожиданного звука хлопнувшей двери, стал прислушиваться ко всякому шуму, на который я раньше не обратил бы никакого внимания* [Г.А. Газданов. *Эвелина и ее друзья*], **неодушевленный объект** (вещь, крылья, лозунг, шар, метафора, смысл, дом): *Листья начали **вздрагивать** и дрожали до тех пор, пока стая не улетела* [Р.Е. Яров. *Вторая стадия*] и **части тела** (веки, плечи, тело, пальцы, маленькая ножка, брови): *Все время моросил мелкий противный дождь, сырость забивалась под пальто и заставляла зябко **вздрагивать** тело* [Е.А. Попов. *Подлинная история «Зеленых музыкантов»*].

При *визуально наблюдаемой реакции*, которая описывается глаголом *вздрагивать*, субъектом действия может выступать одушевленное лицо, неодушевленный объект и части тела: *По нездоровью не был на германской войне, не тронули его и в гражданскую, бурно перетекавшую через Ростов-Новочеркасск, четверть века размеренной умственной работы, а теперь **вздрагивать** при каждом открытии двери, дневном и ночном, – вот вызовут* [А.И. Солженицын. *Молодняк*]; *По временам наша избаушка тоже как будто начинала **вздрагивать**, и внутренность её гудела, точно пустой ящик под ветром* [В.Г. Короленко. *Мороз*] – в представленном примере аудиальная и визуально наблюдаемая реакции сопряжены.

При *кинестетической перцепции* субъектом действия *содрогаться* может выступать как одушевленное лицо, так и неодушевленный объект: *Да, не*

зазвучит душераздирающий, заставляющий каждый раз **вздрагивать** нервы, звук сирены [В.Н. Доценко. *Срок для Бешеного*].

Анализ эмпирического материала показывает, что в семантике глагола **вздрагивать** представлены следующие признаки: *спонтанность, произвольность* (в основном как реакции на стрессовые ситуации). Действия, выраженные глаголом *дрожать*, представляется возможным интерпретировать как *однократные, многократные* и *длительные*. Наиболее частотный субъект действия – части тела, при этом аудиальная перцепция не находит отражения.

Субъектом действия, описываемого глаголом *трястись*, может выступать **одушевлённое лицо**: *И этот запах неблагополучия объединит нас, и мы будем трястись в плаче, прощая друг друга* [Г.Н. Щербакова. *Ловестория*], **неодушевленный объект** (пол, машина): *Отравленный взрывом неврастении, поэт покачнулся, пол под ним перестал трястись* [М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*] и **части тела** (ноги, руки): *Он знает способ, как утихомирить эту всепоглощающую ярость, заставляющую руки трястись* [А. Маринина. *Ангелы на льду не выживают*].

Исследование показало, что практически все контексты употребления глагола *трястись* связаны с описанием визуально наблюдаемой реакции. Представлены следующие признаки: *длительность, охват всего тела* (в основном как реакции на стрессовые ситуации). Действия, выраженные глаголом *трястись*, представляется возможным интерпретировать как *длительные*.

Следовательно, если экстраполировать предложенную выше гипотезу о том, что метафорическое значение будут развивать наиболее частотно те глаголы, источник дрожи которых может быть связан со всеми видами перцепции и различными субъектами действия, данные условия применимы к глаголу *дрожать*, например: *на ресницах дрожит слеза, дрожать как осиновый лист*.

3.4.3. Глаголы, заполняющие позицию предиката в структурах типа

X дрожит от (ужаса), X содрогается от (стыда)

Как показано в работе В.В. Никитиной «побуждением к употреблению глаголов содрогаться / вздрагивать / дрожать и *трястись* является сильная эмоция (*содрогаться от отвращения*), поэтому представляется значимым проверить сочетаемость глаголов с обозначением базовых эмоций человека. Рассмотрим структуры типа *X вздрогнул от (ужаса), X дрожит от (страха)*, которые вносят информацию о физиологической реакции, вызванной эмоциями» [Никитина 2020в: 87].

Сочетаемость исследуется на материале НКРЯ, а также поисковой системы Yandex. В Таблице 28 представлены данные откликов поисковой системы на 20.08.2020 г.

Таблица 28 – Данные поисковой системы Yandex на коллокации *содрогаться от, вздрагивать от, дрожать от, трястись от*

<i>Лексемы</i>	<i>Отвращение</i>	<i>Страх</i>	<i>Злость / Радость</i>	<i>Нежность</i>	<i>Стыд / Удивление</i>	<i>Печаль / вина, / гнев / удовлетворение / интерес / благодарность</i>
<i>Содрогаться от</i>	2000	308	108 / –	4	2 / –	0 / 1 / 0 / 1 / 9 / 1
<i>Вздрагивать от</i>	344	1000	– / 163	48	– / 8	0 / 1 / 3 / 1 / 2 / 0 / 1
<i>Дрожать от</i>	668	6000	35	609		80 / 45 / 1000 / 26 / 33 / 5
<i>Трястись от</i>	9000	3000	333 / 213	3000	460 / 93	29 / 29 / 485 / 7 / 91 / 2

Изучение точечных запросов в НКРЯ на коллокации *содрогаться от* + обозначение базовых эмоций показало, что наиболее частотной коллокацией данной модели является обозначение отрицательных эмоций *страха* и *отвращения*: *Закрыв дверь каюты, он посмотрел на нее так, что, если бы дверь была живым существом, она бы содрогнулась от страха* [К. Г. Паустовский. *Кара-Бугаз*]; Ну а в Польшу пришел уже двадцатилетним, шибко боевым и на радостях, по ошибке, я напился так, что и до се содрогаюсь от отвращения и позора [В.П. Астафьев. *Веселый солдат*]

Изучение точечных запросов в НКРЯ на коллокации *вздрагивать от* + обозначение базовых эмоций показало, что наиболее частотной коллокацией данной модели является обозначение отрицательных эмоций *отвращения* и

страха: (*Уж одно, что его жена, его Кити, будет в одной комнате с девкой, заставляло его **вздрагивать от отвращения и ужаса*** [Л.Н. Толстой. *Анна Каренина*]). При этом, была выявлена коллокация с обозначением положительной эмоции *вздрагивать от радости* (*Тянь И погладил голову феникса, заставляя её крылья **вздрагивать от радости** и волнения* [*Номер один под небесами*]).

Изучение точечных запросов в НКРЯ на коллокации *дрожать от* + обозначение базовых эмоций показало, что наиболее частотной коллокацией данной модели является обозначение отрицательных эмоций **страха, отвращения** и **злости**: *Эти слова подействовали на меня грубо, я точно заржавела от них, подумала, что это уже начинается возмездие, и стала **дрожать от страха** и плакать* [А.П. Чехов. *Рассказ неизвестного человека*]; *Я чувствовал, что начинаю **дрожать от злости***. [Ф.М. Достоевский. *Село Степанчиково и его обитатели*]. Была также выявлена коллокация с обозначением положительной эмоции *дрожать от нежности*: *Глаза должны сиять от счастья и руки **дрожать от нежности*** [Е. Д. Коробихина. *Глаза должны блестеть от счастья*].

Изучение точечных запросов в НКРЯ на коллокации *трястись от* + обозначение базовых эмоций показало рандомные коллокации данной модели с обозначением отрицательных эмоций **страха, гнева, злости** и **вины**: *Нужно принимать на себя ответственность, но для этого не обязательно **трястись от страха** или чувства **вины*** [Коллективный. Форум: Умение действовать прямо [НКРЯ]; *Если она чего-то хочет, а ей не дают, она начинает **трястись от гнева**, ляскать зубами, холодеть в конечностях* [Ю.М. Нагибин. *Дневник*]; *Я давно уже перестал **трястись от злости** при виде денег – от жгучего желания все их тут же пожечь: от ненависти к идее всеобщего эквивалента вообще* [А.В. Иличевский. *Бутылка*].

Результаты точечных запросов (использование операторов «») в поисковой системе Yandex коррелируют с данными НКРЯ. Как показано в работе В.В. Никитиной, «наиболее частотны отклики коллокации **содрогаться от** с

обозначением эмоции *отвращения* (2000), *страха* (308), *злости* (10), *нежности* (4) и *стыда* (2)» [Никитина 2020в: 91].

Наиболее частотны отклики коллокации «*вздрагивать от* с обозначением эмоции *страха* (1000), *отвращения* (344), *радости* (163), *нежности* (48) и *удивления* (8)» [Там же: 91].

Самая высокая частотность откликов коллокации «*дрожать от* с обозначением эмоции *страха* (6000), *гнева* (1000), *отвращения* (668), *нежности* (609) и *радости* (35)» [Там же: 91].

Наиболее частотно откликается в поисковой системе синтаксическая модель *трястись от* с обозначением эмоции *отвращения* (9000), *страха* (3000), *нежности* (3000), *гнева* (485), *стыда* (460), *злости* (333) и *радости* (213). Можно предположить, что такая высокая частотность употребления глагола *трястись* с названиями эмоций мотивирована его стилистической маркированностью, наличием коннотативного компонента в его значении, поскольку сильные эмоции частотно сопровождаются физиологической реакцией дрожи.

Рассмотренные коллокации глаголов показали, что синтаксическая модель *содрогаться от* обозначение базовых эмоций заполняется преимущественно обозначением отрицательных эмоций отвращение, страх. При этом, результат в четыре отклика с обозначением положительной эмоции *нежность* не представляется статистически убедительным и скорее всего является авторским употреблением (*Так хочется содрогаться от нежности, от твоего дыхания, от нашей любви*).

Синтаксическая модель *вздрагивать от* + название эмоции заполняется обозначениями и отрицательных эмоций (*страх, отвращение*), и положительных (*радость, нежность, удивление*).

Синтаксическая модель *дрожать от* + название эмоции заполняется обозначением и отрицательных эмоций (*страх, отвращение*), и положительных (*нежность, радость*).

Синтаксическая модель *трястись от* + название эмоции заполняется обозначениями и отрицательных эмоций (*страх, отвращение, злость, гнев, стыд*), и положительных (*нежность, радость, удивление, интерес*).

Таким образом, исследование показало, что характер эмоции (положительная / отрицательная), видовые различия глагола, виды действия и перцепции обуславливают семантическую дифференциацию глаголов исследуемой группы.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

В Главе III представлены результаты семантического описания исследуемой модели *X shudders / trembles / shakes / quiver / shiver / quake to V* (*X содрогается / дрожит при мысли*) на основе проведения экспериментального исследования, заключающегося в когнитивной интерпретации семантических данных, выведенных экспериментальным путем при обращении к большим массивам данных и посредством анализа концептуализации неконтролируемых эмоциональных реакций протагониста в связи с осмыслением некоторого внешнего события *P*. Кроме того, проанализирована семантика глаголов *shudder / tremble / shake / quiver / shiver / quake*, используемых в данной конструкции, и семантика их русских коррелятов *дрожать, содрогаться, вздрагивать, трястись*.

Общее значение для группы глаголов типа *shudder* указывает на проявление психофизиологической реакции, которая выражается либо *физиологическим дрожанием*, возникающим в результате мышечного напряжения, утомления, охлаждения, либо *эмоциональным дрожанием*, которое возникает при эмоциональном возбуждении, сопровождаемом физиологическим дрожанием пальцев рук, губ, век, иногда головы [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/11366].

В результате исследования разграничены модели, в которых используются выделенные глаголы, и далее выделены семантические признаки, которые составили основу разграничения исследуемых глаголов: *маркированность по кратности, интенсивность и амплитуда колебаний, тип перцепции реакции и характер переживаемой эмоции.*

Семантика глагола *shudder* в первом значении вносит информацию о неконтролируемом колебательном движении тела / частей тела субъекта различного калибра (мелких и крупных), составляющих психофизиологическую реакцию, связанную с чувством *страха, ужаса, возбуждения, тоски, силы любви, восторга, отвращения, трепета и страсти* (*dread / fear / excitement / longing / force / love / delight / disgust / awe / horror / passion*). Причина дрожи может быть связана со всеми видами перцепции, которую каузирует реакции на положительное или отрицательное событие, вызванное как внешним, так и внутренним раздражителем. При этом характер переживаемой эмоции отличается высокой амплитудой: *The word itself made me shudder with dread / Само слово заставило меня содрогаться / содрогнуться от ужаса.*

Семантика глагола *shudder* во втором значении вносит информацию о частотных колебательных движениях тела / частей тела субъекта различного калибра (мелких и крупных), составляющих психофизиологическую реакцию, во-первых, связанную с собственным ментальным действием субъекта (*think, look upon, feel, speak upon, remember, picture, imagine, say, find myself, name, declare, recall, record, tell, calculate, contemplate, ponder, realize, envisage, confess, ask, consider, do, wonder, speculate, know*); во-вторых, как результат восприятия собственного физического действия (*look at, behold, see, hear*); в-третьих (редко) – физического действия (*write, type, use, sound, dine, address*). При этом характер переживаемой эмоции отличается высокой амплитудой переживаний: *I shudder to think what kind of life I should have had with him / Я содрогаюсь при мысли о том, какая бы жизнь у меня должна была быть с ним.*

Слово *tremble* в первом значении вносит информацию о быстром, неконтролируемом, непрерывном колебательном движении тела / частей тела

субъекта, составляющих психофизиологическую реакцию, связанную с широким спектром причин, которые могут каузировать психофизиологическую реакцию: чувством *смушения, тоски, волнения, шока, усталости, удовольствия, облегчения, страха, вины, напряжения, спокойствия, ненависти, чувства ужаса, предвкушения, праведности* (*embarrassment, longing, excitement, shock, fatigue, pleasure, relief, fear, guilt, exertion of stillness, hatred, rage, shame, sense of horror, anticipation, righteousness*). Причина дрожи может быть связана со всеми видами перцепции, которая каузирует реакции на положительное или отрицательное событие, вызванное как внешним, так и внутренним раздражителем. Тем не менее, когда дрожь визуальна наблюдаема, частотнее всего дрожит не целый объект, а его часть (*части тела, лица*). При этом характер переживаемой эмоции отличается меньшей амплитудой, чем у глагола *shudder*: *My lips tremble with the cold / Мои губы дрожат от холода*.

Семантика глагола *tremble* во втором значении вносит информацию о быстроте и непрерывности (длительности) колебательных движений тела / частей тела субъекта, составляющих психофизиологическую реакцию, каузируемую в связи с обстоятельствами, совпадающими с обстоятельствами, которые типичны также для глагола *shudder*. Тем не менее, характер переживаемой эмоции отличается менее высокой амплитудой переживаний по сравнению с глаголом *shudder*: *I tremble to think what would happen to his soul / Я трепещу при мысли о том, что случилось бы с его душой*.

Слово *shiver* в первом значении вносит информацию о длительности низкоамплитудных колебаний тела / частей тела субъекта, составляющих всеобъемлющую, неконтролируемую психофизиологическую реакцию преимущественно на положительное событие, вызванное как внешним, так и внутренним раздражителем, связанную с чувством *предвкушения, восторга, предчувствия, радости, ужаса, страха* (малочастотно), *вины, стыда, счастья, сексуальным удовольствием, близостью, обнаженной болью* (*horror, dread, fear, anticipation, delighted apprehension, joy, delight, dread, sexual pleasure, guilt, nearness, shame, happiness, naked hurt, desperation*): *The caress was divine and*

wicked at once, making her shiver with delighted apprehension / Ласка была божественной и порочной одновременно, заставляя ее дрожать от радостного предчувствия. При этом глагол *shiver* не реализуется, если источник дрожи связан с аудиальной перцепцией и не маркирован с точки зрения переходности / непереходности.

Семантика глагола *shiver* во втором значении вносит информацию о всеобъемлющих, произвольных колебательных движениях, составляющих психофизиологическую реакцию, в связи с собственными ментальными действиями субъекта, казулируемыми угрозой или оскорблением: *I shiver to think how little I understood* / Я содрогаюсь при мысли о факте того, как мало я понимал. Описываемая коллокация *shiver to V* малочастотна.

Несмотря на схожесть типов действия (длительность) – ср. *tremble* и *shiver*, – глаголы *quiver* и *quake* в первом значении вносят информацию о быстрых, еле ощутимых вибрирующих движениях, охватывающих все тело. Наиболее частотной причиной дрожи является чувствительность и сильные эмоции, такие как ярость, унижение, страх, ревность, чувствительность, напряжение, ревность (*rage, indignity, fear, jealous, sensibility, hope, hue, exertion, consequences, jealousy*): *I am not like you who quiver with sensibility* / Я не такой, как вы, кто трепещет от чувствительности. Комплексный анализ эмпирического материала показал, что данные глаголы употребляются реже по сравнению с другими семантически близкими глаголами в прямом значении и не маркированы с точки зрения переходности / непереходности.

Семантика глагола *quiver* во втором значении вносит информацию о еле ощутимых вибрирующих движениях, охватывающих все тело, составляющих психофизиологическую реакцию в связи с собственными ментальными действиями субъекта, при этом привносится представление о романтических обстоятельствах: *I quiver to think what kind of life I should have had with him* / Я содрогаюсь при мысли о том, какая бы жизнь у меня должна была быть с ним.

Несмотря на схожесть значений глаголов *quiver* и *quake* в первом значении, для выражения психофизиологической реакции, вызванной собственными действиями субъекта, глагол *quake* не реализуется.

Семантика глагола *shake* в первом значении вносит информацию о периодических по времени интенсивных колебательных движениях тела / частей тела субъекта, составляющих психофизиологическую реакцию, связанную с чувством *ярости, гнева, веселья, желания, злости, страха, ревности, зависти, стыда* (*rage, laughter, anger, mirth, desire, effort, emotion*): *Cowshed, with its condemned roof, seemed to shake with emotion / Хлев с его заброшенной крышей, казалось, трясся от волнения*. Тем не менее причина дрожи может быть связана только с визуальной перцепцией, вызванной, как правило, внешними факторами; при этом глагол *shake with* не реализуется, если источник дрожи связан с аудиальной и кинестетической перцепцией.

Во втором значении – при выражении психофизиологической реакции, вызванной собственными действиями субъекта, глагол *shake* не реализуется.

Таким образом, в работе представлены уточнённые описания значений исследуемых глаголов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и посвящено анализу концептуализации психофизиологической реакции протагониста, вызванной его собственными действиями, что реализуется в синтаксической структуре типа *X shudders to V*.

Эмпирическую базу исследования, содержащие в своем составе конструкции *X shudders / trembles / shakes / quivers / shivers / quakes to think* в количестве 1208; и высказывания, содержащие конструкции *X shudders / trembles / shakes / quivers / shivers / quakes*, в количестве 6029 языковых единиц (BNC, COCA, COHA, TMC, WC, CASO); а также примеры из поисковых сетевых систем Big Data на русском и английском языках.

послужили высказывания из английских и русских лексикографических источников и из статей английской и американской периодики XX–XXI вв.; корпусов текстов (Британский национальный корпус BNC, корпус современного американского варианта английского языка COCA, корпус текстов из журналов американского английского языка TMC, корпус Википедии американского английского языка WC, корпус текстов из американских сериалов CASO, НКРЯ), содержащие в своем составе конструкции *X shudders / trembles / shakes / quivers / shivers / quakes to think* в количестве 1208; и высказывания, содержащие конструкции *X shudders / trembles / shakes / quivers / shivers / quakes*, в количестве 6029 языковых единиц; а также примеры из поисковых сетевых систем Big Data на русском и английском языках.

В исследовании представлено обоснование примененной методологии, которая базируется на положениях когнитивной лингвистики, связанных, во-первых, с определением места лингвистической семантики и метаязыка описания семантической структуры языкового знака в общей системе лингвистических представлений, которые позволяют интерпретировать процессы языковой категоризации и концептуализации внеязыковой действительности

языковыми средствами; во-вторых, с пониманием структуры значения языкового знака; в-третьих, с представлениями о лингвокогнитивных аспектах значения языкового знака как информации, вносимой об объекте внеязыковой действительности и имеющей языковую релевантность; в частности, с представлением о характере взаимодействия когнитивных и языковых структур в процессе функционирования языка.

В работе также находит отражение обоснование экспериментальной методики исследования, которая базируется на комплексном триангуляционном подходе и включает *контекстный* и *дистрибутивный анализ*, *компонентный анализ* и *гипотетико-дедуктивный метод*, в основе которого лежит эксперимент [Апресян 1973; 2010; Щерба 1974; Селиверстова 1975; Сулейманова 1986]. Для теоретической лингвистики представляется значимым, что наряду с базовыми лингвистическими методиками в работе применены *методы математической статистики* [Левицкий 2007], *контент-анализ*, обосновано и верифицировано внедрение поисковых сетевых технологий *Big Data (Search и Research engines)* в семантическое исследование [Suleimanova 2020; Петрова 2018; 2019; Сулейманова, Фомина 2018; Никитина 2018; 2020].

Впервые в семантическом исследовании нашла применение комплексная верификация поисковых систем как «коллективного информанта», что, как представляется, является значимым в эру цифровизации и открывает новые возможности применительно к лингвистике. Подкрепляя данные исследования на базе корпусов текстов данными поисковой системы Google, а также данными приложения Google Trends и опросом информантов-носителей языка, исследователь получает возможность получить более точное описание выбранных лексических единиц. Необходимо отметить, что, несмотря на индивидуальные преимущества каждого метода в отдельности, для полноценного анализа семантики языковых единиц представляется значимым проводить комплексное исследование, объединяя традиционные и цифровые методы исследования. Соответственно, триангуляционная верификация необходима для получения

наиболее полных и точных представлений об изучаемых языковых единицах, их частотности, семантике и сфере употребления.

Применение комплексной методики позволило уточнить описания синтаксических конструкций типа *X shudders / trembles / shakes / quiver / shiver / quake to think* (*X содрогается / дрожит при мысли*) и семантику глаголов *shudder / tremble / shake / quiver / shiver / quake*.

Семантика исследуемых глаголов предполагает выделение таких значимых семантических компонентов, как: *маркированность по кратности действия (реакции), интенсивность и амплитуда колебаний, тип перцепции реакции и характер переживаемой эмоции*.

В процессе исследования были выделены дифференцирующие признаки как исследуемой модели, так и глаголов, входящих в ее состав.

Shudder

Семантика глагола *shudder* в первом значении вносит информацию о неконтролируемом колебательном движении тела / частей тела субъекта различного калибра (мелких и крупных), составляющих психофизиологическую реакцию, связанную с чувством *страха, ужаса, возбуждения, тоски, силы любви, восторга, отвращения, трепета и страсти* (*dread / fear / excitement / longing / force / love / delight / disgust / awe / horror / passion*). Причина дрожи может быть связана со всеми видами перцепции, которая каузирует реакции на положительное или отрицательное событие, вызванное как внешним, так и внутренним раздражителем. При этом характер переживаемой эмоции отличается высокой амплитудой: *The word itself made me shudder with dread / Само слово заставило меня содрогаться / содрогнуться от ужаса*.

Семантика глагола *shudder* во втором значении вносит информацию о частотных колебательных движениях тела / частей тела субъекта различного калибра (мелких и крупных), составляющих психофизиологическую реакцию, во-первых, связанную с собственным ментальным действием субъекта (*think, look upon, feel, speak upon, remember, picture, imagine, say, find myself, name, declare, recall, record, tell, calculate, contemplate, ponder, realize, envisage, confess, ask,*

consider, do, wonder, speculate, know); во-вторых, как результат восприятия собственного физического действия (*look at, behold, see, hear*); в-третьих (редко) – физического действия (*write, type, use, sound, dine, address*). При этом характер переживаемой эмоции отличается высокой амплитудой переживаний: *I shudder to think what kind of life I should have had with him / Я содрогаюсь при мысли о том, какая бы жизнь у меня должна была быть с ним.*

Tremble

Слово *tremble* в первом значении вносит информацию о быстром, неконтролируемом, непрерывном колебательном движении тела / частей тела субъекта, составляющих психофизиологическую реакцию, связанную с широким спектром причин, которые могут каузировать психофизиологическую реакцию: чувством смущения, тоски, волнения, шока, усталости, удовольствия, облегчения, страха, вины, напряжения, спокойствия, ненависти, чувства ужаса, предвкушения, праведности (*embarrassment, longing, excitement, shock, fatigue, pleasure, relief, fear, guilt, exertion of stillness, hatred, rage, shame, sense of horror, anticipation, righteousness*). Причина дрожи может быть связана со всеми видами перцепции, которая каузирует реакции на положительное или отрицательное событие, вызванное как внешним, так и внутренним раздражителем. Тем не менее, когда дрожь визуальна, наблюдается, частотнее всего дрожит не целый объект, а его часть (*части тела, лица*). При этом характер переживаемой эмоции отличается меньшей амплитудой, чем у глагола *shudder*: *My lips tremble with the cold / Мои губы дрожат от холода.*

Семантика глагола *tremble* во втором значении вносит информацию о быстроте и непрерывности (длительности) колебательных движений тела / частей тела субъекта, составляющих психофизиологическую реакцию, каузируемую в связи с обстоятельствами, совпадающими с обстоятельствами, которые типичны также для глагола *shudder*. Тем не менее, характер переживаемой эмоции отличается менее высокой амплитудой переживаний по сравнению с глаголом *shudder*: *I tremble to think what would happen to his soul / Я трепещу при мысли о том, что случилось бы с его душой.*

Shiver

Слово *shiver* в первом значении вносит информацию о длительности низкоамплитудных колебаний тела / частей тела субъекта, составляющих всеобъемлющую, непроизвольную психофизиологическую реакцию преимущественно на положительное событие, вызванное как внешним, так и внутренним раздражителем, связанную с чувством *предвкушения, восторга, предчувствия, радости, ужаса, страха* (малочастотно), *вины, стыда, счастья, с сексуальным удовольствием, близостью, обнаженной болью* (*horror, dread, fear, anticipation, delighted apprehension, joy, delight, dread, sexual pleasure, guilt, nearness, shame, happiness, naked hurt, desperation*): *The caress was divine and wicked at once, making her shiver with delighted apprehension* / Ласка была божественной и порочной одновременно, заставляя ее дрожать от радостного предчувствия. При этом глагол *shiver* не реализуется, если источник дрожи связан с аудиальной перцепцией и не маркирован с точки зрения переходности / непереходности.

Семантика глагола *shiver* во втором значении вносит информацию о всеобъемлющих, неконтролируемых колебательных движениях, составляющих психофизиологическую реакцию, в связи с собственными ментальными действиями субъекта, каузируемыми угрозой или оскорблением: *I shiver to think how little I understood* / Я содрогаюсь при мысли о факте того, как мало я понимал. Описываемая коллокация *shiver to V* малочастотна.

Quiver и *Quake*

Несмотря на схожесть типов действия (длительность) – ср. *tremble* и *shiver*, – глаголы *quiver* и *quake* в первом значении вносят информацию о быстрых, еле ощутимых вибрирующих движениях, охватывающих все тело. Наиболее частотной причиной дрожи является чувствительность и сильные эмоции, такие как *ярость, унижение, страх, ревность, чувствительность, напряжение, ревность* (*rage, indignity, fear, jealous, sensibility, hope, hue, exertion, consequences, jealousy*): *I am not like you who quiver with sensibility* / Я не такой, как вы, кто *трепещет* от чувствительности. Комплексный анализ

эмпирического материала показал, что данные глаголы употребляются реже по сравнению с другими семантически близкими глаголами в прямом значении и не маркированы с точки зрения переходности / непереходности.

Семантика глагола *quiver* во втором значении вносит информацию о еле ощутимых вибрирующих движениях, охватывающих все тело, составляющих психофизиологическую реакцию в связи с собственными ментальными действиями субъекта, при этом привносится представление о романтических обстоятельствах: *I quiver to think what kind of life I should have had with him / Я содрогаюсь при мысли о том, какая бы жизнь у меня должна была быть с ним.*

Несмотря на схожесть значений глаголов *quiver* и *quake* в первом значении, для выражения психофизиологической реакции, вызванной собственными действиями субъекта, глагол *quake* не реализуется.

Shake

Семантика глагола *shake* в первом значении вносит информацию о периодических по времени интенсивных колебательных движениях тела / частей тела субъекта, составляющих психофизиологическую реакцию, связанную с чувством ярости, гнева, веселья, желания, злости, страха, ревности, зависти, стыда (*rage, laughter, anger, mirth, desire, effort, emotion*): *Cowshed, with its condemned roof, seemed to shake with emotion / Хлев с его заброшенной крышей, казалось, трясся от волнения.* Тем не менее причина дрожи может быть связана только с визуальной перцепцией, вызванной, как правило, внешними факторами; при этом глагол *shake with* не реализуется, если источник дрожи связан с аудиальной и кинестетической перцепцией.

Перспективу данного исследования, как представляется, может составить исследование группы глаголов, репрезентирующих «дрожание», в переводческом аспекте.

Таким образом, были получены семантические описания на основе триангуляционной методики, базирующиеся на совокупном использовании как традиционных хорошо разработанных экспериментальных методик, в частности, гипотетико-дедуктивного метода с опорой на лингвистический эксперимент, а

также систем больших баз данных. Полученные результаты в рамках двух направлений анализа показали высокую корреляцию, что служит основанием для совместного применения данных методик при решении сходных лингвистических проблем. Следовательно, введение цифровых технологий повышает достоверность результатов и доказывает их валидность, а разработанная система верификации может быть рекомендована для дальнейшего использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Апресян Валентина Юрьевна. – Москва, 2015. – 42 с. – Текст: непосредственный.
2. Апресян, В. Ю. Разрешение неоднозначных сфер действия: лексика, прагматика, коммуникативная структура / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – 2020. – № 2. – С. 7–30. – Текст: непосредственный.
3. Апресян, В. Ю. Семантическая структура слов и их взаимодействие с отрицанием / В. Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии // Диалог-2010: труды международной конференции (Бекасово, 26-30 мая 2010 г.). – Москва, 2010. – С. 13–20. – Текст: непосредственный.
4. Апресян, Ю. Д. Значение и оттенок значения / Ю. Д. Апресян; Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Москва, 1974. – № 4. – С. 320–330. – Текст: непосредственный.
5. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – Москва, 1966. – 305 с. – Текст: непосредственный.
6. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография: Избранные труды: в 2 томах / Ю. Д. Апресян. – Т. 2. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995а. – 767 с. – Текст: непосредственный.
7. Апресян, Ю. Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слова / Ю. Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – Ленинград: Наука, 1973. – С. 279–325. – Текст: непосредственный.
8. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Избранные труды: в 2 томах / Ю. Д. Апресян. – Т. 1. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995б. – 472 с. – Текст: непосредственный.
9. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. Т. 1. – Москва: Школа «Языки русской

культуры); Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995в. – 472 с. – Текст: непосредственный.

10. Арнольд, И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования: на материале имени существительного / И. В. Арнольд. – Ленинград: Просвещение, 1966. – 123 с. – Текст: непосредственный.

11. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики / ответственный редактор В. П. Григорьев; АН СССР, Институт русского языка. – Москва: Наука, 1984. – С. 5–23. – Текст: непосредственный.

12. Арутюнова, Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1973. – Т. XXXII. – Вып. 1. – С. 84–88. – Текст: непосредственный.

13. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 383 с. – Текст: непосредственный.

14. Арутюнова, Н. Д. Речевой акт / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 412–413. – Текст: непосредственный.

15. Архипова, С. В. Компонентный анализ как метод исследования значения слова / С. В. Архипова // Актуальные проблемы искусствоведения, филологии и культурологии: материалы международной заочной научно-практической конференции (18 февр. 2013 г.). – Новосибирск: СибАК, 2013. – URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/6616-2013-02-25-04-56-34> (дата обращения: 20.10.2020). – Текст: электронный.

16. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва, 1955. – 416 с. – Текст: непосредственный.

17. Барсов, А. А. Российская грамматика / А. А. Барсов. – Москва, 1981. – 776 с. – Текст: непосредственный.

18. Белайчук, О. С. Гипотетико-дедуктивный метод для описания глаголов отрицания (пошаговое описание методики, применяемой для решения конкретной исследовательской задачи) / О. С. Белайчук // Лингвистика на рубеже эпох: доминанты и маргиналии: сборник статей / составители О. А. Сулейманова, Н. Л. Огуречникова. – Вып. 2. – Москва: МГПУ, 2004. – С. 158–176. – Текст: непосредственный.

19. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под редакцией, с вступительной статьей и комментариями Ю. С. Степанова. – Москва: Прогресс, 1974. – 448 с. – Текст: непосредственный.

20. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под редакцией, с вступительной статьей и комментариями Ю. С. Степанова. – Москва: Лингвистическое наследие XX века, 2004. – 448 с. – Текст: непосредственный.

21. Берестнев, Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте / Г. И. Берестнев. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – 27 с. – Текст: непосредственный.

22. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с. – Текст: непосредственный.

23. Богоявленская, Ю. В. Проблема типологии концептов в современной лингвистике / Ю. В. Богоявленская // Лингвокультурология. – 2013. – № 7. – С. 6–16. – Текст: непосредственный.

24. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Т. II. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 391 с. – Текст: непосредственный.

25. Болдырев, Н. Н. Исследование оценочных смыслов в контексте познавательных процессов / Н. Н. Болдырев // Язык. Текст. Дискурс: сборник научных трудов. – Ставрополь, 2010. – С. 24–32. – Текст: непосредственный.

26. Болдырев, Н. Н. Прототипы в языковой репрезентации знаний / Н. Н. Болдырев // Проблемы представления (репрезентации) в языке: Типы и форматы знаний: сборник научных трудов. – Москва: Изд-во ИЯРАН; ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. – С. 36–44. – Текст: непосредственный.

27. Бондарко, А. В. К вопросу о перцептивности / А. В. Бондарко // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой; ответственный редактор Ю. Д. Апресян. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. . – С. 276–282. – Текст: непосредственный.
28. Бондарко, А. В. Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность / А. В. Бондарко. – Москва: Наука, 2003. – 398 с. – Текст: непосредственный.
29. Бондарко, А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. – Санкт-Петербург: Наука, 1992. – 320 с. – Текст: непосредственный.
30. Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – Москва: Наука, 1982. – С. 7–85. – Текст: непосредственный.
31. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – 576 с. – Текст: непосредственный.
32. Булынина, М. М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русских и английских лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта) / М. М. Булынина. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 212 с. – Текст: непосредственный.
33. Вежбицка, А. Семантические примитивы / А. Вежбицка // Семиотика / под редакцией Ю. С. Степанова. – Москва: Радуга, 1983. – 225 с. – Текст: непосредственный.
34. Вежбицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия. / А. Вежбицкая // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – Москва: Русские словари, 1991. – С. 231–291. – Текст: непосредственный.
35. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 780 с. – Текст: непосредственный.

36. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – Москва: Языки русской культуры, 2001. – 272 с. – Текст: непосредственный.
37. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. / А. Вежбицкая. – Москва: Русские словари, 1996. – 411 с. – Текст: непосредственный.
38. Виды эмоций. Основные виды эмоций. – URL: <http://www.edu-psycho.ru/vidyemociy-osnovnye-vidy-emociy.html> (дата обращения: 15.10.2020). – Текст: электронный.
39. Виноградов, В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60–87. – Текст: непосредственный.
40. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – Москва: Высшая школа, 1972. – 614 с. – Текст: непосредственный.
41. Виноградов, В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 3–36. – Текст: непосредственный.
42. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Москва: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с. – Текст: непосредственный.
43. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. 4-е. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 260 с. – Текст: непосредственный.
44. Выготский, Л. С. Мышление и речь Текст. / Л. С. Выготский. – Москва: АСТ, 1998. – 672 с. – Текст: непосредственный.
45. Гак, В. Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) / В. Г. Гак // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – Москва: Наука, 1969. – С. 77–85. – Текст: непосредственный.
46. Гак, В. Г. Лексическое значение слова / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 1990. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/261a.html> (дата обращения: 28.03.2020). – Текст: электронный.

47. Гак, В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В. Г. Гак // Семантическая структура слова. – Москва: Наука, 1971. – С. 78–96. – Текст: непосредственный.

48. Гак, В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В. Г. Гак // Языковые преобразования. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – С. 466–480. – Текст: непосредственный.

49. Гак, В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста / В. Г. Гак // Вестник МГУ. Серия 9. – 1997. – № 3. – С. 87–95. – Текст: непосредственный.

50. Гриднева, Н. Н. Основы семантики синтаксиса: учебное пособие по теоретической грамматике английского языка / Н. Н. Гриднева. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. – 48 с. – Текст: непосредственный.

51. Гринберг, Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – Москва, 1963. – С. 60–94. – Текст: непосредственный.

52. Гулыга, Е. В. О компонентном анализе значимых единиц языка / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований. – Москва: Наука, 1976. – С. 291–314. – Текст: непосредственный.

53. Демченко (Никитина), В. В. К вопросу о «логических кругах» в лексикографической практике: компонентный анализ группы глаголов типа *shudder* / В. В. Демченко (Никитина) // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2019. – № 2(34). – С. 109–113. – Текст: непосредственный.

54. Евтеева, М. Ю. Моделирование семантической структуры глаголов широкой семантики с общим значением *делать* в естественном языке: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Евтеева Мария Юрьевна. – Москва, 2014. – 293 с. – Текст: непосредственный.

55. Евтеева, М. Ю. Семантическая структура широкозначных глаголов *tachen* и *tun* в немецком языке и их коррелятов в английском *take* и *do* / М. Ю. Евтеева // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность:

сборник статей к юбилею О. А. Сулеймановой / ответственный редактор Т. Д. Шабанова. – Москва: ФЛИНТА, 2016. – С. 87–98. – Текст: непосредственный.

56. Елисеева, О. А. Концептуализация тактильных ощущений, связанных с восприятием поверхности объекта: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Елисеева Ольга Александровна. – Москва, 2015. – 240 с. – Текст: непосредственный.

57. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. – Москва, 2006. – 248 с. – Текст: непосредственный.

58. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен; перевод с английского В. В. Пассека, С. П. Сафроновой. – Москва: Иностранная литература, 1958. – 404 с. – Текст: непосредственный.

59. Журавлев, А. П. Содержательность синтаксической формы (Синтаксический символизм) / А. П. Журавлев // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 46–57. – Текст: непосредственный.

60. Зализняк, А. А. Семантика глагола *бояться* в русском языке / А. А. Зализняк // Русская семантика в типологической перспективе. – Москва: Языки славянской культуры, 2013. – С. 68–78. – Текст: непосредственный.

61. Звегинцев, В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 321 с. – Текст: непосредственный.

62. Иванова, А. М. К проблеме изучения семантики синонимических единиц в рамках когнитивного подхода (на примере глаголов со значением «выделять / подчеркивать») / А. М. Иванова // Контенсивные аспекты языка: сборник статей к юбилею О. А. Сулеймановой / ответственный редактор Т. Д. Шабанова. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта: Наука, 2017. – С. 99–107. – Текст: непосредственный.

63. Иванова, А. М. Проблема концептуализации ментальных процессов, связанных с «выделением/подчёркиванием» в естественном языке: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Иванова Анна Михайловна. – Москва, 2011. – 194 с. – Текст: непосредственный.

64. Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология / Е. П. Ильин. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 454 с. – Текст: непосредственный.

65. Ильчук, Е. В. Мышление и восприятие сквозь призму языка: на материале английского языка: монография / Е. В. Ильчук. – Москва: Прометей, 2004. – 264 с. – Текст: непосредственный.

66. Иомдин, Б. Л. Валентности русских предикатных существительных и микросинтаксические конструкции / Б. Л. Иомдин, Л. Л. Иомдин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». – Вып. 13(20). – Москва: Изд-во РГГУ, 2014. – С. 219–231. – Текст: непосредственный.

67. Камшилова, О. Н. Семантико-синтаксическая организация предложений с модусными предикатами: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Камшилова Ольга Николаевна. – Ленинград, 1984. – 194 с. – Текст: непосредственный.

68. Карасик, В. И. Антология концептов / В. И. Карасик, И. А. Стернин. – Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с. – Текст: непосредственный.

69. Карданова, К. С. Психолингвистическое моделирование структур общественного сознания: к разработке методологии / К. С. Карданова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 557. – С. 42–56. – Текст: непосредственный.

70. Кацнельсон, С. Д. О грамматической категории / С. Д. Кацнельсон // Вестник Ленинградского университета. – 1948. – № 2. – С. 114–134. – Текст: непосредственный.

71. Кибрик, А. Е. и др. Багвалинский язык: грамматика, тексты, словарь / под редакцией А. Е. Кибрика, К. И. Казенина, Е. А. Лютикова. – Москва: Наследие, 2001. – 929 с. – Текст: непосредственный.

72. Кошарная, Г. Б. Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования / Г. Б. Кошарная, В. П. Кошарный //

Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 2(38). – С. 117–122. – Текст: непосредственный.

73. Крейдлин, Г. Е. Восприятие неприятного в русской языковой картине мира: глагол *коробить* / Г. Е. Крейдлин, А. В. Семенова // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сборник статей к юбилею О. А. Сулеймановой / ответственный редактор Т. Д. Шабанова. – Москва: ФЛИНТА, 2016. – С. 128–147. – Текст: непосредственный.

74. Крейдлин, Г. Е. Таксономия и аксиология в языке и тексте / Г. Е. Крейдлин // Логический анализ языка: Ментальные действия / ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – Москва: Наука, 1993. – С. 30–40. – Текст: непосредственный.

75. Кронгауз, М. А. Семантика: учебник для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений / М. А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Изд. центр «Академия», 2005. – 352 с. – Текст: непосредственный.

76. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва: ИПО «Лев Толстой», 1996. – 248 с. – Текст: непосредственный.

77. Кузнецов, А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А. М. Кузнецов. – Москва: Наука, 1986. – 62 с. – Текст: непосредственный.

78. Кузьмина, С. Е. Понятие «синтаксический концепт» в лингвистических исследованиях / С. Е. Кузьмина // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2012. – № 17(271). – С. 87–90. – Текст: непосредственный.

79. Левицкий, В. В. Квантитативные методы в лингвистике: монография / В. В. Левицкий. – Винница: Нова Книга, 2007. – 259 с. – Текст: непосредственный.

80. Левицкий, В. В. Экспериментальные методы в семасиологии / В. В. Левицкий, И. А. Стернин. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1989. – 192 с. – Текст: непосредственный.

81. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – Москва, 2005. – 287 с. – Текст: непосредственный.

82. Лич, Дж. К теории и практике семантического эксперимента / Дж. Лич // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. – Москва: Прогресс, 1983. – С. 108–132. – Текст: непосредственный.

83. Лось, А. Л. Когнитивная интерпретация как способ анализа различий в значениях слов, репрезентирующих аудиальную перцепцию / А. Л. Лось // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2(41). – С. 249–253. – Текст: непосредственный.

84. Лось, А. Л. Когнитивные основы связи зрительной и аудиальной перцепции (на материале русского языка) / А. Л. Лось // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3-1(81). – С. 131–134. – Текст: непосредственный.

85. Лось, А. Л. Проблема определения когнитивных составляющих модели перцептивного опыта / А. Л. Лось // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 34. – С. 161–164. – Текст: непосредственный.

86. Лукошус, О. А. Проблема выделения инварианта в семантической структуре многозначных прилагательных с общим значением «настоящий»: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лукошус Оксана Геннадьевна. – Москва, 2015. – 203 с. – Текст: непосредственный.

87. Маклаков, А. Г. Общая психология: учебник для вузов / А. Г. Маклаков. – Санкт-Петербург: Питер, 2016. – 583 с. – Текст: непосредственный.

88. Маркин, В. И. Понятие (в логике) / В. И. Маркин // Фонд знаний «Ломоносов». – URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0128244> (дата обращения: 04.03.2020). – Текст: электронный.

89. Маслов, Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в русском языке / Ю. С. Маслов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1948. – Т. VII. – С. 303–316. – Текст: непосредственный.

90. Медетов, А. А. Термин Big Data и способы его применения / А. А. Медетов // Молодой ученый. – 2016. – № 11(115). – С. 207–210. – Текст: непосредственный.

91. Никитина, В. В. Возможности и верификационный потенциал поисковых систем (Big Data) при проведении семантического исследования / В. В. Никитина // Когнитивные исследования языка. – 2020а. – № 2(41). – С. 853–859. – Текст: непосредственный.

92. Никитина, В. В. Проблема разграничения: значение vs смысл vs понятие vs концепт как метаязык описания семантической структуры языкового знака / В. В. Никитина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020б. – Т. 13. – Вып. 6. – С. 238–242. – Текст: непосредственный.

93. Никитина, В. В. Семантика глаголов, описывающих физические проявления эмоций: *вздрагивать, содрогаться* / В. В. Никитина // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2020в. – Вып. 6. – № 3. – С. 85–93. – Текст: непосредственный.

94. Омельченко, С. Р. Функционально-семантическая характеристика русских ментальных глаголов / С. Р. Омельченко // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 31. – С. 217–229. – Текст: непосредственный.

95. Павленко, В. Г. Когнитивно-семантические и структурные свойства лексических единиц мыслительной деятельности в английском языке: специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Павленко Вероника Геннадиевна. – Пятигорск, 2013. – 29 с. – Текст: непосредственный.

96. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений): монография / Е. В. Падучева. – Москва: Наука, 1985. – 272 с. – Текст: непосредственный.

97. Падучева, Е. В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2010. – № 6. – С. 133–138. – Текст: непосредственный.

98. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е. В. Падучева. – Москва: Наука, 1974. – 270 с. – Текст: непосредственный.

99. Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке: Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 464 с. – Текст: непосредственный.

100. Паршин, П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века / П. Б. Паршин // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19–42. – Текст: непосредственный.

101. Петрова, И. М. Когнитивный аспект корпусного исследования структурной вариативности английских глагольных конверсоров / И. М. Петрова // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2(41). – С. 869–872. – Текст: непосредственный.

102. Петрова, И. М. Потенциал поисковой системы Google при проведении исследований в рамках когнитивной корпусной лингвистики / И. М. Петрова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – № 5(3). – С. 127–142. – Текст: непосредственный.

103. Петрова, И. М. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений / И. М. Петрова, О. А. Сулейманова // Филология: научные исследования. – 2018. – С. 52–64. – Текст: непосредственный.

104. Петрова, Н. Е. Концептуализация знания перцептивной лексикой полей «видеть» и «слышать» / Н. Е. Петрова // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3(46). – С. 213–216. – Текст: непосредственный.

105. Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. – Москва: Наука, 1968. – 376 с. – Текст: непосредственный.

106. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика. Лингвистика и межкультурная коммуникация / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва: АСТ – Восток-Запад, 2007. – 314 с. (Золотая серия). – Текст: непосредственный.

107. Попова, З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов: в 2 томах / под редакцией В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 7–10. – Текст: непосредственный.

108. Попова, З. Д. Синтаксический концепт и межкультурная коммуникация / З. Д. Попова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 2. – С. 27–31. – Текст: непосредственный.

109. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – Москва: Флинта, 2009. – 176 с. – Текст: непосредственный.

110. Пушкин, А. С. Я Вас любил / А. С. Пушкин. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 525 с. – Текст: непосредственный.

111. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней. – Т. 4: От романтизма до наших дней / под редакцией А. Антисери, Дж. Реале; перевод С. А. Мальцевой. – Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 774 с. – Текст: непосредственный.

112. Селезнёва, Е. С. О некоторых особенностях средств выражения модальности сомнительной оценки (на материале английского, французского и русского языков) / Е. С. Селезнёва // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 1. Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики: сборник научных трудов / под редакцией Б.В. Кашкина. – Воронеж, 1999. – С. 74–80. – Текст: непосредственный.

113. Селиверстова, О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки / О. Н. Селиверстова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 12–26. – Текст: непосредственный.

114. Селиверстова, О. Н. Компонентный анализ многозначных слов / О. Н. Селиверстова. – Москва: Наука, 1975. – 240 с. – Текст: непосредственный.

115. Селиверстова, О. Н. Некоторые типы семантических гипотез и их верификация / О. Н. Селиверстова // Гипотеза в современной лингвистике. – Москва: Наука, 1980. – С. 262–318. – Текст: непосредственный.

116. Селиверстова, О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания / О. Н. Селиверстова // Принципы и методы семантических исследований. – Москва: Наука, 1976. – С. 119–146. – Текст: непосредственный.

117. Селиверстова, О. Н. Семантические типы предикатов / О. Н. Селиверстова. – Москва: Наука, 1982. – 365 с. – Текст: непосредственный.

118. Селиверстова, О. Н. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом быть / О. Н. Селиверстова // Вопросы языкознания. – 1973. – № 5. – С. 95–105. – Текст: непосредственный.

119. Селиверстова, О. Н. Семантический анализ слов типа "все, all" и типа "кто-нибудь, some" в русском и английском языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Селиверстова Ольга Николаевна. – Москва, 1966. – 153 с. – Текст: непосредственный.

120. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с. – Текст: непосредственный.

121. Селиверстова, О. Н. Эксперимент в семантике / О. Н. Селиверстова, О. А. Сулейманова // Серия литературы и языка. – 1988. – Т. 47. – № 5. – С. 431–443. – Текст: непосредственный.

122. Семенова, Т. И. Семантика и синтаксис конструкций с предикатами страха в современном английском языке: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Семенова Татьяна Ивановна. – Иркутск, 1993. – 200 с. – Текст: непосредственный.

123. Слышкин, Г. Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – Москва: Academia, 2000. – 125 с. – Текст: непосредственный.

124. Солганик, Г. Я. Очерки модального синтаксиса / Г. Я. Солганик. – Москва: Флинта: Наука, 2010. – 136 с. – Текст: непосредственный.

125. Соссюр, Ф. де. Общий курс лингвистики / Ф. де Соссюр; редакторы Ш. Балли и А. Сеше; перевод с французского А. Сухотина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с. – Текст: непосредственный.
126. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка / Ю. С. Степанов. – Москва: Наука, 1985. – 335 с. – Текст: непосредственный.
127. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов; АН СССР, Институт языкознания. – Москва: Наука, 1981. – 360 с. – Текст: непосредственный.
128. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с. – Текст: непосредственный.
129. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – Москва: Языки славянских культур, 2007. – 248 с. – Текст: непосредственный.
130. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – Москва: Наука, 1975. – 313 с. – Текст: непосредственный.
131. Степанов, Ю. С. Понятие / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 1990. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/383e.html> (дата обращения: 28.03.2020). – Текст: электронный.
132. Степанов, Ю. С. Проблема общего метода современной лингвистики / Ю. С. Степанов // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11-16 нояб. 1974 г.): тезисы докладов. – Москва, 1974. – С. 134–140. – Текст: непосредственный.
133. Степин, В. С. Новая философская энциклопедия: в 4 томах / В. С. Степин; Институт философии РАН, Национальный общественно-научный фонд. – Т. 2. – Москва: Мысль, 2010. – 634 с. – Текст: непосредственный.
134. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 1985. – 171 с. – Текст: непосредственный.

135. Сулейманова, О. А. Верификационный потенциал семантического эксперимента / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2017. – № 2(34). – С. 15–28. – Текст: непосредственный.

136. Сулейманова, О. А. Вопросы лексикографического портретирования слов с общим значением *странный* / О. А. Сулейманова, О. Г. Лукошус // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 4-1(70). – С. 179–185. – Текст: непосредственный.

137. Сулейманова, О. А. Значение языкового знака как лингвистическая константа / О. А. Сулейманова, О. Г. Лукошус // Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Красноярск: Инновационный центр развития образования и науки, 2015. – С. 78–83. – Текст: непосредственный.

138. Сулейманова, О. А. Использование *big data* в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола *shudder* / О. А. Сулейманова, В. В. Демченко // Когнитивные исследования языка. – Выпуск XXXII: Когнитивные исследования в гуманитарных науках / ответственный редактор Л. В. Бабина. – Тамбов: Принт-Сервис, 2018. – С. 466–472. – Текст: непосредственный.

139. Сулейманова, О. А. К обоснованию экспериментальной методики в семантике / О. А. Сулейманова // Грамматические и семантические исследования языков разных систем. – Калинин: КГУ, 1986. – С. 142–151. – Текст: непосредственный.

140. Сулейманова, О. А. Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы *весь / целый* и *all / whole*: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. А. Сулейманова. – Москва: АН СССР Ин-т языкозн. АН СССР, 1985. – 190 с. – Текст: непосредственный.

141. Сулейманова, О. А. Принципы и методы лингвистических исследований / О. А. Сулейманова, М. Ф. Фомина, И. В. Тивьяева. – Москва: Языки народов мира, 2020. – 352 с. – Текст: непосредственный.

142. Сулейманова, О. А. Принципы и методы семантических исследований / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина. – Москва: МГПУ, 2010. – 120 с. – Текст: непосредственный.

143. Сулейманова, О. А. Проблема разработки метаязыка семантического описания в современной лингвистике / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина // Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе / под общей редакцией О. А. Сулеймановой. – Москва: Флинта, 2018. – С. 163–176. – Текст: непосредственный.

144. Сулейманова, О. А. Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений: монография / О. А. Сулейманова. – Москва: Диалог-МГУ, 1999. – 222 с. – Текст: непосредственный.

145. Сулейманова, О. А. Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra / О. А. Сулейманова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – № 2(12). – С. 60–68. – Текст: непосредственный.

146. Сулейманова, О. А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их корреляты: специальности 10.02.19 «Теория языка», 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Сулейманова Ольга Аркадьевна. – Москва, 2000. – 332 с. – Текст: непосредственный.

147. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с. – Текст: непосредственный.

148. Телия, В. Н. Фразеология в контексте культуры / В. Н. Телия. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 326 с. – Текст: непосредственный.

149. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – Москва: Прогресс, 1988. – 653 с. – Текст: непосредственный.

150. Трухановская, Н. С. Метонимический сдвиг при концептуализации денотативной ситуации (в сфере предикатов физического воздействия): специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Трухановская Наталья Сергеевна. – Москва, 2009. – 280 с. – Текст: непосредственный.

151. Усонене, А. М. Семантика предикатов с глаголами see и look: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Усонене Аурелия Медардовна. – Москва, 1983. – 183 с. – Текст: непосредственный.

152. Филлмор, Ч. Дело о падеже открывается вновь / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. – Вып. X. – Москва: Прогресс, 1981. – С. 496–530. – Текст: непосредственный.

153. Фомина, М. А. Концептуализация «пустого» в языковой картине мира: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Фомина Марина Аркадьевна. – Москва, 2009. – 217 с. – Текст: непосредственный.

154. Фомина, М. А. Концептуализация «пустого» в английском языке (empty, free, blank, spare, unoccupied, vacant и void) / М. А. Фомина // Вестник Московского государственного лингвистического университета (Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты). Серия: Лингвистика. – 2007. – Вып. 541. – С. 272–281. – Текст: непосредственный.

155. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге; перевод Е. Э. Разлоговой // Семиотика и информатика. – 1977. – № 8. – С. 181–210. – Текст: непосредственный.

156. Фролова, О. Е. О концептуализации эмоций (на примере глаголов и предикативных выражений, описывающих эмоциональные состояния) / О. Е. Фролова // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: материалы международной конференции. – Москва; Ярославль: Канцлер, 2018. – С. 134–141. – Текст: непосредственный.

157. Фрумкина, Р. М. Об отношениях между объектами и методами изучения в современной семантике / Р. М. Фрумкина // Семиотика и

информатика. – Вып. 11. – Москва: ВИНТИ, 1979. – С. 149–174. – Текст: непосредственный.

158. Холодова, Д. Д. Предикаты «бесперспективного протекания»: семантический и прагматический анализ: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Холодова Дарья Дмитриевна. – Москва, 2015. – 189 с. – Текст: непосредственный.

159. Худяков, А. А. Теоретическая грамматика английского языка / А. А. Худяков. – Москва: Изд. центр «Академия», 2005. – 253 с. – Текст: непосредственный.

160. Цыганская, О. Г. Синтаксический концепт: критерии и методы анализа / О. Г. Цыганская, Т. Г. Борисова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 2. – С. 119–123. – Текст: непосредственный.

161. Чалей, О. В. Когнитивный подход в изучении метафорической концептуализации / О. В. Чалей // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 34. – С. 771–774. – Текст: непосредственный.

162. Чаплин, Е. В. Когнитивная интерпретация акта говорения в естественном языке: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чаплин Евгений Владимирович. – Москва, 2020. – 246 с. – Текст: непосредственный.

163. Чейф, У. Значение и структура языка / У. Чейф. – Москва, 1975. – 432 с. – Текст: непосредственный.

164. Шабанова, Т. Д. Семантическая модель английских глаголов зрения. Теоретико-экспериментальное исследование / Т. Д. Шабанова. – Уфа: Восточный университет, 1998. – 198 с. – Текст: непосредственный.

165. Шаронов, И. А. Назад к междометиям / И. А. Шаронов // Диалог – 2004: труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – Москва, 2004. – С. 600–665. – Текст: непосредственный.

166. Шаронов, И. А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание

ученой степени доктора филологических наук / Шаронов Игорь Алексеевич. – Москва, 2009. – 36 с. – Текст: непосредственный.

167. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова / И. Б. Шатуновский. – Москва: Едиториал УРСС, 1996. – 404 с. – Текст: непосредственный.

168. Шведова, Н. Ю. Русская грамматика. Синтаксис / под редакцией Н. Ю. Шведовой. – Т. II. – Москва: Наука, 1980. – 662 с. – Текст: непосредственный.

169. Шевченко, И. С. Избранные труды по лингвистике: монография / И. С. Шевченко, Г. Г. Почепцов. – Винница: Нова книга, 2013. – 391 с. – Текст: непосредственный.

170. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – Москва: Просвещение, 1977. – 335 с. – Текст: непосредственный.

171. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград, 1974. – С. 24–39. – Текст: непосредственный.

172. Экман, П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь / П. Экман; перевод с английского. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 336 с. – Текст: непосредственный.

173. Bendix, Edward H. Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese / Edward H. Bendix // Foundations of language. – Springer, 1972. – Vol. 8. – № 3. – P. 421–435. – Text: direct.

174. Bolinger, D. Truth is a linguistic question / D. Bolinger // Language. – Baltimore, 1973. – Vol. 49. – № 3. – P. 539–550. – Text: direct.

175. Bondarko, A. V. О Stratifikatsii Semantiki [About Stratification of Semantics] / A. V. Bondarko // General Linguistics: Proceedings of readings devoted to 90-th anniversary of S. D. Katsnelson. – St. Petersburg, 1998. – P. 51–63. – Text: direct.

176. Carnap, R. Meaning and Necessity / R. Carnap // A study in semantics and modal logic. – Chicago: University of Chicago Press, 1988. – P. 3–6. – Text: direct.

177. Curme, G. O. English grammar / G. O. Curme. – New York: Barnes & Noble Books, 1925. – 328 p. – Text: direct.
178. Denzin, N. K. The Research Act / N. K. Denzin. – Chicago: Aldine, 1970. – Text: direct.
179. Dik, S. C. Studies in Functional Grammar L / S. C. Dik // Academic Press Inc., 1980. – 245 p. – Text: direct.
180. Dik, S. C. The Theory of Functional Grammar. Part 1 / S. C. Dik // The Structure of the Clause. – Dordrecht: Foris, 1989. – 200 p. – Text: direct.
181. Faber, P. Constructing a Lexicon of English Verbs / P. Faber, R. Mairal Usòn. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. – 104 p. – Text: direct.
182. Felices, Lago A. Reformulation of the domain-level semantic pattern of axiological evaluation in the lexicon of English verbs / Lago A. Felices // Hermes: Journal of Linguistics. – 2003. – № 30. – P. 1179–1198. – Text: direct.
183. Fillmore, Ch. Lexical Entries for Verbs / Ch. Fillmore // Foundations of Language. – 1968. – Vol. 4. – P. 373–393.
184. Fillmore, Ch. The case for case reopened. Syntax and Semantics / Ch. Fillmore // Academic Press / P. Cole, J. M. Sadock (eds). – New York, 1977. – Vol. 8. – P. 59–81. – Text: direct.
185. Hawkins, J. Definiteness and indefiniteness. A study in reference and grammaticality prediction / J. Hawkins. – London: Croom Helm, 1978. – 316 p. – Text: direct.
186. Jones, Michael N. Big Data Approaches to Study Discourse Processes: Handbook of Discourse Processes / Michael N. Jones, Melody W. Dye; ed. M. F. Schober, D. N. Rapp, M. A. Brit. – 2nd ed. – New York, 2017. – 203 p. – Text: direct.
187. Krippendorff, K. Content analysis: An introduction to its methodology / K. Krippendorff. – Sage publications, 2018. – Text: direct.
188. Krusinga, E. A Handbook of Present Day English. Part II. English Accidence and Syntax / E. Krusinga. – Groningen: P. Noordhoff, 1931. – Vol. 2. – 479 p. – Text: direct.

189. Labov, W. The social stratification of English in New York City / W. Labov. – Washington D.C.: Center for Applied Linguistics, 1966. – 473 p. – Text: direct.
190. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor Text. / G. Lakoff // Metaphor and Thought. / ed. A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 202–252. – Text: direct.
191. Lakoff, R. Abstract Syntax and Latin Complementation. – Cambridge: The M.I.T. Press, 1968. – Text: direct.
192. Langacker, R. W. An overview of cognitive grammar / R. W. Langacker // Topics in cognitive linguistics / ed. B. Rudzka-Ostyn. – Leiden, 1988. – P. 3–48. – Text: direct.
193. Leung, B. T. H. Search Engines: Transferring Information Literacy Practices / B. T. H. Leung, J. Xie, L. Geng, P. N. I. Pun. – Singapore: Shanghai Jiao Tong University Press, 2019. – 83 p. – Text: direct.
194. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge, 1977. – 287 p. – Text: direct.
195. Namenwirth, J. Z. Dynamics of culture / J. Z. Namenwirth, R. P. Weber. – Routledge, 2016. – 172 p. – Text: direct.
196. Nessel, T. Big data in Russian linguistics? / T. Nessel // Zeitschrift für Slawistik. – 2019. – Vol. 64(2). – S. 157–174. – Text: direct.
197. Ockham, W. Part II of the Summa Logicae. tr. Fredosso / W. Ockham // Ockham's Theory of Propositions. – St. Augustine Press, 1998. – P. 73–87. – Text: direct.
198. Peirce, Charles S. Collected Papers of Charles Sanders Peirce / Ch. S. Peirce; ed. by Ch. Hartshorne, P. Weiss, A. W. Burks. – Cambridge: Harvard University Press, 1931. – 138 p. – Text: direct.
199. Popper, K. R. Conjectures and Refutations / K. R. Popper. – C&R, 1969. – P. 408–412. – Text: direct.
200. Roberts, C. W. (ed.). Text analysis for the social sciences: Methods for drawing statistical inferences from texts and transcripts / C. W. Roberts. – Lawrence Erlbaum Associates, 1997. – 216 p. – Text: direct.

201. Sha, G. Using Google as a super corpus to drive written language learning: A comparison with the British National Corpus / G. Sha // Computer Assisted Language Learning. – 2010. – Vol. 23. – № 5. – P. 377–393. – Text: direct.

202. Suleimanova, O. A. Using Big Data Experiments in Cognitive and Linguo-Cultural Research in English and Russian / O. A. Suleimanova, I. M. Petrova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 13. – № 3. – P. 385–393. – DOI 10.17516/1997-1370-0561. – Text: direct.

203. Suleimanova, O. Digital Engines at Work: Promoting Research Skills in Students / O. Suleimanova, A. Vodyanitskaya, V. Yaremenko, M. Fomina // Proceedings of the International Conference on Education and New Developments (END 2020). – 2020. – P. 349–352. – Text: direct.

204. Vendler, Z. Verbs and times // Vendler Z. Linguistics in Philosophy. – Ithaca, 1967. – 352 p. – Text: direct.

205. Wierzbicka, A. The Semantics of Grammar / A. Wierzbicka. – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1988. – 337 p. – Text: direct.

206. Wiley, J. EMC Education Services. Data Science & Big Data Analytics / J. Wiley. – Indianapolis, 2019. – 173 p. – Text: direct.

207. Ziegler, J. C. Reading acquisition, developmental dyslexia, and skilled reading across languages: A psycholinguistic grain size theory / J. C. Ziegler, U. Goswami // Psychological Bulletin. – 2005. – Vol. 131. – P. 3–29. – Text: direct.

СЛОВАРИ

208. Апресян, Ю. Д. Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др. – Москва, 1979. – Текст: непосредственный.

209. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – Изд. 24-е, испр. – Москва: Рус. яз., 1995. – 2106 с. – Текст: непосредственный.

210. Большой психологический словарь (БПС) / под редакцией Б. Г. Мещерякова, академика В. П. Зинченко. – Москва: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2003. – 816 с. – Текст: непосредственный.

211. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под редакцией В. Н. Ярцевой. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 688 с. – Текст: непосредственный.

212. Краткий психологический словарь (КПС) / под редакцией А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – Москва: Феникс, 1998. – 512 с. – Текст: непосредственный.

213. Словарь синонимов русского языка / под редакцией З. Е. Александровой. – Москва: Русский язык, 2001. – Текст: непосредственный.

214. Cambridge International Dictionary of English (CIDE) / ed. by P. Procter. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 408 p. – Text: direct.

215. Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE). Vol. 2. – Москва: Русский язык, 1992. – 408 p. – Text: direct.

216. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (MEDAL) / ed. by Sylviane Granger – Belgium: Macmillan Education, 2007. – 1854 p. – Text: direct.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

217. Академик. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/27205 (дата обращения: 25.01.2021). – Текст: электронный.

218. Большая советская энциклопедия. – URL: <https://rus-bse.slovaronline.com/82653-Ускорение> (дата обращения: 12.01.2021). – Текст: электронный.

219. Большой толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова (БТСРЯ Ушакова Д. Н.). – URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/ускорение> (дата обращения: 12.01.2021). – Текст: электронный.

220. Британский национальный корпус текстов British National Corpus. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 09.02.2021). – Текст: электронный.

221. Глобальная экономика. Энциклопедия. – URL: <https://1148.slovaronline.com/6771-ускорение> (дата обращения: 12.01.2021). – Текст: электронный.

222. Корпус современного американского английского языка: Corpus of Contemporary American English (COCA). – URL: <http://corpus.byu.edu/coca> (дата обращения: 12.01.2021). – Текст: электронный.

223. Корпус исторического американского английского языка: Corpus of Historical American English (COHA) English. – URL: <http://corpus.byu.edu/coha/> (дата обращения: 12.01.2021). – Текст: электронный.

224. Корпус текстов из журналов (американский английский язык): TIME Magazine Corpus. – URL: <http://corpus.byu.edu/time/> (дата обращения: 15.01.2021). – Текст: электронный.

225. Корпус Википедии (американский английский язык): Wikipedia Corpus. – URL: <http://corpus.byu.edu/wiki/> (дата обращения: 24.02.2021). – Текст: электронный.

226. Корпус текстов из американских сериалов (американский английский язык): Corpus of American Soap Operas. – URL: <http://corpus.byu.edu/soap/> (дата обращения: 24.02.2021). – Текст: электронный.

227. Корпус текстов из 20 англоговорящих стран: Global Web-Based English (GloWbE). – URL: <http://corpus.byu.edu/glowbe/> (дата обращения: 16.02.2021). – Текст: электронный.

228. Литературная энциклопедия. – URL: <https://rus-literature-enc.slovar-online.com/5374-Ускорение> (дата обращения: 12.01.2021). – Текст: электронный.

229. Малый академический словарь русского языка (МАС). – URL: <https://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm> (дата обращения: 04.07.2019). – Текст: электронный.

230. Медицинская энциклопедия. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/11366 (дата обращения: 18.05.2020). – Текст: электронный.

231. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.04.2019). – Текст: электронный.

232. Новый словарь русского языка (толково-словообразовательный) Т. Ф. Ефремовой (ТССЕРЯ Ефремова Т. Ф.). – URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 04.07.2019). – Текст: электронный.
233. Ногалес, К. Проблема демаркации научного знания / К. Ногалес. – URL: <https://4brain>. (дата обращения: 19.03.2017). – Текст: электронный.
234. Остер, Г. Б. Котенок по имени Гав: сказка. – URL: <https://skazki.rustih.ru/grigorij-oster-kotyonok-po-imeni-gav/> (дата обращения: 25.01.2020). – Текст: электронный.
235. Толковый словарь живаго великорускаго языка В. И. Даля (ТСЖВЯ Даль В. И.). – URL: <http://slovardalja.net> (дата обращения: 04.07.2019). – Текст: электронный.
236. Фреге, Готлоб // Кругосвет: универсальная научно-популярная энциклопедия. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/FREGE_GOTLOB.html (дата обращения: 25.01.2020). – Текст: электронный.
237. Cambridge English Dictionaries Online. – URL: <http://dictionary.cambridge.org/Dictionary.reference.com> (data of accept: 11.01.2018). – Text: electronic.
238. Cosmopolitan Online. – URL: <https://www.cosmo.ru/psychology/psychology/zhit-nastoyashchim/> (data of accept: 11.01.2018). – Text: electronic.
239. Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE). – URL: <https://www.ldoceonline.com/> (data of accept: 11.01.2018). – Text: electronic.
240. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (MEDAL). – URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (data of accept: 11.04.2019). – Text: electronic.
241. Mihailescu, Mimi. Content analysis: a digital method. 2019. – URL: https://www.researchgate.net/publication/333756046_Content_analysis (data of accept: 10.04.2019). – Text: electronic.
242. Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD). – URL: <http://www.oxford-learnersdictionaries.com> (data of accept: 26.05.2020). – Text: electronic.
243. Thesaurus.com. – URL: <http://www.thesaurus.com/> (data of accept: 11.01.2018). – Text: electronic.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Пример анкеты, разработанной для предъявления информантам-носителям английского языка

QUESTIONNAIRE

Dear friends,

Would you help me with my research into the difference in the meanings of the verbs *shudder, tremble, shiver, quiver, shake, quake, dodder* to follow?

I kindly ask you to grade the sentences to follow according to the given scale.

Rating	Meaning	Comment
No mark	Unacceptable (неприемлемо)	Rare, not occurring (встречается крайне редко или не употребляется вовсе)
+	Marginally acceptable, not preferred (на грани приемлемости)	Infrequent (встречается нечасто)
?	Acceptable, not preferred (приемлемо, не предпочтительно)	Frequent (встречается часто)
*	Acceptable, preferred (приемлемо, предпочтительно)	Most frequent (встречается наиболее часто)

Any comments will be appreciated (see comments).

Thank you.

Your age

Your sex

Education

№	Examples	Grade				Comments
		Acceptable, preferred/Most frequent No mark	Acceptable, not preferred/Frequent +	Marginally acceptable, not preferred /Infrequent ?	Unacceptable, not preferred/Rare, not occurring *	
1	I <i>shudder</i> to think what kind of life I should have had with him					
	I <i>tremble</i> to think what kind of life I should have had with him					
	I <i>shiver</i> to think what kind of life I should have had with him					
	I <i>quiver</i> to think what kind of life I should have had with him					
	I <i>shake</i> to think what kind of life I should have had with him					
	I <i>quake</i> to think what kind of life I should have had with him					

	I <i>dodder</i> to think what kind of life I should have had with him					
2	Would I <i>shudder</i> to hear your words?					
	Would I <i>tremble</i> to hear your words?					
	Would I <i>shiver</i> to hear your words?					
	Would I <i>quiver</i> to hear your words?					
	Would I <i>shake</i> to hear your words?					
	Would I <i>quake</i> to hear your words?					
	Would I <i>dodder</i> to hear your words?					
3	I <i>shudder</i> to type the words					
	I <i>tremble</i> to type the words					

I <i>shiver</i> to type the words					
I <i>quiver</i> to type the words					
I <i>shake</i> to type the words					
I <i>quake</i> to type the words					
I <i>dodder</i> to type the words					

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Лингвистический эксперимент (1)

Dear friends,

Would you help me with my research into the difference in the meanings of the verbs *shudder, tremble, shiver, quiver, shake, quake, dodder* to follow?

I kindly ask you to grade the sentences to follow according to the given scale.

Any comments will be appreciated (see comments).

Thank you.

Your age 42

Your sex M

Education Graduate degree

<i>№</i>	<i>Examples</i>	<i>Grade</i>				<i>Comments</i>
		<i>Acceptable, preferred/Most frequent</i>	<i>Acceptable, not preferred/Frequent</i>	<i>Marginally acceptable, not preferred /Infrequent</i>	<i>Unacceptable, not preferred/Rare, not occurring</i>	
		No mark	+	?	*	
1	I <i>shudder</i> to think what kind of life I should have had with him					
	I <i>tremble</i> to think what kind of life I should have had with him		+			
	I <i>shiver</i> to think what kind of life I should have had with him			?		
	I <i>quiver</i> to think what kind of life I should have had with him			?		

	I <i>shake</i> to think what kind of life I should have had with him			?		
	I <i>quake</i> to think what kind of life I should have had with him			?		
	I <i>dodder</i> to think what kind of life I should have had with him				*	
2	Would I <i>shudder</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					What is “hear a grave proposal marriage ward”
	Would I <i>tremble</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>shiver</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>quiver</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>shake</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>quake</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>dodder</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
3	I <i>shudder</i> to type the words					
	I <i>tremble</i> to type the words					
	I <i>shiver</i> to type the words			?		
	I <i>quiver</i> to type the words				*	
	I <i>shake</i> to type the words			?		
	I <i>quake</i> to type the words				*	

	I <i>dodder</i> to type the words				*	
--	-----------------------------------	--	--	--	---	--

Лингвистический эксперимент (2)

Your age – 50+

Your sex - M

Education – Graduate degree

№	Examples	Grade				Comments
		Acceptable, preferred/Most frequent No mark	Acceptable, not preferred/Frequent +	Marginally acceptable, not preferred /Infrequent ?	Unacceptable, not preferred/Rare, not occurring *	
1	I <i>shudder</i> to think what kind of life I should have had with him	x				My choices are “from my ear.” As a native English speaker, some things “sound right” and some don’t.
	I <i>tremble</i> to think what kind of life I should have had with him			x		
	I <i>shiver</i> to think what kind of life I should have had with him		x			
	I <i>quiver</i> to think what kind of life I should have had with him			x		
	I <i>shake</i> to think what kind of life I should have had with him			x		
	I <i>quake</i> to think what kind of life I should have had with him			x		
	I <i>dodder</i> to think what kind of life I should have had with him				x	
	Would I <i>shudder</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?	x				This is from a book written in 1870. We don’t speak like this anymore. It’s like

2						reading Shakespeare ... oddly lovely, but difficult to understand.
	Would I <i>tremble</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?			x		
	Would I <i>shiver</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?			x		
	Would I <i>quiver</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?				x	
	Would I <i>shake</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?				x	
	Would I <i>quake</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?				x	
	Would I <i>dodder</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?				x	
3	I <i>shudder</i> to type the words		x			
	I <i>tremble</i> to type the words	x				
	I <i>shiver</i> to type the words			x		
	I <i>quiver</i> to type the words				x	
	I <i>shake</i> to type the words			x		
	I <i>quake</i> to type the words				x	
	I <i>dodder</i> to type the words				x	

Лингвистический эксперимент (3)

Your age 50

Your sex F

Education ABD on a PhD

№	Examples	Grade				Comments
		Acceptable, preferred/Most frequent No mark	Acceptable, not preferred/Frequent +	Marginally acceptable, not preferred /Infrequent ?	Unacceptable, not preferred/Rare, not occurring *	
1	I <i>shudder</i> to think what kind of life I should have had with him	x				
	I <i>tremble</i> to think what kind of life I should have had with him		x			Synonym for shudder, but shudder is better.
	I <i>shiver</i> to think what kind of life I should have had with him		x			Would depend on surrounding text. Would most likely be threatening or abusive in the intent.
	I <i>quiver</i> to think what kind of life I should have had with him			x		Would depend on surrounding text. Would most likely be romantic in intent.
	I <i>shake</i> to think what kind of life I should have had with him				x	People might be shaking here, but they would not shake.
	I <i>quake</i> to think what kind of life I should have had with him				x	People might be quaking here, but they would not quake.
	I <i>dodder</i> to think what kind of life I should have had with him				x	Word does not make sense in this context
	Sentence 2 does not make sense in any context.					

	This is nonsensical “ grave proposal marriage ward In ” does not mean anything.					
2	Would I <i>shudder</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>tremble</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>shiver</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>quiver</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>shake</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>quake</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>dodder</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
3	I <i>shudder</i> to type the words	x				Same as above
	I <i>tremble</i> to type the words	x				Same as above
	I <i>shiver</i> to type the words			x		
	I <i>quiver</i> to type the words				x	Words do not make grammatical sense.
	I <i>shake</i> to type the words				x	Words do not make grammatical sense.
	I <i>quake</i> to type the words				x	Words do not make grammatical sense.
	I <i>dodder</i> to type the words				x	Words do not make grammatical sense.

Лингвистический эксперимент (4)

Your age 48

Your sex Female

Education Degree/Masters

№	Examples	Grade				Comments
		Acceptable, preferred/Most frequent No mark	Acceptable, not preferred/Frequent +	Marginally acceptable, not preferred /Infrequent ?	Unacceptable, not preferred/Rare, not occurring *	
1	I <i>shudder</i> to think what kind of life I should have had with him	x				No question, to a UK English person, we shudder – its' a very specific thing whereas the others can be used for other things
	I <i>tremble</i> to think what kind of life I should have had with him			x		When we are afraid, fearful or angry we may tremble but we wouldn't use it in this context
	I <i>shiver</i> to think what kind of life I should have had with him				x	Just not used at all in this context
	I <i>quiver</i> to think what kind of life I should have had with him				x	Same as shiver – someone can send shivers down your spine etc but not this
	I <i>shake</i> to think what kind of life I should have had with him			x		Possible but still not used in this context – you may be left shaking but you're
	I <i>quake</i> to think what kind of life I should have had with him				x	

	I <i>dodder</i> to think what kind of life I should have had with him				x	More an old person – dodders or is doddering
2	Would I <i>shudder</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?	x				The sentence doesn't really make any sense but in the context since I've read it online it's olde worlde English but makes more sense if you read the whole excerpt http://lightnovelgate.com/chapter/the_woman_who_dared/chapter_13
	Would I <i>tremble</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?				x	
	Would I <i>shiver</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?				x	
	Would I <i>quiver</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?				x	
	Would I <i>shake</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?				x	
	Would I <i>quake</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?				x	
	Would I <i>dodder</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?				x	
3	I <i>shudder</i> to type the words				x	
	I <i>tremble</i> to type the words	x				Most likely this one as you've shuddered enough! 😊
	I <i>shiver</i> to type the words				x	
	I <i>quiver</i> to type the words				x	

	I <i>shake</i> to type the words			x		
	I <i>quake</i> to type the words				x	
	I <i>dodder</i> to type the words				x	

Лингвистический эксперимент (5)

Your age 55

Your sex male

Education undergraduate

№	Examples	Grade				Comments
		Acceptable, preferred/Most frequent No mark	Acceptable, not preferred/Frequent +	Marginally acceptable, not preferred /Infrequent ?	Unacceptable, not preferred/Rare, not occurring *	
1	I <i>shudder</i> to think what kind of life I should have had with him	1				
	I <i>tremble</i> to think what kind of life I should have had with him			1		
	I <i>shiver</i> to think what kind of life I should have had with him			1		
	I <i>quiver</i> to think what kind of life I should have had with him				1	

	I <i>shake</i> to think what kind of life I should have had with him				1	
	I <i>quake</i> to think what kind of life I should have had with him				1	
	I <i>dodder</i> to think what kind of life I should have had with him				1	
2	Would I <i>shudder</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					What is a "grave proposal marriage ward"
	Would I <i>tremble</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>shiver</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>quiver</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>shake</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>quake</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
	Would I <i>dodder</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					
3	I <i>shudder</i> to type the words					I'm not really sure what this means out of context.
	I <i>tremble</i> to type the words					
	I <i>shiver</i> to type the words					
	I <i>quiver</i> to type the words					
	I <i>shake</i> to type the words					
	I <i>quake</i> to type the words					

I <i>dodder</i> to type the words						
-----------------------------------	--	--	--	--	--	--

Лингвистический эксперимент (обобщенные данные)

№	Examples	Grade				Comments
		Acceptable, preferred/Most frequent	Acceptable, not preferred/Frequent	Marginally acceptable, not preferred /Infrequent	Unacceptable, not preferred/Rare, not occurring	
1	I <i>shudder</i> to think what kind of life I should have had with him	X				
		X				
		X				
		X				No question, to a UK English person, we shudder – its' a very specific thing whereas the others can be used for other things
		X				
	I <i>tremble</i> to think what kind of life I should have had with him		X			
				X		
			X			Synonym for shudder, but shudder is better.
				X		When we are afraid, fearful or angry we may tremble but we wouldn't use it in this context
				X		
	I <i>shiver</i> to think what kind of life I should have had with him			X		
			X			
			X			Would depend on surrounding text. Would most likely be threatening or abusive in the intent.
					X	Just not used at all in this context
				X		
	I <i>quiver</i> to think what kind of life I should have had with him			X		
				X		
			X		Would depend on surrounding text. Would most likely be romantic in intent.	

					X	Same as shiver – someone can send shivers down your spine etc but not this
					X	
	I <i>shake</i> to think what kind of life I should have had with him			X		
				X		
					X	People might be shaking here, but they would not shake.
				X		Possible but still not used in this context – you may be left shaking but you're
					X	
	I <i>quake</i> to think what kind of life I should have had with him			X		
				X		
					X	People might be quaking here, but they would not quake.
					X	
					X	
					X	
	I <i>dodder</i> to think what kind of life I should have had with him				X	
					X	
					X	Word does not make sense in this context
					X	More an old person – dodders or is doddering
					X	
2	Would I <i>shudder</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?					What is “hear a grave proposal marriage ward”
		X				This is from a book written in 1870. We don't speak like this anymore. It's like reading Shakespeare ... oddly lovely, but difficult to understand.
						Sentence 2 does not make sense in any context. This is nonsensical “ grave proposal marriage ward in ” does not mean anything
		X				The sentence doesn't really make any sense but in the context since I've read it online it's olde worlde English but makes more sense if

						you read the whole excerpt http://lightnovelgate.com/chapter/the_woman_who_dared/chapter_13 What is a "grave proposal marriage ward"
Would I <i>tremble</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?			X			
				X		
Would I <i>shiver</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?			X			
				X		
Would I <i>quiver</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?				X		
				X		
Would I <i>shake</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?				X		
				X		
Would I <i>quake</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?				X		
				X		

	Would I <i>dotter</i> to hear a grave proposal marriage ward In alto or soprano?						
					X		
						X	
3	I <i>shudder</i> to type the words	X					
			X				
		X					Same as above
						X	
							I'm not really sure what this means out of context.
	I <i>tremble</i> to type the words	X					
		X					
		X					Same as above
		X					Most likely this one as you've shuddered enough!
							I'm not really sure what this means out of context.
	I <i>shiver</i> to type the words				X		
					X		
					X		
						X	
	I <i>quiver</i> to type the words					X	
						X	
						X	Words do not make grammatical sense.
						X	
							I'm not really sure what this means out of context.
I <i>shake</i> to type the words				X			
				X			
					X	Words do not make grammatical sense.	

				X		
						I'm not really sure what this means out of context.
I <i>quake</i> to type the words				X		
				X		
				X		Words do not make grammatical sense.
				X		
						I'm not really sure what this means out of context.
I <i>dodder</i> to type the words				X		
				X		
				X		Words do not make grammatical sense.
				X		
						I'm not really sure what this means out of context.

Возможные коллокации синтаксической модели типа *X shudders to V*

1*Глагол умственной деятельности (*verbs denoting mental processes*)

Think, look upon, feel, speak upon, remember, picture, imagine, say, find myself, name, declare, recall, record, tell, calculate, contemplate, ponder, realize, envisage, confess, ask, consider, do, wonder, speculate, know

2*Глагол физического восприятия (*verbs of physical perception*)

Look at, behold, see, hear

3* Глагол описывает конкретное понятное физическое действие (*Dynamic verbs*)

Write, type, use, sound, dine, address